

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Барнаульский юридический институт МВД России

МАТЕРИАЛЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Барнаул 2020

ББК 67.52я431
М 341

Редакционная коллегия:

Кругликова О.В. – канд. юрид. наук, доцент;

Шебалин А.В. – канд. юрид. наук, доцент;

Остробородов В.В. – канд. мед. наук, доцент;

Архипова Н.А. – канд. юрид. наук;

Овсянников В.В.;

Михалева Д.А. – канд. юрид. наук, доцент (ответственный секретарь).

М 341 **Материалы** криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – 98 с.

ISBN 978-5-94552-430-9

Сборник содержит материалы криминалистических чтений, традиционно проходящих в Барнаульском юридическом институте МВД России. Работы, включенные в сборник, охватывают круг проблем, связанных с криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступлений, тактики производства процессуальных и следственных действий, методики расследования отдельных видов преступлений.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, адъюнктов, курсантов и студентов юридических вузов системы МВД России и юридических факультетов учебных заведений Министерства образования и науки, а также для практических работников правоохранительных органов.

ББК 67.52я431

ISBN 978-5-94552-430-9

© Барнаульский юридический институт
МВД России, 2020

Б.П. Аскарова

*Академия Министерства внутренних дел
Республики Узбекистан*

**О взаимодействии следователя
с экспертами и специалистами в области
судебной баллистики**

При поступлении заявления или сообщения о преступлении, связанного с применением огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, одной из предпосылок успешного раскрытия преступления является быстрая и четкая организация выезда следственно-оперативной группы для осмотра места происшествия и принятия всех необходимых мер по эффективному взаимодействию. Осмотру места происшествия должна предшествовать согласованная подготовительная работа, направленная на организацию участия при осмотре следователя, экспертов, необходимых специалистов, понятых и лиц, призванных оказывать следователю содействие в осмотре. С этого момента практически и начинается совместная деятельность взаимодействующих субъектов. При осуществлении осмотра места происшествия следователь умело, на высоком профессиональном уровне должен организовать взаимодействие с другими службами органов внутренних дел, научно-техническим отделом и иными экспертными учреждениями, направляя общие усилия на раскрытие данного вида преступлений. Привлеченные к делу эксперт и специалисты в области судебно-баллистической экспертизы выполняют действия по обнаружению, фиксации и изъятию невидимых следов и доступные в условиях осмотра предварительные исследования следов и других вещественных доказательств.

По общему правилу следователь должен сам выполнять действия, связанные с непосредственным восприятием доказательств, на основании которых складывается его внутреннее убеждение по узловым вопросам расследования [2, с. 31-35]. К сожалению, на практике зачастую следователь нередко формально, порой наспех осматривает место происшествия, не выявляя следы, оставленные преступником, и не выдвигая при этом следственных версий.

Среди известных факторов, влияющих на эффективность осмотра места происшествия, связанного с применением огнестрельного оружия, есть проблема использования следователем, экспертом, специалистом научно-технических средств и инновационных техно-

логий в различных областях, в т.ч. и в такой, как судебная баллистика, где экспертно-криминалистическая деятельность является приоритетной.

Необходимо отметить, что баллистическая экспертиза представляет собой вид научного исследования, результаты которого в форме заключения, наряду с другими доказательствами, достаточно часто используются для установления истины по уголовным делам, где имелся факт применения оружия. В связи с этим к заключениям экспертов в сфере баллистики предъявляются повышенные требования, и их содержание должно быть научно обоснованно, выводы объективны и достоверны [3, с. 3].

В сущности, результаты заключения баллистической экспертизы позволяют установить вид, систему и модель огнестрельного оружия, взрывчатых веществ. К основным задачам, решаемым этим видом экспертиз, также относятся определение однородности патронов, пуль, гильз, дроби, картечи и исследование следов выстрела на преградах для установления направления, дистанции выстрела и других обстоятельств.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что объектами исследования баллистической экспертизы выступают непосредственно само огнестрельное оружие, боевые припасы и иные предметы, предназначенные для осуществления стрельбы, или следы, оставленные ими. Ценную информацию об обстоятельствах преступления можно получить, изучив огнестрельные повреждения.

По мнению В.Д. Корма, понятие «огнестрельное оружие» занимает важное место в криминалистике и чаще всего указывается как средство совершения преступления, элемент криминалистической характеристики преступления вместе с проблемами образования следов и проведения отдельных следственных действий [1, с. 4].

При исследовании представленного для исследования оружия основной задачей эксперта является определение его пригодности для производства выстрела и, соответственно, установление факта производства самого выстрела. При этом могут быть применены различные методы, например, микроскопическое исследование налета на поверхности канала ствола, экспериментальная стрельба и др.

Так, по правилам проведения экспериментальной стрельбы с целью получения сравнительных образцов для идентификационного ис-

следования сначала должны быть созданы более благоприятные условия для получения полной картины следов на пулях, после чего условия экспериментальной стрельбы в случае необходимости могут быть максимально приближены к тем, которые были на месте происшествия [5, с. 74]. Из этого следует, что игнорирование данного требования к получению экспериментальных образцов может привести к ошибочному заключению.

При установлении тождества путем исследования оружия и стреляной пули важно учитывать различные факторы, связанные с особенностями исследуемого оружия, его различных частей, состояния, механического или иного воздействия на него, использованием подходящих по калибру, но «неродных» патронов. Это повлияет на выводы эксперта, который может дать ошибочное заключение. Специфика экспертного исследования будет заключаться в своевременном выявлении факта использования патронов в не соответствующем им оружии, наличии или отсутствии в следах на пулях и гильзах особых признаков, свидетельствующих об этом [4, с. 801].

В заключение необходимо отметить, что своевременное назначение и проведение судебно-баллистической экспертизы позволяет значительно расширить диапазон создания доказательственной базы посредством привлечения специалистов в области баллистики, эффективно взаимодействовать следователю с экспертом и, соответственно, поднять на новый уровень раскрытие преступлений, связанных с приме-

нием огнестрельного оружия. Затронутая в данной статье проблема взаимодействия следователя с экспертами в области баллистики в настоящий момент актуальна. Их совместная деятельность является необходимым фактором успешного раскрытия и расследования преступлений с использованием огнестрельного оружия, а потому алгоритм взаимодействия между ними должно совершенствоваться.

Литература

1. Корма В.Д. Особенности использования специальных знаний в области судебной баллистики при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.
2. Косимов О.А. Проблемы взаимодействия следователя с органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела по материалам оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2011. № 12. С. 31-35.
3. Хасанов Ш.Х., Хусанов А.Д., Маматкулов Т.Б. Сборник образцов заключений по баллистической экспертизе: учебно-практ. пособие. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2014.
4. Яровенко В.В. Применение специальных знаний при исследовании объектов судебной баллистики // Право и политика. 2012. № 4. С. 801-806.
5. Яценко С.В. О классификации патронов к ручному огнестрельному оружию // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул: БЮИ МВД России, 2008. С. 74-79.

*Н.А. Архипова, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт
МВД России*

Отдельные аспекты взаимодействия дознавателей ОВД с участковым уполномоченным полиции в ходе раскрытия и расследования преступлений

Вопросы взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений привлекают многих ученых и практических работников. В настоящее время еще не до конца разрешены проблемы взаимодействия дознавателей орга-

нов внутренних дел (далее – дознаватели ОВД) с участковыми уполномоченными полиции в ходе раскрытия и расследования преступлений. Эффективное взаимодействие дознавателей ОВД с участковыми уполномоченными полиции служит одним из важнейших условий, обеспечивающих успешное раскрытие и расследование преступлений.

Однако анализ практики показал, что наблюдается недостаточная организация взаимодействия дознавателей ОВД с участковыми уполномоченными полиции. Часто дознаватели с недоверием принимают информацию, предоставляемую участковыми уполномоченными полиции. С нарушением сроков участковые

уполномоченные полиции могут предоставлять результаты исполнения письменных поручений дознавателя ОВД.

Одной из причин наличия данных факторов является недостаточная теоретическая проработка проблемных вопросов взаимодействия дознавателя ОВД и участкового уполномоченного полиции, отсутствие научно обоснованных методических рекомендаций для практических работников.

Анализ правовых основ, регламентирующих деятельность дознавателей ОВД и участковых уполномоченных полиции, позволил сделать вывод, что в нормативных правовых актах содержатся положения, направленные на организацию взаимодействия данных субъектов в рамках раскрытия и расследования преступлений.

Рассмотрим особенности взаимодействия дознавателей ОВД с участковыми уполномоченными полиции, которое осуществляется в процессуальной и непроцессуальной формах.

При исследовании уголовно-процессуального законодательства мы пришли к выводу, что процессуальная форма взаимодействия регламентирована п. 1.1 ч. 3 ст. 41 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Так, в п. 1.1 ч. 3 ст. 41 указывается, что дознаватель вправе дать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу и о производстве иных процессуальных действий, а также получении содействия при их осуществлении.

Содействие при производстве следственных действий может выражаться в создании условий для успешного производства следственных действий (охрана места происшествия, обеспечение порядка). Помощь участкового уполномоченного полиции может потребоваться дознавателю при производстве сложных следственных действий, требующих одновременного осуществления нескольких организационных мероприятий, например, при осмотре места происшествия, обыске, следственном эксперименте, проверке показаний на месте и др.

В соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ при необходимости производства следственных действий в другом месте дознаватель вправе поручить его производство органу дознания. Например, если необходимо допросить свидетеля, произвести у него выемку, а проживает он на значительном удалении от места производства предварительного расследования, то до-

знаватель может дать поручение о выполнении этих действий участковому уполномоченному полиции. В такой ситуации дознавателю важно в поручении указывать не только вопросы, подлежащие выяснению, но и необходимую ориентирующую информацию; одновременно ему даются соответствующие тактические рекомендации. Если же поручается проведение разыскных мероприятий, то нужно точно сформулировать задачи и определить сроки их проведения. Участковый уполномоченный полиции должен стремиться к тому, чтобы поручение дознавателя было выполнено в срок не позднее десяти суток.

В теории криминалистики традиционно к непроцессуальной форме взаимодействия относятся совместную деятельность в составе следственно-оперативной группы, совместное планирование проверки сообщения о преступлении и расследовании, обсуждение результатов следственных действий для определения дальнейшего хода расследования, обсуждение профилактических мер, обмен информацией о совершаемых преступлениях, о криминогенной ситуации на административном участке и т.д. Эти виды непроцессуальной формы взаимодействия используются при совместной деятельности дознавателя ОВД и участковых уполномоченных полиции.

Руководителем следственно-оперативной группой в зависимости от подследственности может быть дознаватель. Однако участковые уполномоченные полиции не входят в состав дежурной следственно-оперативной группы. Они прибывают на место происшествия по указанию начальника органа внутренних дел или оперативного дежурного вне зависимости от графика дежурства и по принципу обслуживания территории, на которой совершено преступление [2].

При прибытии на место происшествия раньше дежурной следственно-оперативной группы участковый уполномоченный полиции принимает меры к пресечению противоправных действий, оказанию первой помощи пострадавшему, задержанию заподозренного лица, сохранению следов преступления и иных предметов, могущих быть вещественными доказательствами. О проведенных мероприятиях участковый уполномоченный полиции информирует руководителя следственно-оперативной группы. Члены дежурной следственно-оперативной группы редко владеют полной информацией о пострадавшем, заподозренном лице, об обстоятельствах ранее совершенных

правонарушений на обслуживаемом участке и соседних административных территориях. Кроме того, он проверяет на причастность ранее судимых лиц, представителей других категорий, состоящих на профилактическом учете, а также жителей административного участка, характеризующихся ведением антиобщественного образа жизни и противоправным поведением [1, с. 30].

При взаимодействии со следственно-оперативной группой участковый уполномоченный полиции исполняет поручения ее руководителя по установлению, вызову к нему очевидцев и иных лиц, располагающих сведениями о преступлениях и лицах, его совершивших. Такое взаимодействие участкового уполномоченного полиции со следственно-оперативной группой может способствовать раскрытию преступления по горячим следам.

Таким образом, в процессе взаимодействия дознаватели ОВД должны добиваться совмест-

ной и согласованной деятельности с участковым уполномоченным полиции в ходе раскрытия и расследования преступлений. Соответственно, знание процессуальных и непроцессуальных форм взаимодействия между дознавателем ОВД и участковым уполномоченным полиции, безусловно, будет способствовать повышению эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Литература

1. Организация деятельности участкового уполномоченного полиции: учебник / под ред. проф. В.А. Кудина. СПб.: ООО «Р-Копи», 2017.

2. Паутова Т.А. Отдельные вопросы взаимодействия дознавателей с участковыми уполномоченными полиции на первоначальном этапе расследования преступлений // Концепт. 2014. Спецвып. 29. URL: <http://ekoncept.ru/2014/14840.htm>.

*Г.Х. Афзалетдинова, канд. юрид. наук
Уфимский юридический институт МВД России*

К вопросу о расследовании мошеннических действий, совершенных с использованием средств сотовой связи и информационно-коммуникационной сети Интернет

В настоящее время в связи с активным распространением использования возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет в различных сферах его возможности используются также преступниками в целях совершения противоправных действий, в т.ч. связанных с подготовкой, совершением и сокрытием различных преступлений, и мошенничество не является исключением. Указанные преступления имеют тенденцию к увеличению. Мошенничеств в сфере информационно-телекоммуникационных технологий за 2019 г. зарегистрировано 119 903 (+32,2%) [1]. Поэтому ученые-криминалисты на основе обобщения правоприменительной практики должны стремиться выработать методические рекомендации по раскрытию и расследованию мошеннических

действий, совершенных с использованием средств сотовой связи и интернета.

Алгоритм расследования хищений в сфере телефонного мошенничества направлен на ориентирование сотрудников правоохранительных органов на организацию наиболее эффективного расследования вышеуказанной категории мошенничеств. В ходе расследования отмеченной категории мошенничеств следователи путем проведения следственных и процессуальных действий должны стремиться установить фактическое место жительства лиц, осуществляющих преступные действия, в действиях которых имеются признаки телефонного мошенничества; установить сбытчиков похищенного посредством направления поручений оперуполномоченным для осмотра похищенного при продаже по объявлениям на «Авито» и др.

Установление лица, осуществляющего использование сети Интернет в целях совершения преступлений – мошеннических действий, возможно через IP-адрес, т.е. идентификационный номер, который присваивается каждому компьютеру при выходе в сеть Интернет. IP-адрес выдается в момент начала интернет-сессии. На сайте (в т.ч. «Авито» и др.) имеется история

соединений пользователей, установить их можно посредством IP-адреса.

Таким образом, механизм слеодообразования имеет специфическую окраску, обусловленную тем, что свои следы преступники оставляют на сайтах интернета. С помощью установления IP-адреса и точного времени его использования в сети Интернет можно установить адрес нахождения персонального компьютера или иного устройства, которое использовал преступник (адрес квартиры или кафе).

Также имеют место случаи подключения пользователей через IP-адрес использованной им виртуальной частной сети (используемый VPN-сервер), который принадлежит провайдеру и зачастую находится на территории иностранного государства, что затрудняет направление запроса и последующее оперативное получение интересующих сведений.

При совершении мошеннических действий в рассматриваемой сфере преступники используют банковские карты, расчётные счета, счета абонентских номеров, электронные кошельки, которые зачастую оформлены на подставных лиц, по похищенным и утерянным паспортам, что затрудняет установление и привлечение к уголовной ответственности виновных лиц. При проведении обысков в жилище и осмотров по месту жительства подозреваемых (при согласии собственников жилища на его проведение) необходимо предпринимать меры для обнаружения документов, свидетельствующих об оформлении счетов в банках, получении денежных средств посредством перевода и пр. Кроме того, при проведении обысков в жилище необходимо обнаружить и изъять стационарный компьютер и планшет, с помощью которых преступники осуществляли преступные действия. В изымаемой компьютерной технике могут находиться вредоносные компьютерные программы, позволяющие блокировать доступ к информации либо уничтожать её, что можно рассматривать в качестве формы противодействия со стороны подозреваемого предварительному расследованию. Поэтому изъятие и последующий осмотр средств компьютерной техники и сотовой связи, посредством которых

осуществлялся доступ в сеть Интернет, необходимо производить с участием специалиста в области компьютерной техники.

Так, в ходе расследования установлено, что И., используя персональный компьютер, находящийся по установленному в ходе следствия адресу, через IP-адрес разместил на сайте интернета объявление с заведомо ложными сведениями о продаже автомобилей различных марок. Потерпевшая К., обнаружив объявление о продаже автомобилей, перечислила на лицевой счёт, зарегистрированный на имя И., денежные средства. Также И., используя персональный компьютер, через IP-адрес разместил на сайте www.avito.ru объявление с заведомо ложными сведениями о продаже автомобилей. Потерпевший М., будучи введенным в заблуждение, перечислил на лицевой счёт И., зарегистрированный на имя последнего, денежные средства. И. обвинялся в совершении двух эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Также преступники используют наличные переводы («Золотая корона», «Вестерн Юнион» и др.) в преступных целях. Получатель денежных средств должен предъявить документ, удостоверяющий личность, и сообщить кодовое слово. Данные о получателях денежных средств необходимо запрашивать в целях последующего их установления и допроса.

В статье рассмотрены лишь некоторые аспекты расследования совершенных с использованием средств сотовой связи и интернета мошеннических действий, которые, как нам представляется, окажут помощь правоприменителям при документировании, раскрытии и расследовании рассматриваемой категории хищений.

Литература

1. Аналитический обзор. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции её развития. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020. 88 с.
2. Архив Чишминского районного суда Республики Башкортостан. Д. № 1-16/2016.

*Е.А. Бартнев, канд. юрид. наук, доцент
Новосибирский филиал Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации*

**Некоторые вопросы использования
специальных исследований в ходе
расследования нераскрытых
преступлений прошлых лет**

В ходе расследования нераскрытых преступлений прошлых лет важным условием получения новых доказательств является возможность использования специальных знаний. В работе следователя по приостановленному делу такие знания носят справочно-консультативный характер, например, участие специалиста в поиске преступника по следам подошв обуви, сравнение фальшивых денег, изъятых по нескольким делам с целью установления их единого источника происхождения, и т.д. В работе по возобновленному делу следователь назначает производство судебных экспертиз.

На результативность производства экспертиз давность совершения преступления оказывает такое же отрицательное воздействие, как и на производство других следственных действий. Возникновение такого отрицательного воздействия может быть связано:

1) с утратой идентификационных признаков у искомого объекта. Например, объект продолжал использоваться по назначению, т.е. утрачивал первоначальные идентификационные признаки, а на их месте появлялись новые (подошва обуви или покрышки автомашин изнашиваются, орудие взлома или детали огнестрельного оружия стачиваются и т.д.), или у лица произошло окончательное заживление телесных повреждений, полученных в связи с совершением им преступления, что впоследствии может затруднить судебно-медицинское исследование;

2) ненадлежащим хранением объектов, изъятых в ходе первоначального расследования, в результате чего происходит их частичное изменение или утрата, например, при термическом или светохимическом воздействии;

3) истечением сроков хранения и снятием следов, стоящих на экспертно-криминалистических учетах, особенно имеющих непродолжительные сроки хранения.

Самой значительной базой следов, изъятых в ходе осмотра места происшествия, остается база, сформированная в органах МВД, в экспертно-криминалистических подразделениях. Имеющимися ведомственными и межведом-

ственными правовыми актами определяется порядок собирания, устанавливается время хранения тех или иных следов различных учетов. Например, следы подошв обуви снимаются с учета по истечении двух лет, следы орудий взлома и следов протекторов шин транспортных средств – по истечении трех лет, фонограмма речи мужчины и женщины – по истечении пяти лет, а детской речи – через год и т.д. Практике известны случаи, когда, сопоставляя обувь, изъятую у лица, представляющего оперативный интерес, со следом обуви, изъятым в ходе осмотра места происшествия и направленным по прошествии четырех лет с момента совершения происшествия, специалисты установили совпадение следов, хотя срок снятия с учета таких следов истекает через два года;

4) несвоевременностью выявления ошибочности или недостаточности обоснования выводов эксперта, в результате чего следователю приходится неоднократно возвращаться к оценке выводов этих экспертиз с учетом полученных им сведений в ходе работы по данной категории дел и т.д.

Положительной стороной, в случае установления подозреваемого или обвиняемого, при назначении судебных экспертиз по приостановленному или возобновленному делу, остается возникновение новых возможностей для исследования вещественных доказательств, изъятых ранее (документов и т.д.).

Как правило, лица, совершившие преступления, которые остались нераскрытыми, продолжают совершать новые, что обязательно приводит к возникновению новых следов. По данным следам могут быть назначены идентификационные исследования со следами, имеющимися в ранее проведенных экспертизах.

К наиболее характерным экспертизам, назначаемым по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет, относят криминалистические, судебно-медицинские и судебно-биологические, а также могут быть назначены судебно-психологические и др.

Назначением и производством криминалистических экспертиз, в зависимости от их рода, можно решить задачи идентификационного и диагностического характера.

Так, трасологическими исследованиями идентифицируют или устанавливают групповую принадлежность лица по следам, обнаруженным в ходе осмотра места происшествия (следы зубов и т.д.); групповую принадлежность орудий преступления по следам их при-

менения (топор, гвоздодер и т.д.). В случаях отсутствия объекта (утрачен или не обнаружен), несмотря на выполнение всех необходимых мер по его поиску, следует попытаться отыскать следы применения такого объекта по месту нахождения подозреваемого или обвиняемого (например, следы топора или другого инструмента). При сборе достаточного количества таких следов их можно использовать в качестве свободных образцов при назначении экспертизы. В ходе сравнения следов, обнаруженных на месте происшествия, со свободными образцами, можно установить их идентичность или групповую принадлежность.

Портретным исследованием по внешним признакам, зафиксированным на фотоснимках, устанавливаются личность неизвестных преступников, свидетелей, подозреваемых или умерших граждан по неопознанным трупам; факт принадлежности документов, удостоверяющих личность, их владельцам; розыск преступников и иных лиц. Изображение человека на снимке может быть во весь рост, погрудное или поясное. В некоторых случаях, при наличии индивидуализирующих признаков, идентификация человека производится по отдельным частям тела (кисть руки, ухо и т.д.).

В результате почерковедческого исследования идентифицируют исполнителя рукописи или подписи, устанавливают половую принадлежность писавшего, его возраст, особенности и условия выполнения рукописи или подписи и т.д.

Назначением судебно-медицинских экспертиз в первую очередь устанавливают давность образования повреждений на теле человека; определяют время наступления смерти и ее причины и т.д. Вопрос, связанный с реконструкцией событий, например, возможностью или невозможностью формирования конкретных повреждений, в конкретной ситуации решает такой вид судебно-медицинской экспертизы, как медико-криминалистическая.

Также могут быть назначены судебно-биологическая экспертиза, отдельные ее виды. Например, объектами генотипоскопической экспертизы традиционно являются кровь, волосы, выделения, ногти, кости и т.д. Результат такого исследования служит основанием для вывода о принадлежности биоматериала подэкспертному лицу. Исследование обычно проводится, когда на месте происшествия обнаруживаются и изымаются следы биологического происхождения человека и имеется лицо или

круг лиц, от которых данные следы предположительно происходят. В настоящее время такое сравнение можно проводить и в отношении биологических объектов, обнаруженных и изъятых в ходе обыска. Например, после задержания преступной группы, совершавшей на протяжении нескольких лет убийства, у всех ее участников были произведены одновременные обыски. В результате поиска были обнаружены и изъяты рубашки и шапочки с прорезями для глаз. Для того чтобы установить принадлежность изъятых вещей к определенному подозреваемому лицу, следователь принял решение о назначении молекулярно-генетической экспертизы. С этой целью у подозреваемых были взяты образцы буккального эпителия. В ходе дальнейшего сравнительного исследования этих образцов с эпителиальными клетками, обнаруженными на внутренних поверхностях участков одежды, соприкасающихся с телом человека (воротников, манжет), было установлено, что изъятая одежда принадлежит подозреваемым, а кровь на одежде – потерпевшим.

Данный вид экспертиз, на наш взгляд, является незаменимым при производстве обыска, т.к. на обнаруженных в ходе обыска искомых объектах почти всегда остаются незаметные для человеческого глаза следы лиц, контактировавших с ними.

В случае если подозреваемое лицо не установлено, то полученный экспертом профиль ДНК исследуемого объекта, обнаруженного в ходе обыска или осмотра, сравнивают с данными, хранящимися в базе данных о ДНК лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а значит, по источнику биологического объекта можно установить лицо и, соответственно, раскрыть преступление.

Такая разновидность судебно-биологического исследования, как ольфакторное (запаховых следов человека), может установить конкретное лицо, причастное к совершению преступления (практика имеет случай идентификации лица по запаховым следам по истечении девяти лет с момента совершения убийства).

Проведение судебно-психологических экспертиз – это один из способов проверки психофизиологического состояния лица. Основаниями для ее назначения могут служить такие данные, как низкий уровень интеллектуального развития; повышенная напряженность во время

наблюдаемых событий; малолетний возраст допрашиваемого и др.

По нераскрытым делам прошлых лет некоторыми особенностями обладает и тактика вынесения постановления о назначении экспертизы. В постановлении необходимо указать, кроме сведений об объекте, об условиях его хранения на всем протяжении расследования дела (с момента их изъятия, в период приостановления производства). Подробно указанные следователем в постановлении сведения помогут эксперту правильно и объективно оценить все изменения, происшедшие в объектах, с момента события и до момента направления их на экспертизу и, как следствие, выдвинуть правильные версии дальнейшего их исследования.

Таким образом, представляется, что одним из действенных источников повышения эффективности процесса раскрытия и расследования преступлений прошлых лет является тактически грамотное использование криминалистически значимой информации, содержащейся в экспертно-криминалистических

учетах подразделениях МВД России, в т.ч. и непроцессуальные формы ее использования. В связи с этим следователи СК России должны знать все существующие виды криминалистических учетов и хорошо понимать их возможности в раскрытии и расследовании преступлений.

Литература

1. Бартенев Е.А. Возможность генотипоскопической экспертизы в целях привязки обнаруженного в ходе обыска объекта к обыскиваемому // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. С. 7-9.
2. Зинин А.М. Руководство по портретной экспертизе: учеб. пособие. М.: Эксмо, 2006.
3. Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.М. Багмета, В.В. Бычкова, О.Ю. Антонова. М.: Проспект, 2020. Т. 2.
4. Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. М., 1972.

*Ю.Л. Бойко, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Проблемные вопросы тактики допроса подозреваемых, обвиняемых по преступлениям против личности

Особую сложность в доказывании вины по групповым преступлениям представляют такие преступления, как причинение тяжкого вреда здоровью. Практика показывает, что решением стержневого вопроса установления виновности одного из всей группы подозреваемых (чей удар оказался тем, который причинил тяжкий вред здоровью) является получение и закрепление доказательственной базы путем проведения допросов каждого из участников этого преступления. В силу различных объективных (темное время суток, скоротечность совершенного преступления) и субъективных причин (ложного чувства товарищества, алкогольного опьянения) восстановить точные обстоятельства причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему представляется крайне сложным. И обычные тактические приемы допроса подозреваемых,

обвиняемых, который происходит в условиях конфликтной ситуации, не всегда дают положительные результаты. Устранить существенные противоречия в показаниях допрашиваемых лиц путем проведения очной ставки также не представляется возможным.

Другими способами – путем проведения таких следственных действий, как проверка показаний, следственный эксперимент и др., – получить правдивые показания, которые бы легли в основу обвинения, т.е. определить расположение участников избиения по отношению к телу потерпевшего, очередность нанесения ударов и какими частями тела, предметами не всегда представляется возможным. Эти следственные действия, на наш взгляд, больше оказывают вспомогательную функцию сбора такой доказательственной информации и подтверждают данные, полученные при производстве допроса.

Согласно классификации видов допроса, допрос подозреваемых и обвиняемых, как правило, происходит в конфликтной ситуации. Лицо, дающее заведомо ложные показания, оказывает противодействие следствию, вступает со следователем в противоборство, в результате чего и создается конфликтная ситуация. Следственная тактика располагает целым арсеналом

приемов избличения подозреваемого и обвиняемого в даче ими ложных показаний, а также оказания на них правомерного психологического воздействия с целью получить правдивые показания.

Традиционно применяемые в этой ситуации тактические приемы допроса этой категории лиц: детализация показаний в целях выявления проблемных мест в предоставленной информации, убеждение в неправильно выбранной позиции и изложение вероятного хода событий, «допущение легенды», использование положительных качеств допрашиваемого, форсирование темпа допроса, использование слабых мест личности допрашиваемого, пресечение лжи и др., недостаточно эффективны и вызывают лишь агрессию у допрашиваемого, его замкнутость в общении.

Анализ уголовных дел по фактам группового избиения, в ходе которого потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью (а в некоторых случаях повлекшее неосторожную смерть последнего), показал, что в расследуемых делах, в которых следователь применял такой тактический прием допроса, как «метод калькуляции», достоверность полученных показаний на допросе достигала 94%.

Страх перед разоблачением, растерянность и подавленность от всего случившегося, чувство неизвестности наиболее сильны сразу после совершения преступления и способствуют получению искренних показаний, когда еще не продумана линия поведения [1, с. 56-58].

В чем же чудотворность данного метода? Следователь, первоначально допрашивая участников преступной группы, определяет место расположения каждого из допрашиваемых и расположение тела потерпевшего. Получив эту информацию, он наносит ее на несколько (по количеству участников) листов кальки (тонкой прозрачной бумаги), а затем, проводя повтор-

ный допрос, детализирует их показания, совмещая листы, с нанесением разноцветными карандашами на листы кальки наносимые подозреваемыми удары руками, ногами, предметами. Следовательно, поочередно допрашивая каждого из подозреваемых, к протоколу допроса изготавливается так называемая схема нанесения ударов. При наложении листов кальки один на другой и совмещении на схеме положения тела потерпевшего сразу же выясняется, кто из допрашиваемых искажает информацию, а кто лжет, когда указанные на их схеме действия не совпадают с теми, которые были указаны в показаниях большинства подозреваемых и отмечены на их схемах.

Передача сведений, не соответствующих действительности, способствует созданию и поддержанию убеждения, которое далеко от реальности. Ложные показания значительно затрудняют работу следователя, направляя расследование по ложному пути либо заставляя следователя разоблачать и пресекать их. Ситуация дачи заведомо ложных показаний типична и ожидаема на допросе подозреваемого или обвиняемого, следователь внутренне к ней всегда готов.

Приемы пресечения лжи не затрагивают мотивации субъекта. Действующая сила таких приемов заключена в логическом осмыслении слов и действий следователя и может применяться в допросе любых участников уголовного процесса [2, с. 112-114].

Литература

1. Ароцкер Л.Е. О соотношении процессуальных, тактических и этических начал в следственных действиях. М., 2002. 540 с.
2. Иванов К.Г. и др. Криминалистика: учебник для вузов / под науч. ред. В.Н. Карагодина, Е.В. Смахина. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 487 с.

А.А. Виноградов, канд. юрид. наук
Академия управления МВД России

**Типовой портрет потерпевшего
в криминалистической модели механизма
угона автомобиля**

В своем выступлении на коллегии МВД России в 2019 г. Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев подчеркнул, что «оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность по раскрытию и расследованию преступлений относится к наиболее приоритетным направлениям деятельности МВД России» [7].

Об эффективном расследовании любого вида преступлений следует утверждать только тогда, когда оно обеспечено соответствующими криминалистическими знаниями, выдвигающимися на более высокий уровень, учитывающими достижения научных исследований, обогащенными усовершенствованными методическими рекомендациями и терминологическим аппаратом.

В последние десятилетия расследование угонов автомобилей занимает одну из лидирующих позиций среди общего количества расследованных преступных посягательств на собственность граждан. За последние пять лет ежегодное количество совершенных неправомерных завладений транспортными средствами уменьшается в среднем на 3 тыс., что находит свое отражение в официальной статистике ГИАЦ МВД России за 2013-2019 гг. [6]. Однако удельный вес в 3-4% данного вида преступлений от их общего официального количества остается стабильным, что говорит об актуальности проблемных вопросов, касающихся его расследования.

Анализ следственной практики по угонам автомобилей подтверждает их наличие у соответствующих должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации. В основном это касается установления уголовно-правовых признаков данного преступления и его отграничения от иных преступных посягательств на автомобили. Широкими возможностями в устранении данных проблемных вопросов обладает наука криминалистика.

Типичная криминалистическая модель механизмов угона автомобиля, являясь одной из составляющих информационной основы криминалистического обеспечения расследования указанного вида преступления, включающая подробное описание признаков типового портрета потерпевшего, типового портрета угонщи-

ка, предмета преступного посягательства, обстановки преступления, способов совершения угона автомобиля позволяет сформировать и охарактеризовать указанные элементы модели достаточно полно. Кроме того, конкретизация типового криминалистического портрета личности угонщика и автовора, жертвы (автовладельца) данного преступления, марки и вида автомобиля позволяет обосновать наличие закономерностей между данными элементами в структуре каждого механизма преступного посягательства на автомобиль, их взаимовлияние и взаимозависимость, чтобы установить отличия механизма угона автомобиля от других смежных составов преступлений [3].

Одним из указанных элементов типичной криминалистической модели механизма угона автомобиля является личность потерпевшего. Одно из первых исследований, изучающих личность жертвы преступления, – научный труд Ганса фон Гентинга, в котором отмечено, что жертва – это лицо, чьи законные права объективно были нарушены, и которое воспринимает такое нарушение с неудовольствием или страданием [10]. В российских научных исследованиях под жертвой понимается человек, который претерпевает физический, моральный или имущественный ущерб (вред) от действий других лиц, собственного поведения, событий или несчастных случаев [1, с. 1]. «Жертва преступления – это физическое лицо, которое утратило значимые для него ценности в результате оказанного на него либо в отношении его интересов противоправного воздействия» [5].

С криминалистических позиций потерпевший (жертва преступления) – это участник события преступления, являющийся носителем материальных и идеальных следов преступления, вносящий в обстановку места происшествия определенные изменения, обуславливающий действия и поведение преступника. Данный элемент типичной криминалистической модели механизма преступления должен изучаться в системе связей и личных взаимоотношений, сложившихся в его ближайшем социальном окружении. Выявление своеобразия психологии жертвы (характера, интеллекта, склонностей, интересов, эмоциональных качеств и других психических особенностей), ее положения в системе связей и отношений с другими лицами позволяет проследить совершение преступного посягательства в развитии, генезисе и получить необходимые основания для его раскрытия [8, с. 24].

Поведение потерпевшего, его взаимоотношения с окружающими, характер, интересы, привычки служат основанием для выдвижения версий о лице, совершившем преступление [9]. Как подчеркивает Н.П. Яблоков, выявление и изучение криминалистически значимых особенностей признаков, характеризующих личность потерпевшего и его поведение (до, в момент и после совершения преступления), дают реальную возможность наиболее тщательно изучить обстоятельства совершенного преступного посягательства, особенно указывающие на своеобразие, направленность и мотивы поведения преступника, его общие (типичные) и индивидуальные свойства. В преступлениях, где есть потерпевшие, установление преступника в большинстве своем идет по цепи «потерпевший – подозреваемый – обвиняемый» [4].

Изучение практики расследования угонов автомобилей дает основания полагать, что в большинстве случаев совершения рассматриваемого вида преступления потерпевший и угонщик до совершения преступного посягательства были знакомы, между ними существовали определенные взаимоотношения. Таким образом, личность потерпевшего, включая его социальный статус, образ жизни, материальное благосостояние, установившиеся привычки, круг общения и связи и т.п., обуславливают совершение угона его автомобиля. Также, чаще всего, потерпевший сам провоцирует совершение неправомерного завладения его транспортным средством, а виктимные признаки его поведения являются составной частью обстоятельств,

способствующих совершению угона автомобиля.

Проведенное эмпирическое исследование в данном направлении позволяет констатировать, что в механизме угона автомобиля отмечается устойчивая закономерная корреляционная связь «потерпевший – преступник». В связи с этим при расследовании угона автомобиля соответствующим должностным лицам органов внутренних дел Российской Федерации следует выдвигать версии в этом направлении.

Таким образом, типовой портрет потерпевшего в криминалистической модели механизма угона автомобиля характеризуется следующими признаками. Это мужчина русской национальности; гражданин Российской Федерации старше 30 лет, имеющий, как правило, среднее специальное образование, систематически употребляющий спиртные напитки, в т.ч. с мало знакомыми людьми, работающий по найму с низким ежемесячным уровнем дохода. Он доверчив, неконфликтен, беспечно относится к сохранности и содержанию принадлежащего ему автомобиля. И что более всего разделяет потерпевшего при угона автомобиля и жертву хищения того же предмета преступного посягательства, это определенные его взаимоотношения или знакомство до факта неправомерного завладения транспортным средством с угонщиком [3].

Отличительные криминалистические особенности типичного криминалистического портрета потерпевшего моделей механизмов угона и хищения автомобиля представлены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Криминалистические особенности типичного криминалистического портрета потерпевшего моделей механизмов угона и хищения автомобиля [2, с. 123]

Элемент модели механизма преступного посягательства на автомобиль	Угон	Хищение
Типовой портрет потерпевшего	Автовладелец: знаком с преступником; небрежно относится к автомобилю; ведет асоциальный образ жизни, злоупотребляет спиртными напитками; в поведении имеются признаки виктимного поведения	Автовладелец: с преступником не знаком; бережно хранит автомобиль (ключи находятся при потерпевшем, автомобиль оборудован и поставлен на сигнализацию, хранится в гараже); ведет здоровый образ жизни; в поведении отсутствуют признаки виктимного поведения

Литература

1. Варчук Т.В. Учение о жертве преступления // Юридическая психология. 2008. № 4.
2. Виноградов А.А. Криминалистические особенности признаков элементов механизма угона и кражи автомобиля // Труды Академии МВД России. 2020. № 1 (53). С. 114-124.
3. Виноградов А.А. Криминалистическое обеспечение расследования угонов автомобилей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 300 с.
4. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 2001. 718 с.
5. Майоров А.В. Виктимологическая модель противодействия преступности: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. Сер. Криминология. 224 с.
6. Состояние преступности в России за 2013-2019 годы: информация ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/>
7. Текст официального выступления В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 27 февраля 2019 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/document/3172398>.
8. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 160 с.
9. Шурухнов Н.Г. Расследование краж: практ. пособие. М.: Юристъ, 1999. 56 с.
10. Hentig H. Remarks on the Interaction of perpetrator and Victim // The Criminal and Criminology. 1941. V. 31. P. 303.

В.С. Горшкова

*Барнаульский юридический институт
МВД России*

**Особенности фотофиксации обстановки,
следов и объектов на месте происшествия
по факту суицида**

Самоубийства – глобальная проблема, которая затрагивает все страны мира. «Самоубийство – это преднамеренный акт убийства самого себя. Причинами самоубийства являются психические нарушения (такие как депрессия, проблемы личности, алкогольная зависимость или шизофрения), а также физические заболевания, такие как неврологические болезни, рак и ВИЧ-инфекция» [1]. 10 сентября Всемирной организацией здравоохранения объявлен Всемирный день предотвращения самоубийств. К сожалению, на протяжении последнего десятилетия наша страна занимает лидирующие позиции в мире по количеству совершенных суицидов на 100 тысяч населения, а по количеству суицидов среди мужчин в 2019 г. Россия заняла 1-е место в мире [2].

Согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, по каждому факту суицида следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта (врача), а также может привлекаться для производства осмотра места

происшествия и другой специалист – как правило, это сотрудник экспертно-криминалистического подразделения системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ЭКП) либо Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК). Сотрудники экспертно-криминалистических подразделений применяют находящиеся в их распоряжении криминалистические средства, методы, технику, используют в т.ч. фотоаппаратуру. Основным способом фиксации обстановки места происшествия, обнаруженных при его производстве следов и объектов является подробное описание в протоколе осмотра места происшествия. Среди дополнительных способов фиксации немаловажное значение имеет использование приемов и способов запечатлевающей фотосъемки и изготовление фототаблиц (иллюстрационных таблиц) к протоколу вышеуказанного следственного действия.

При анализе судебно-следственной практики установлено, что в материалах предварительной проверки по фактам самоубийства имеющиеся фототаблицы (иллюстрационные таблицы) к протоколам осмотра места происшествия имеют следующие недостатки:

- качество изображений низкое (снимки нерезкие, малоконтрастные);

- не всегда информативны, т.е. содержат малое количество фотоснимков (как правило, изображена обстановка только места обнаруже-

ния трупа, поза и положение головы трупа, труп не фотографируется по правилам сигналетической фотосъемки, не запечатлеваются место обнаружения, внешний вид изымаемых следов и объектов, например, предсмертной записки, узлов на шее трупа и на месте крепления к перекладине);

- не соблюдаются приемы и способы фотосъемки (нарушаются правила масштабной фотосъемки, не используются приемы линейной и круговой панорамы);

- изображения логически не взаимосвязаны между собой.

Вышеуказанные недостатки негативно сказываются в целом на результатах проведенной предварительной проверки материала по факту обнаружения трупа человека с признаками суицида, а также несут невосполнимые потери информационного потенциала места происшествия, особенно при возбуждении уголовного дела по факту убийства либо причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека, замаскированных под самоубийство. По таким изображениям очень трудно воспроизвести события, происшедшие до, в момент и после совершения суицида, выдвинуть рабочие версии и осуществить по ним проверку, опровергнуть версии, выдвинутые заподозренным в совершении преступления лицом и его защитником.

Особое значение для устранения и снижения неблагоприятного влияния вышеуказанных факторов приобретает следующая работа:

- подготовка руководителями соответствующих структурных подразделений обзоров по выявленным при проведении рецензирования основным недостаткам, встречающимся в фототаблицах к протоколам осмотров мест происшествий;

- разработка методических рекомендаций, пособий, альбомов и листовок по осуществлению фотосъемки на месте происшествия с указанием «правильных» и «неправильных» вариантов;

- изучение подготовленных в образовательных организациях и научно-исследовательских институтах, лабораториях системы МВД России либо СК учебных фильмов по эффективно-му использованию экспертно-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании преступлений;

- отработка умений и навыков производства фотосъемки на учебных полигонах, изготовления иллюстрационных материалов к протоколам следственных действий при проведении ежегодных семинаров, совещаний, деловых игр, курсов повышения квалификации с использованием современной криминалистической техники и оборудования руководителей и сотрудников ЭКП и СК;

- постоянный мониторинг правоприменительной и судебной практики, активное обсуждение и внедрение результатов в практическую деятельность.

В заключение хотелось бы отметить, что использование в полном объеме разработанных криминалистикой правил, методов и способов производства фотосъемки на месте происшествия по факту суицида с недопущением указанных недостатков, активное внедрение положительных рекомендаций в практическую деятельность сотрудников ЭКП и СК будут способствовать более качественному отражению и запечатлению всей картины произошедшего события и его ключевых моментов (подготовка к уходу из жизни – отыскание места, где проблематично скорое обнаружение человека (гараж, надворная постройка, участок местности в лесном массиве), употребление алкогольных напитков, принятие ванны, приготовление одежды к собственному погребению, написание предсмертной записки либо оставление послание в виде смс-сообщения; уход из жизни – использование специально приготовленных веревки, стула; последствия события), обстановки на месте происшествия и прилегающей к ней территории, следов (рук, подошв обуви, биологического происхождения – рвотные массы, испражнения) и объектов (одежда, веревка с узлами), выявлению «негативных» обстоятельств, свидетельствующих о маскировке преступления под событие некриминального характера.

Литература

1. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/topics/suicide/ru/> (дата обращения: 10.09.2020).

2. Официальный сайт «Рамблер-новости». URL: <https://news.rambler.ru/community/4289592-0-rossiya-vyshla-na-pervoe-mesto-posamoubiystvam-sredi-muzhchin/> (дата обращения: 10.09.2020).

*Д.Ю. Донцов, канд. техн. наук
Волгоградская академия МВД России;
Е.В. Китаев, канд. юрид. наук, доцент
Волгоградская академия МВД России*

**Некоторые особенности
криминалистического исследования
следов производственных механизмов,
применяемых при производстве
ликеро-водочной продукции**

Как показывает практика, экспертизу криминалисту в своей повседневной деятельности нередко приходится проводить исследования промышленных изделий, которые имеют следы производственного происхождения. А в связи с тем, что в России в последнее время участилось число преступлений, связанных с незаконным оборотом изделий массового производства, в т.ч. контрафактной продукции, данный вид экспертных исследований является очень актуальным. К таким изделиям можно отнести алкогольную, табачную, парфюмерную, ювелирную продукцию и пломбирочные устройства. Несмотря на то, что производители стараются обезопасить свое производство с помощью нанесения маркировочных обозначений, а также специализированных идентификационных отличительных знаков, количество преступлений в этой области не перестает расти.

К таким объектам относятся и стеклянные бутылки, в отношении которых могут проводиться трасологические исследования следов производственных механизмов, образованных при изготовлении, укупорке и оформлении атрибутов производителя.

Для расфасовки и хранения жидкостей, в т.ч. и алкогольных напитков, как правило, используют бутылки цилиндрической формы вместимостью от 0,1 до 1 л. Бутылки, предназначенные для розлива высших сортов водки, имеют на горлышке двойной венчик или резьбу. Бутылки отечественного производства представляют собой разновидность узкогорлой стеклянной тары с внутренним диаметром горла порядка 17 мм. Согласно существующим ГОС-Там и техническим условиям стеклянная тара должна иметь правильную форму и быть устойчивой. При обнаружении значительных отклонений в характеристиках стеклотары эксперт может утверждать о том, что производство данной стеклотары не соответствует предъявляемым требованиям.

Бутылки изготавливают прессовывдуванием на автоматах [1, с. 34]. Следы, которые образуются на них, можно разделить на две основные группы. К первой группе относятся следы производственного происхождения: отображающие внешнее строение рабочих частей механизмов; перемещений, производившихся после формования изделия; следы упаковки, транспортирования на склад и хранения. Ко второй группе относятся следы эксплуатации (отдельные царапины, трещины, сколы и др.) [2, с. 168]. Соответственно, о качестве изготовления стеклотары можно судить только по первой группе признаков, т.к. для удешевления поддельной продукции производители не делают дополнительные затраты на улучшение качества конечного продукта. На основании проведенных исследований было установлено, что к признакам, которые свидетельствуют о низком качестве использованного оборудования, относятся боковые швы от пресс-форм, а также отклонения центра горлышка бутылки от оси (вертикальная ось бутылки не перпендикулярна плоскости дна). Однако и при использовании высококачественного оборудования оттенок стекла у более дешевой бутылки из-за того, что стекломассу дополнительно не осветляли, будет заметно темнее.

Также при исследовании бутылок с водочной продукцией эксперт должен уметь дифференцировать заводской и самодельный способы укупорки. Для этого в первую очередь нужно определить плотность прилегания алюминиевого колпачка к горлышку бутылки. Исправные укупорочные автоматы обеспечивают надежное закрепление колпачка, исключая его проворачивание и подтекание содержимого бутылки. Также к признакам заводской укупорки относятся следы давления и обката на поверхности сорочки колпачка (при этом верхняя часть сорочки облегает венчик горлышка, нижняя часть сорочки плотно прижата к боковой поверхности горлышка); следы воздействия обкаточного бортика в виде уплотнения поверхности металла шириной до 1 мм; следы в виде вертикально расположенных на сорочке чередующихся между собой выступов и впадин (гофры); следы кернения на сорочке [3, с. 130]. Эластичность алюминиевых колпачков позволяет воспроизводить особенности микрорельефа горлышка бутылки в виде неровностей на венчике и боковых швов от пресс-форм.

Иногда при самодельном способе укупорки используются снятые ранее колпачки. Обычно это происходит при разбавлении спиртных напитков. В данном случае производится отжим краев сорочки колпачка с помощью инструмента, который вводится между краем сорочки и горлышком бутылки. Отжим сопровождается образованием следов в виде вмятин, царапин, проколов, разрывов краев сорочки, поэтому следы первоначальной укупорки повреждаются. В дальнейшем при повторной укупорке снятых колпачков на оставшиеся следы налагаются отпечатки самодельного укупорочного устройства.

Таким образом, установить способ изготовления продукции в целом можно на основании трасологических исследований следов изготовления бутылки, колпачка, а также их укупорки. При этом возможность оценки качества выполнения других атрибутов оформления бутылок, а также их содержимого позволит получить дополнительную информацию, способствующую формулированию категорического вывода.

Литература

1. Донцов Д.Ю., Китаев Е.В. Трасологическое исследование следов производственных механизмов: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2019. 84 с.
2. Донцов Д.Ю. Особенности криминалистического исследования следов производственных механизмов на литых изделиях // Судебная экспертиза: российский и международный опыт [Электронный ресурс]: мат-лы III междунар. науч.-практ. конф-ции (г. Волгоград, 27-28 апреля 2016 г.) / редкол. И.В. Латышов [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2016.
3. Новак О.Э. Некоторые аспекты назначения правовых экспертиз при выявлении и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом подакцизных товаров // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий: мат-лы межведомственной научно-практ. конф-ции (21-22 мая 2002 г.): в 3 ч. Саратов: СЮИ МВД России, 2002.

И.В. Иванов

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Тактические решения изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе вербальных следственных действий с его участием

Эффективность проведения вербальных следственных действий, основным содержанием которых выступает востребование показаний допрашиваемого лица, обусловлена надлежащим психологическим контактом между их участниками. При кажущейся равной роли в установлении и поддержании психологического контакта каждой из сторон результат допроса в значительной степени зависит от коммуникативной компетентности следователя. Согласно опубликованным исследованиям, сложности выбора стиля общения с допрашиваемым, поддержания с ним диалога испытывает значительная часть следователей, что негативно сказывается на качестве расследования [1, с. 4-5]. Как нам представляется, в ряде случаев такие трудности обусловлены не только невысокой про-

фессионально-психологической компетентностью сотрудников следственных подразделений, но и объективными факторами, связанными с невозможностью получения следователем необходимых для выстраивания тактики вербального следственного действия сведений о личности допрашиваемого.

При построении тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) следователь ориентируется на ранее известные ему сведения о допрашиваемом лице, а кроме того, принимает во внимание возможность установления новых достоверных данных о нем. В прежних работах нами было отмечено, что содержание планируемых тактико-криминалистических средств, реализуемых должностным лицом в ходе следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого), предопределяется объемом установленных сведений об изучаемой личности, видами и источниками такой информации [2]. Тактическое обеспечение допросов и очных ставок не может быть осуществлено в отрыве от задачи восполнения сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия. Выбор следователем тактико-криминалистических средств в таких обстоя-

тельстввах обуславливается фактором физического присутствия подозреваемого (обвиняемого) на протяжении всего следственного действия, особенностями, прежде всего, его вербального поведения.

Данные о личности подозреваемого (обвиняемого), имеющиеся у следователя к началу следственного действия, могут быть охарактеризованы по объему, способу получения и тактическому значению. Неполнота сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), которую необходимо преодолеть при проведении вербальных следственных действий, может быть использована следователем в качестве предпосылки выбора тактических средств производства допроса и очной ставки. Результаты проведенного нами анкетирования следователей МВД России показывают, что практически все опрошенные (98%) рассматривают изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием в качестве самостоятельной тактической задачи. При этом значительная доля респондентов (44%) принимает в качестве аргумента в пользу значимости выделения такой задачи то обстоятельство, что в процессе установления новых сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием упрощается установление и поддержание психологического контакта с ним. Иными словами, следователи отмечают особый познавательный потенциал задачи изучения подозреваемого (обвиняемого) не только для увеличения объема фактических сведений о нем, но и для обеспечения эффективности тактики его допроса, а кроме того, иных следственных действий как с его участием, так и с участием иных лиц.

Выстраивание тактики вербальных следственных действий в отношении подозреваемого (обвиняемого) также обуславливается своеобразной иерархичностью сведений о личности последнего. Анкетирование следователей показывает, что большинство респондентов при оценке исходных посылок к выбору тактико-криминалистических средств производства следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого) в приоритетном порядке ориентируется на криминальный опыт лица, его судимость, отбывание в прошлом уголовного наказания – 89% респондентов. В меньшей мере, а также в случаях, когда лицо не судимо, отмечаются сведения о психологических качествах допрашиваемого (в т.ч. возбудимость, агрессивность, тревожность, стрессоустойчи-

вость) – 65% респондентов. Сведения общепсихологического характера о личности подозреваемого (обвиняемого), которые традиционно указываются в анкетной части протокола следственного действия (пол, место рождения и место жительства, семейное положение), обозначили в качестве значимых для построения эффективной тактики следственного действия лишь 57% респондентов. Иные личностно значимые сведения о допрашиваемом отмечались менее чем половиной респондентов. Таким образом, высокое значение данных о личности подозреваемого (обвиняемого), слабо поддающихся формализации и отражению в официальных документах, соотносится с запросом следователей на достоверную информацию, которая может быть получена при непосредственном контакте, в т.ч. при вербальном общении с данным лицом в ходе следственного действия с его участием.

Примечательно, что ранжирование сведений о подозреваемом (обвиняемом) выглядит иначе для целей установления психологического контакта. 79% следователей при установлении психологического контакта с подозреваемым (обвиняемым) отдают предпочтение сведениям о роде занятий допрашиваемого, его интересах и увлечениях. На второй план уходят сведения о возможной судимости лица, отбывании им уголовного наказания (65%), общепсихологические сведения (56%). Значение психологических качеств допрашиваемых в качестве исходных начал к установлению психологического контакта с ним отмечает едва ли не половина (54%) респондентов. Отсутствие акцента на значимости психологических сведений может быть объяснено предпочтением следователей уточнять сведения о психологических качествах допрашиваемых лиц непосредственно в ходе общения с ними, нежеланием использования непроверенных, неточных сведений, доступных при подготовке следственного действия во избежание повышенных тактических рисков.

При выборе тактико-криминалистических средств изучения личности подозреваемого (обвиняемого) следует учитывать, что «производительное начало» любого тактического приема состоит в оказании воздействия на различные по своему характеру и состоянию объекты [3, с. 26]. Сведения о личности подозреваемого (обвиняемого), который, с одной стороны, является таким объектом и, с другой стороны, будучи субъектом, сам выступает источником необходимых сведений, качественно неоднород-

ны. Ситуационный анализ доступности и объема этих сведений позволяет оптимизировать задачу изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе вербальных следственных действий с его участием.

Литература

1. Белоусов А.Д. Психологические модели получения достоверных показаний подозреваемых и обвиняемых: научно-практ. пособие. М.: Проспект, 2018. 80 с.

2. Иванов И.В. О предпосылках выбора тактических приемов изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственных действий с его участием // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. С. 21-22.

3. Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 190 с.

П.И. Иванов, доктор юрид. наук, профессор
Академия управления МВД России;

А.С. Шитов
Академия управления МВД России

К вопросу о криминалистическом обеспечении расследования налоговых преступлений

Налоговые преступления – объект криминалистического исследования, поскольку они многоаспектны. Данный вид преступления, как правило, носит замаскированный характер, совершается с использованием изощренных способов (схем). Их невозможно выявить и раскрыть традиционным путем. Помимо теории оперативно-разыскной деятельности, криминалистика также считает их своим объектом воздействия, особенно при раскрытии и расследования рассматриваемых видов преступлений. Как известно, любое преступление, в т.ч. налоговое, характеризуется совокупностью признаков (черт). Они используются криминалистикой при познании самого механизма совершения указанного преступления. В этих же целях ею обобщаются знания о личности преступника. Кроме того, учитываются особенности обстановки и способы совершения преступлений налоговой направленности, которые характеризуются многообразием.

Как показывает анализ многолетней практики, на сегодняшний день имеет место неоднозначная правовая оценка действий виновных. При этом в определенной степени накладывает свой отпечаток то обстоятельство, что налоговое преступление нередко выступает неотъемлемой частью механизма совершения отмыва-

ния доходов, полученных, например, путем уклонения от уплаты налогов. Тем самым, естественно, механизм закономерно обуславливает возникновение специфически и криминалистически значимой информации о самом преступлении, его участниках и результатах. Следует иметь в виду в ходе расследования особенности как совершения предикатного преступления, так и легализации полученных при этом доходов.

Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования налоговых преступлений как научно обоснованный комплекс. Основоположниками криминалистического обеспечения расследования преступлений являются известные ученые-криминалисты: профессора Р.С. Белкин и В.Г. Коломацкий. Они предложили научной общественности целостную концепцию. Несмотря на это, на сегодня отсутствует единство взглядов среди криминалистов на понятие «криминалистическое обеспечение расследования преступлений».

Нами под «криминалистическим обеспечением» понимается научно обоснованный комплекс криминалистических и иных знаний об отдельных, наиболее значимых элементах частной криминалистической методики расследования преступлений налоговой направленности, максимально адаптированный к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, и обусловленным следственной ситуацией на различных этапах их раскрытия и расследования. Считаем необходимым особо подчеркнуть то, что составной частью содержания криминалистического обеспечения выступают два взаимосвязанных между собой элемента: криминалистически значимые уголовно-правовые признаки и

типичная криминалистическая модель механизма совершения налогового преступления (научно разработанный комплекс сведений о способах его подготовки, совершения и сокрытия, необходимых для формирования типового портрета личности преступника). Благодаря совокупности выявленных криминалистических признаков нами отделяется один вид налогового преступления от другого. При этом деяние познается как объект криминалистического исследования с позиции науки криминалистики.

Есть еще одно немаловажное обстоятельство, непосредственно связанное с познанием механизма преступного посягательства на бюджетную систему. Здесь речь идет об установлении существующих закономерностей между элементами механизма совершения налогового преступления (субъект, объект, предмет, причинно-следственные связи, способ, носители криминалистически значимой информации, следы).

Структура криминалистического обеспечения расследования преступлений налоговой направленности. Криминалистическое обеспечение расследования указанного вида преступления имеет сложную внутреннюю структуру, состоящую из трех тесно взаимосвязанных между собой блоков, предполагающих обеспечение: а) технико-криминалистическое; б) тактико-криминалистическое; в) методико-криминалистическое. Вкратце укажем их отличительные особенности. Прежде чем остановиться на особенностях, отметим, что общим для них выступают научно обоснованный их характер, создание благоприятных условий для деятельности по расследованию преступлений налоговой направленности. Техничко-криминалистическое обеспечение, как следует из самого названия, связано со средствами, техникой и приемами. Помимо них, в содержание технико-криминалистического обеспечения входят и правила их применения в процессе собирания и исследования доказательств. А вот что касается тактико-криминалистического обеспечения, то оно предполагает использование при производстве отдельных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий наиболее рациональные и апробированные тактические приемы (способы), операции и комбинации. Наконец, методико-криминалистическое обеспечение в содержательном плане включает в себя совокупность знаний о механизме совершения налогового преступления, типичные следственные ситуации, а также планирование

его расследования (программа процессуальных и оперативно-разыскных действий). Три блока, вместе взятые, нацелены на полное и всестороннее расследование преступлений налоговой направленности.

Криминалистическая характеристика налоговых преступлений как неотъемлемая часть типовой модели механизма данного вида преступления. При этом под «криминалистической характеристикой налоговых преступлений» мы понимаем типовой, научно обоснованный информационный продукт, в составе которого выделяются следующие элементы: первичная информация о совершенном преступлении данного вида; информация о криминалистической характеристике налоговых преступлений, особенностях экономической деятельности и о системе налогообложения; характеристика типичных способов; информация о субъекте преступления; информация о следах преступления (материальные, идеальные и цифровые следы).

Мы твердо убеждены в том, что в настоящее время в отечественной криминалистике как никогда востребована частная теория криминалистической характеристики налоговых преступлений. Благодаря ей представляется возможным углубленно изучать противоправные деяния, совершаемые в налоговой сфере. Кроме того, в построении самой методики расследования преступлений налоговой направленности не обойтись без системы знаний о криминалистической характеристике. Под «частной криминалистической характеристикой налоговых преступлений» нами понимается комплекс научных положений о принципах, методах, условиях и знаниях закономерностей преступной деятельности, используемых в создании частных криминалистических методик расследования налогового преступления.

Соотношение криминалистического обеспечения расследования налоговых преступлений и частной методики расследования отдельного его вида. Как нам представляется, названные понятия соотносятся между собой как частное и целое.

В основу частной методики расследования налоговых преступлений должны быть положены следующие компоненты: 1) само понятие указанного вида преступления и его признаки; 2) совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию; 3) криминалистическая характеристика налоговых преступлений (типичная модель механизма указанного вида преступле-

ния); 4) типовые программы первоначального и последующих этапов их расследования (следственные ситуации, версии и меры по их проверке); 5) особенности тактики отдельных следственных действий; 6) наконец, деятельность по преодолению противодействия расследованию налоговых преступлений. Например, знания о формах, видах, приемах противодействия и его субъектах необходимы для формирования типичной модели механизма анализируемого нами преступления, а также для разработки рекомендаций по нейтрализации и упреждению действий субъектов, направленных на воспрепятствование решению частных задач расследования налогового преступления.

Представляет научный интерес само *содержание криминалистического обеспечения расследования налоговых преступлений*. Мы полагаем, что его составляет информационная основа, которая может быть представлена в виде криминалистически значимых уголовно-правовых признаков указанного преступления и типичной криминалистической модели механизма его совершения, а также прикладная основа, которая может быть представлена особенностями проверочного и первоначального этапов расследования уголовных дел о налоговых преступлениях.

Потенциальные возможности типичной криминалистической модели механизма налогового преступления. Мы считаем, что специфика типичной модели, прежде всего, определяется: 1) самой целью, преследуемой при совершении налогового преступления; 2) его мотивом; 3) личностью преступника, его принадлежностью к числу налогоплательщиков; 4) обстановкой события, которая обусловлена неочевидным характером указанного вида преступления.

Тактико-криминалистический срез предполагает решение в первую очередь двух связанных между собой задач, а именно: а) непосредственного установления самого лица, совершившего налоговое преступление (чаще всего уклонение от уплаты налогов); б) обес-

печения процесса доказывания его виновности в нем (прежде всего мотива и способа совершения).

Методико-криминалистическое обеспечение расследования рассматриваемых видов преступлений, как правило, подразумевает четыре последовательно осуществляемых этапа: *прове- рочный, первоначальный, последующий и заключительный*. Мы полагаем, что в целях всестороннего и полного расследования налоговых преступлений исключительно важным является использование: 1) экспертно-криминалистических учетов; 2) результатов судебных экспертиз и исследований в целях преодоления противодействия расследованию преступлений налоговой направленности; 3) результатов криминалистических исследований реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма.

Говоря об этапах расследования налоговых преступлений, отметим присущие им особенности, которые, на наш взгляд, заключаются в следующем: в характерном наличии триады (цель, задачи и средства их разрешения); разработке относительно самостоятельной типовой программы по каждому этапу; перечне отрабатываемых следственных ситуаций и выдвигаемых версий; определении тактики производства наиболее сложных следственных и оперативно-разыскных действий; выборе форм и направлений взаимодействия следователя с оперативным работником подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации. Мы не исключаем, а, наоборот, предполагаем возможность активного использования следователем имеющихся в системе органов внутренних дел и вне ее информационных ресурсов, а также, при необходимости, специальных знаний.

Таким образом, криминалистическое обеспечение, прежде всего, направлено на поиск новых, более совершенных средств, методов и приемов раскрытия и расследования налоговых преступлений.

Т.И. Исмадова, канд. юрид. наук, доцент
Волгоградская академия МВД России

Подражание школьным прописям как вид намеренного изменения почерка

Исследование намеренно измененного почерка относится к категории сложных задач судебно-почерковедческой экспертизы, нуждающихся в серьезном методическом обеспечении. В экспертной практике наиболее распространенным видом намеренного изменения почерка является скорописная маскировка. Встречаются самые разнообразные приемы умышленного изменения скорописи, но все они объединены собственным представлением о своём почерке исполнителя, который стремится изменить признаки, на его взгляд, наиболее заметные и различимые. Своеобразие видов маскировки и их возможных комбинаций, даже при наличии общих закономерностей изменения почерка скорописным способом, означает необходимость выработки индивидуального подхода при решении конкретной экспертной задачи, связанной с исследованием намеренно измененного почерка. В первую очередь это относится к такому виду скорописного изменения, как подражание школьным прописям, которому в специальной литературе не уделялось достаточного внимания. Данный вид изменения почерка предполагает воспроизведение исполнителем конструкций письменных знаков и их соединений с максимальной приближенностью к нормам типовых школьных прописей.

Представляется, что при изучаемом виде изменения почерка в качестве регулятора и организатора акта намеренно измененной письменной деятельности выступает письменно-интеллектуальная подсистема письма, с помощью которой происходит выбор способа маскировки и его реализация в соответствии с намеченной целью. Данный выбор трудно прогнозировать, он может зависеть от нескольких причин, таких как интеллектуальные способности исполнителя, объем его письменной практики, косность или пластичность навыка, степень и характер его сформированности. При этом формируется модель нового (измененного) зрительно-двигательного образа рукописи. При письме с подражанием школьным прописям в основе построения программы выполнения рукописи лежит сохраненный в памяти зрительный образ прописных письменных знаков, сформированный в процессе становления навы-

ка письма, а также привычный зрительно-двигательный образ тех письменных знаков, которые выполняются простыми движениями, близкими к нормам прописи, и, по мнению исполнителя, не требуют изменений.

Как показало изучение специальной литературы и наше самостоятельное исследование, подражание школьным прописям в определенной мере совмещает как механизм скорописной маскировки, так и механизм подражания.

Отнесение данного вида изменения почерка к скорописной маскировке происходит на основе факта намеренной трансформации общего признака – степени сложности. Однако при этом исполнителю не нужно придумывать способ изменения каждого письменного знака. В арсенале его памяти хранятся нормы типовых школьных прописей, на основе которых происходило становление и формирование письменно-двигательного навыка. В этом случае механизм реализации акта письма имеет сходство с подражанием по памяти, при котором успех подражания зависит от следующих факторов:

- стойкости зрительного образа типовых школьных прописей, определяющаяся особенностями памяти человека;

- степени и характера сформированности собственного письменно-двигательного навыка;

- способности сознательного контроля за процессом письма, при котором выдерживается избранный вид изменения почерка на протяжении всей рукописи.

Письмо в соответствии с нормами прописей может осуществляться и с подражанием «на глаз», позволяющим наиболее точно воспроизводить школьные варианты букв, т.к. процесс изменения почерка опирается на первоисточник в его неизменном, а значит, объективном виде. В этом случае к факторам, определяющим успех подражания, следует добавить:

- различительную способность зрительного анализатора, позволяющую максимально точно воспринимать особенности строения письменных знаков;

- индивидуальные способности к точному воспроизведению воспринимаемой информации.

Непосредственное подражание школьным прописям приводит к тому, что темп письма замедляется, пишущий переходит на зрительный контроль за движениями. Не удается, как правило, воспроизвести признаки, традиционно относящиеся к трудным для подражания: мелкие детализированные признаки, соотношение

наклонов, взаимную протяженность и взаимное размещение движений и т.п.

Маскировка почерка путём подражания школьным прописям ведёт к значительным изменениям признаков. Эти изменения обусловлены введением в рукопись вариантов букв, не свойственных обычному почерку исполнителя, усложненные и упрощённые варианты букв заменяются простыми, из рукописи исчезают упрощенные связи между буквами, характерные для быстрого письма. Таким образом, наибольшее количество изменений происходит в почерках упрощенного и усложненного строения. В некоторых случаях рукописи, выполненные с подражанием школьным прописям, могут быть полностью несопоставимыми с образцами привычного почерка исполнителя.

При исследовании рукописей, выполненных с подражанием школьным прописям, эксперту приходится сталкиваться с необходимостью решения диагностической задачи, связанной с отнесением изучаемого почерка к измененным либо обычным (школьным либо практическим), а также идентифицировать исполнителя рукописи по частично сопоставимым сравнительным материалам.

Изучение механизма письма с подражанием школьным прописям позволило выделить четыре группы признаков, отображающихся в рукописях, выполненных с данным видом изменения:

1. Намеренно измененные признаки, с помощью которых исполнитель осуществлял маскировку своего почерка. При изучаемом способе изменения формирование непривычного образа письменного знака имеет сохраненную в памяти (в той или иной мере) либо используемую в качестве образца основу.

2. Признаки, изменившиеся в результате письма в необычных условиях, связанные с деавтоматизацией процесса письма.

3. Собственные сохранившиеся признаки, причиной появления которых являются снижение контроля за процессом письма, небольшие ресурсы внимания к избранному способу искажения.

4. Диагностические признаки, свидетельствующие о факте выполнения рукописи намеренно измененным почерком способом подражания школьным прописям.

Трансформированную картину признаков наиболее сложно изучить и оценить в малообъемных рукописях, в которых даже деавтоматизация процесса письма может быть слабо выраженной, не симптоматичной, что на первоначальных этапах исследования не позволяет выдвинуть версию о возможной маскировке почерка. При выполнении краткой записи с подражанием школьным прописям соотношение собственных и измененных признаков чаще всего бывает не в пользу последних.

Тем не менее проявление указанных выше групп признаков в рукописях, выполненных с подражанием школьным прописям, позволяет сделать вывод о принципиальной возможности решения диагностической и идентификационной задач при исследовании данного вида почерковых объектов. Однако следует помнить, что в отдельных случаях (как правило, при исследовании измененного почерка лиц, имеющих собственный упрощенный либо стилизованный почерк) эксперт может встретиться с ситуацией полной несопоставимости исследуемой рукописи и обычного почерка исполнителя.

Литература

1. Исследование рукописей, выполненных намеренно измененным почерком (скорописным способом) и составление заключений: метод. рек. для экспертов. М.: ВНИИСЭ, 1979. 56 с.
2. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2006. 160 с.
3. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В.В. Серегина. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 352 с.
4. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть: исследование рукописных текстов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2007. 341 с.

Ж.Ю. Кабанова, канд. юрид. наук, доцент
Новосибирский военный институт
имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии

О понятии осмотра места происшествия

Эффективность проверки сообщения о преступлении, непосредственного процесса расследования по значительной части преступлений зависит от качества проведения осмотра места происшествия. Как показал анализ опроса сотрудников правоохранительных органов и изучение материалов судебно-следственной практики, осмотр места происшествия является самым распространенным процессуальным действием, от результата которого зависит не только решение о возбуждении уголовного дела, но и исход расследования преступления в целом.

Осмотр места происшествия в соответствии со ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) является одним из видов осмотра, который может производиться в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности: при производстве проверки сообщения о преступлении как проверочного действия; предварительного расследования как неотложного следственного действия, так и следственного действия, не являющегося неотложным. Ученые в области уголовно-процессуальной и криминалистической науки на протяжении многих лет неоднократно обращали внимание на то, что законодатель, выделяя виды осмотра, не предусматривает его общее определение и, в частности, определение осмотра места происшествия. Хотя в целом думается, что понятие осмотра места происшествия не следует закреплять в УПК РФ, а возможно даже исключить из перечня видов осмотра как следственного действия и рассматривать его как криминалистическую категорию в рамках тактической комбинации. Тем не менее в юридической науке продолжают дискуссии, связанные с понятием и определением как самого следственного осмотра, так и осмотра места происшествия при реализации уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 35-39; 2, с. 19; 4, с. 227-230]. Анализ мнений авторов относительно понятия осмотра места происшествия и собственные размышления, построенные на разборе результатов опроса следователей, сотрудников правоохранительных органов, наделенных полномочиями органа дознания; изучения протоколов осмотра места происше-

ствия позволяет обобщить и выделить следующие аспекты:

1) место происшествия – участок местности, территории, в пределах которого произошло преступное или иное событие, непреступный характер которого в момент осмотра неизвестен [3, с. 20];

2) осмотр места происшествия всегда связан с действием, а именно с обследованием определенного места с помощью зрительного, слухового, обонятельного восприятия информации;

3) обследование в рамках осмотра места происшествия осуществляется непосредственно специальными субъектами, установленными УПК РФ (следователем, дознавателем, органом дознания, следователем-криминалистом и др.);

4) осмотр места происшествия производится в целях изучения следовой картины, обстановки места происшествия; обнаружения, изъятия и фиксации следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления; обстоятельств, подлежащих доказыванию, или отсутствия таковых.

Таким образом, под осмотром места происшествия предлагается понимать процессуальное действие, проводимое непосредственно специальными субъектами, установленными УПК РФ, заключающееся в обследовании определенного участка местности, территории, в пределах которого произошло преступное или иное событие, непреступный характер которого в момент осмотра неизвестен, с помощью зрительного, слухового, обонятельного восприятия информации с целью изучения следовой картины; обстановки места происшествия; обнаружения, изъятия и фиксации следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления; обстоятельств, подлежащих доказыванию, или отсутствия таковых.

Литература

1. Гаджиев В.Э., Степаненко Р.А., Юдин В.Д. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // ГлалолЪ правосудия. 2019. № 2(20). С. 35-40.
2. Костенко К.А., Костенко Г.Ю. Методология и тактика следственного осмотра: монография. Хабаровск: Изд-во Московской академии СК РФ, 2017. 168 с.

3. Мамонов В.С., Степанов В.В. Вопросы практики производства осмотра места происшествия // Уголовный процесс. 2009. № 2 (50). С. 19-25.

4. Пинчук Л.В. К вопросу о понятии места происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 227-231.

*В.Х. Каримов, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет*

Анализ состояния криминалистического обеспечения борьбы с преступностью в информационно-телекоммуникационной сфере в контексте концепции устойчивого развития

Термин «устойчивое развитие» приобретает в последнее время особое значение в различных сферах человеческой жизнедеятельности. В научных работах по праву концепция устойчивого развития получила освещение в вопросах, регулирующих охрану окружающей среды [2, 6], и др. Применительно же к сфере правоохранительной деятельности, обеспечению безопасности граждан от криминальных проявлений достаточного освещения не получил.

Между тем неоспоримым является тезис, прозвучавший в докладе «Построение устойчивого общества» о причинной связанности безопасности человека и общества, его благосостояния от устойчивого развития. Цель развития, по мнению авторов, включает в себя нормальное экономическое развитие, социальную справедливость в распределении благ без угроз для поколений [7].

Сказанное как никогда актуально и сейчас. Произошедшая в XX в. новая волна технологической революции, обусловленная появлением компьютерной техники, развитием информационно-телекоммуникационной среды и сети Интернет, привела к созданию постиндустриального, цифрового общества. Произошли качественные преобразования не только позитивные, но и негативные, обусловленные активным использованием информационно-цифровых технологий в криминальных целях.

Указанные проблемы оказывают негативное влияние на нормальную жизнедеятельность и безопасность граждан и стран во всем мире, влияют на устойчивость развития общества в целом, на позитивные социальные и экономические процессы.

Многие государства, осознавая очевидность угроз, исходящих из информационно-цифровой среды, в последние годы ведут определенную политику, направленную на устойчивость развития современного цифрового общества, обеспечение его стабильности и безопасности от криминальных и иных негативных проявлений. В частности, в России доктрина стабильности развития в данной сфере отражена в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.».

К сожалению, анализ отечественной правовой литературы в области информационно-цифровых и телекоммуникационных технологий показывает, что проблемы криминалистического обеспечения в контексте обеспечения устойчивости социального развития, защиты общества в цифровую эпоху от криминальных проявлений на монографическом уровне не рассмотрены, что обуславливает необходимость проведения таких исследований.

По данному вопросу отечественные криминалисты традиционно затрагивают достаточно узкую сферу деятельности, связанную с методическим и техническим обеспечением раскрытия и расследования преступлений без взаимосвязи с реализацией государственной политики по обеспечению устойчивого экономического и социального развития. По нашему мнению, криминалистические средства и методы вполне применимы и необходимы в данном направлении, особенно в наступившей информационно-цифровой эпохе. Если рассматривать непосредственно имеющиеся криминалистические источники, затрагивающие информационные технологии, то общие вопросы криминалистического обеспечения доказывания по уголовным делам и общие положения методики расследования компьютерных преступлений были рассмотрены в докторской диссертации В.А. Мещерякова [4]. Понятию «содержание компьютерной информации» в криминалистике уделено внимание в трудах В.Б. Вехова [3]. Кроме того, имеется ряд работ по отдельным

направлениям борьбы в области информационных технологий [1, 5] и др.

Анализ зарубежных научных работ, посвященных криминалистическому обеспечению, показывает, что в них так же, как и в России, не делается акцента на реализации государственной политики по устойчивому развитию. Хотя справедливости ради нужно отметить, что вопросы борьбы с современной высокотехнологичной преступностью изучаются комплексно и углубленно, затрагиваются проблемы не только раскрытия и расследования преступлений, но их предупреждения, а также решения иных социальных и экономических задач, что отчасти связано с концепцией устойчивого развития.

При этом эволюция научных концепций и подходов проходит весьма быстро. Так, на начало XXI в. изучению данной сферы были посвящены лишь отдельные работы, не имеющие системного характера [8, 9, с. 231-234 и др.]. Но развитие компьютерных и информационных технологий развивалось столь стремительно, что образовался правовой, методический и технический вакуум в обеспечении борьбы с криминальными проявлениями в информационно-цифровой сфере. Безусловно, этим не могла не воспользоваться преступная среда, которая продолжает и поныне мешать нормальному устойчивому развитию не только отдельных субъектов, но и общества в целом.

Таким образом, давно назрела необходимость в анализе современного состояния и тенденций дальнейшего развития криминалистического обеспечения борьбы с преступлениями в информационно-телекоммуникационной среде, выявлении криминальных проявлений, определении их влияния на устойчивость дальнейшего развития общества в сфере складывающихся

цифровых отношений с его коммуникативными взаимосвязями, новым укладом производства и потребления. Проведенный анализ даст возможность выявить проблемы и предложить основные направления их разрешения.

Литература

1. Атаманов Р.С. Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия, 2012. 182 с.
2. Вершило Н.Д. Эколого-правовые основы устойчивого развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Ин-т государства и права РАН, 2008. 389 с.
3. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008. 561 с.
4. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 387 с.
5. Шебалин А.В. Расследование хищений средств сотовой связи: дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Том. гос. ун-т, 2010. 224 с.
6. Birnie P., Boyle A. International Law and the Environment. Oxford, Great Britain: Oxford Univ, 2002.
7. Bruntland G. World Commission on Environment and Development «Our Common Future». Oxford, Great Britain: Oxford Univ. Press, 1987.
8. Taylor P. Hackers: Crime in the Digital Sublime. New York, USA: Routledge, 1999.
9. Yoshino M. Computer-assisted skull identification system using video superimposition. S. Forensic Sci Int. 90 (3). 1997. P. 231-244.

*М.А. Киселёва, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт
МВД России*

**К вопросу о криминалистической
классификации преступлений
в частной полноструктурной
методике расследования**

Криминалистическая теория и практика расследования преступлений, постоянно совершенствуясь и решая свою первоочередную задачу по разработке методики расследования отдельных видов преступлений, вменяет необходимость грамотного определения их криминалистической сущности, установления особо значимых общих признаков, которые, в свою очередь, позволяют сформировать криминалистическую классификацию данных преступлений. Криминалистическая классификация общей группы преступлений, позволяя выделить особенности расследования их структурных видов, имеет большое значение для создания частной полноструктурной методики расследования преступлений с различными уголовно-правовыми составами.

Подчеркивая значимость классификации преступлений, А.Н. Васильев указывал, что «всякая классификация представляет собой упорядочение знаний о каком-либо предмете с тем, чтобы путем распределения его по различным основаниям на виды, подвиды и т.д. определить уровень знаний об этом предмете и найти путь к более глубокому исследованию и познанию, а также к более эффективному использованию наших знаний о нем на практике» [3, с. 28].

Криминалистической классификации как научной категории посвящены работы Р.С. Белкина, А.И. Винберга, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимова, Ю.Г. Корухова, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина, В.А. Образцова, Н.А. Селиванова, Н.П. Яблокова и некоторых других. Вместе с тем к настоящему времени криминалистическая теория классификации так и не сложилась как полноценная научная концепция, поскольку относительно ее понятия, места в науке, оснований классификации и процесса построения классификационной системы остается много неразрешенных вопросов. Данное обстоятельство, как верно отмечал И.Ф. Герасимов, «является тормозом в развитии и совершенствовании имеющихся частных методик и разработке новых». В то же время «криминалистические классификации в методике позволяют разраба-

тывать дифференцированные рекомендации, учитывающие особенности того или иного класса, группы объектов» [4, с. 52].

В частной полноструктурной методике расследования преступлений успешное решение задач классификации преступлений обуславливает выбор оснований такой классификации. Однако среди ученых-криминалистов данный вопрос породил множество споров и различных точек зрения.

Большинство ученых сходятся во мнении, что криминалистическая классификация преступлений должна разрабатываться по уголовно-правовым и дополняющим их криминалистическим основаниям. Вместе с тем существуют и иные научные взгляды на эту проблему. Так, С.А. Голунский предлагал построение криминалистической классификации по уголовно-правовым критериям, определяющим родовые и непосредственные объекты преступного посягательства [6, с. 359]. Р.С. Белкин и А.Н. Колесниченко, не отрицая необходимости разработки криминалистической классификации по уголовно-правовым и криминалистическим основаниям, главенствующее значение все же отдавали уголовно-правовым критериям, отсылая криминалистические основания к решению вопросов конкретизации частных методик расследования [1, с. 193-197].

Однако, по нашему мнению, такая односторонняя классификационная система деления в полной мере не может обеспечить решения исчерпывающего круга криминалистических задач, удовлетворяющих потребности криминалистической методики расследования. Так, если исходным базисом методики расследования насильственных преступлений будут служить уголовно-правовые критерии классификации, то основой классификационной системы противодействия расследованию преступлений станет не признаваемая вышеуказанными авторами в качестве классификационного основания криминалистическая категория, а именно конфликтная ситуация.

Не случайно еще в 20-х гг. XX в. И.Н. Якимов, подчеркивая безусловную значимость уголовно-правовых критериев классификации, отмечал, что они не всегда отвечают потребностям развития криминалистической методики расследования преступлений. В этой связи он предлагал в необходимых случаях разграничивать отдельные группы преступлений, исходя из способа их совершения, тем самым отдавая предпочтение именно криминалистическому

элементу оснований такой классификации [8, с. 167]. Позже А.Н. Васильев и В.А. Образцов и вовсе отказались от уголовно-правовых оснований классификации, определив криминалистический критерий основным для классификационного деления преступлений [7, с. 425]. Данная позиция авторов вызвала острую дискуссию среди ученых-криминалистов.

Соглашаясь с последней точкой зрения, В.Я. Козин более конкретно подошел к указанной проблеме и предложил в основу криминалистической классификации преступлений в методике их расследования положить единственный критерий криминалистической природы – способ совершения преступления [5, с. 16]. Нам представляется, что с последней точкой зрения трудно согласиться, т.к. «без уголовно-правовой классификации совокупность частных криминалистических методик утратила бы признаки системы, проследить связи между методиками оказалось бы невозможным из-за отсутствия основания их группировки...» [2, с. 325].

На основании изложенного полагаем, что криминалистическая классификация преступлений должна основываться на сочетании взаимно дополняющих друг друга уголовно-правовых и криминалистических критериев. Содержание криминалистической классификации определенной группы преступлений может включать в себя несколько составов, отнесенных к различным нормам и даже главам Уголовного кодекса РФ. Данное обстоятельство указывает на то, что классифицировать преступления лишь по уголовно-правовым основаниям нецелесообразно.

В то же время классификация с учетом вида преступлений необходима, ибо каждый эпизод преступной деятельности, получая свою уголовно-правовую оценку, нацеливает следователя на определенный круг обстоятельств, подлежащих доказыванию. Именно это определяет необходимость установления круга конкретных составов преступлений, подлежащих криминалистическому анализу в процессе формирования частной криминалистической методики расследования преступлений. Исследование наличия элементов состава преступления и основ его квалификации должно учитываться и использоваться при разработке криминалистической характеристики каждого преступления, которая, в свою очередь, является «частным элементом частных методик расследования

преступлений... основанием для изложения методических рекомендаций» [2, с. 176].

Криминалистические основания классификации преступлений, в дополнение к уголовно-правовым, в свою очередь выполняют важную функцию по выделению отдельных групп и подгрупп преступлений, раскрывая особенности их информационно-отражательных структур и обуславливая специфику выдвигаемых и проверяемых версий в информационно-поисковой деятельности органов предварительного расследования. Полагаем, основным базисом такой классификации должны выступать элементы криминалистической характеристики преступлений, а также содержание сложившихся к началу момента расследования следственных ситуаций.

Так, в зависимости от категории и вида преступлений, в качестве основных критериев их криминалистической классификации можно определить следующие: в зависимости от способа и обстановки совершения преступления; в зависимости от необходимости использования в процессе совершения преступлений различных орудий и средств; в зависимости от характеристики личности потерпевшего; в зависимости от качественного и количественного признака состава группы и действий каждого из участников и т.д.

Краткий анализ криминалистической классификации преступлений как самостоятельной научной конструкции позволяет сделать вывод о ее высокой теоретической и практической значимости для разработки методических рекомендаций по расследованию и предупреждению отдельных видов и групп преступлений даже более высокой степени общности. Практическое применение совокупности взаимосвязанных и дополняющих друг друга уголовно-правовых и криминалистических критериев классификационного деления преступлений способствует правильному пониманию сути расследуемого события и выбору наиболее оптимальных средств и методов осуществления следственного поиска.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики / под ред. Р.С. Белкина. М.: Юристъ, 1997. Т. 3.
3. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: Юристъ, 2002.

4. Герасимов И.Ф. Криминалистические классификации в методике расследования преступлений // Вопросы криминалистики. 1983. № 76.

5. Колдин В.Я., Полевой Н.Е. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

6. Криминалистика / отв. ред. С.А. Голунский. М.: Госюриздат, 1959.

7. Криминалистика / под ред. А.Н. Васильева. М.: МГУ, 1971.

8. Якимов И.Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924.

*А.С. Князьков, доктор юрид. наук, доцент
Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

О соотношении криминалистической идентификации и доказывания по уголовному делу

Продолжающиеся в специальной литературе споры, касающиеся некоторых положений теории криминалистической идентификации, могут быть в определенной мере сглажены путем более тщательного исследования вопроса о соотношении криминалистического, по своей природе элементарного, акта отождествления с уголовно-процессуальным доказыванием.

Сторонники одного подхода полагают, что методику криминалистической идентификации образует комплекс понятий и специфических методов; понятия и методы же, относящиеся к использованию её результатов, образуют частную методику доказывания, задействующую результаты элементарного акта отождествления [1, с. 115].

Соотношение уголовно-процессуального доказывания и криминалистической идентификации как элементарного процесса сторонниками различения идентификации и доказывания трактуется по-разному:

– идентификация рассматривается как звено в уголовно-процессуальном доказывании;

– различают идентификацию как часть двухэтапного процесса, включающего криминалистическую идентификацию в качестве научно-технического исследования, и судебно-следственную идентификацию, функцией которой является оценка результатов первого этапа субъектами доказывания;

– формой такого соотношения является сквозной процесс установления доказательственных фактов, включающий акты научно-технического и логического отождествления.

Однако в любом случае видно, что задача установления единичного материального объекта, определенным образом связанного с расследуемым преступлением, решается посредством применения как общих приемов доказывания, так и специальных технических приемов. Технические приемы (микроскопия, спектральный, люминесцентный анализ и пр.), пригодные для анализа идентификационных признаков, непригодны для исследования обстоятельств дела. По этой причине, в частности, нельзя ставить перед экспертом задачу **доказывания** тождества, находящую свое выражение в формулировании в постановлении о производстве судебной экспертизы вопросов права – о вине, соучастии, приготовлении и т.п., поскольку решение этой задачи является прерогативой следователя. С другой стороны, вопрос о тождестве по материально фиксированным отображениям не может решаться обычными методами доказывания, поскольку требует специальных знаний, реализуемых в особой процессуальной форме [3, с. 50], опосредуемой уголовно-процессуальным институтом производства судебной экспертизы.

Налицо разграничение задачи **отождествления**, требующей для своего разрешения специальных знаний, инструментария и методик, и задачи **установления** единичного материального объекта, связанного с расследуемым преступлением, требующей для своего разрешения процедуры доказывания. Идентификация в данном случае рассматривается в соответствии с *концепцией криминалистической идентификации как элементарного акта отождествления, реализуемого в составе специальной методики доказывания*, в качестве её центрального звена [3, с. 48].

Нельзя не сказать и о том, что сторонники другого подхода рассматривают криминалистическую идентификацию как метод процессуального доказывания; соответственно, экс-

партно-криминалистическое отождествление объекта они считают актом процессуального доказывания, и в этом случае, как видно, исчезает необходимость отыскивать существенные отличия между криминалистической идентификацией и доказыванием.

Представляется, что во многом позиция сторонников первого подхода может быть усилена путем задействования в научной дискуссии доктрины о существовании, наряду с уголовно-процессуальной, также криминалистической деятельности, специфичной по своим средствам, что не мешает, однако, видеть тесную взаимосвязь между названными видами деятельности [2, с. 26-27; 4, с. 7].

Информационное содержание идентификации по материально фиксированному отображению проявляется в выводах, содержащихся в экспертном заключении. По результатам криминалистической идентификации могут быть сделаны выводы категорического и вероятностного характера. К числу первых относится вывод о наличии индивидуального тождества, а также его отсутствии. С технической точки зрения как положительный, так и отрицательный выводы эксперта о тождестве есть равноценные результаты. Однако юридическое, уголовно-процессуальное значение их различно: положительный вывод подтверждает предположение о том, что конкретное отображение есть отображение исследуемого (искомого) объекта, в то время как отрицательный требует поиска других объектов, выдвижения подчас иных следственных версий.

Оценивая доказательственное значение отдельных видов криминалистической идентификации, в правовом смысле нельзя говорить о том, что идентификация по материально фиксированным отображениям имеет процессуальное преимущество перед идентификацией по идеальному образу: в соответствии со ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Вместе с тем возможности использования криминалистической идентификации по материально фиксированным отображениям и идеальному образу как методы в доказывании различны: научно обоснованные выводы, полученные в ходе идентификационного (экспертного) исследования, могут быть проверены дополнительным или по-

вторным исследованием с применением тех же самых научно-технических методов, в то время как закон устанавливает определенные ограничения на повторное опознание тем же самым лицом.

Нельзя не сказать о различиях в доказательственном значении идентификации по материально фиксированному отображению, как индивидуального акта отождествления объекта, и так называемой групповой идентификации, выступающей, в силу отсутствия проверяемого идентифицируемого объекта, как максимально возможное исследование иных объектов. К слову, еще одно отличие идентификации по материально фиксированному отображению от идентификации по мысленному образу состоит в том, что в последнем случае групповая идентификация в принципе отсутствует. Разумеется, можно порассуждать с точки зрения поисково-познавательной деятельности о значении результатов так называемого группового отождествления и недостаточно уверенного опознания участником следственного действия, однако при одном условии: заявление опознающего лица о таком результате носит правдивый характер. Уточняя данный тезис, мы опираемся на то, что при опознании опознающее лицо может заявить о нетождественности предъявленного ему объекта, делая это умышленно, в то время как групповая идентификация по материально фиксированному отображению может быть осуществлена вновь, и её результат будет опять предопределен объективным характером связей в природе и технике.

Литература

1. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969. 216 с.
2. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. 506 с.
3. Колдин В.Я. Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002. 528 с.
4. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. 269 с.

Н.В. Кондраткова, канд. экон. наук, доцент
Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации

Некоторые вопросы расследования самоубийств, совершенных под влиянием «групп смерти»

Суицид – одна из глобальных проблем современного общества. В большинстве стран мира кривая самоубийств ползет вверх, в России на фоне снижения общего количества суицидов наблюдается их рост среди несовершеннолетних. МВД России к основным причинам детских суицидов относит неадекватную реакцию на трудную жизненную ситуацию, спровоцированную правонарушениями в отношении ребенка со стороны родителей, сверстников и иных лиц [2]. Указывая на незначительное место «групп смерти» в общей массе деструктивных факторов, в ведомстве отмечают, что именно интернет компенсирует детям недостаток живого общения, из-за отсутствия опыта они доверяют незнакомым и подвергаются влиянию со стороны кураторов «групп смерти» и других лиц. При этом анализ криминалистической литературы позволяет утверждать, что доведение до самоубийства и склонение к его совершению через интернет недостаточно изучены, вопросы расследования самоубийств освещаются поверхностно или вовсе не рассматриваются. В основном они сводятся к методике расследования убийств, вопросам отграничения последних от криминальных и некриминальных самоубийств, в то время как доведение до самоубийства и склонение к нему в киберпространстве имеют специфику и требуют производства следственных действий с учетом ряда особенностей.

Согласно положениям криминалистической тактики последовательность осмотра места происшествия представляет собой алгоритм действий: изучение путей подхода и отхода, поверхности, на которой находится труп; осмотр наружной поверхности одежды, обуви и открытых частей тела; осмотр предметов рядом с трупом; осмотр трупа; изучение повреждений на трупе и обнаружение всевозможных следов [1]. При производстве осмотра можно обнаружить следы, свидетельствующие о совершении суицида под влиянием извне: характерные рисунки (символику) на предметах интерьера, бумаге, погибшем (изображения китов, бабочек, дельфинов), порезы, другие раны на руках и иных до-

ступных для самостоятельного воздействия частях тела, предсмертные записи в дневниках, на странице в социальной сети, переписку с друзьями, единомышленниками, пропагандирующими идею смерти и суицидов в рукописном и электронном виде, картинки, видеозаписи суицидальной тематики, полученные от кураторов или сделанные ребенком в качестве задания (например, записи жестокого обращения с животным, его умерщвления). Обнаружив в ходе осмотра указанные следы и предметы, следователь решает вопрос о назначении экспертных исследований: посмертной психиатрической, почерковедческой, психолого-лингвистической и компьютерно-технической экспертиз.

Проведение посмертной психиатрической экспертизы позволит выяснить, был ли психически полноценным потерпевший, не подвергался ли он жестокому обращению и систематическому унижению человеческого достоинства и т.д. При назначении указанной экспертизы эксперту должны быть предоставлены медицинские документы, характеризующий материал с места учебы и места жительства, протоколы допросов свидетелей, рисунки, письма, дневники, школьные сочинения [3].

Почерковедческая экспертиза назначается для установления сильного эмоционального возбуждения, стресса при написании текста, что может способствовать в т.ч. выяснению мотива суицида.

Большая часть криминалистически значимой информации может храниться на системных блоках, смартфонах, флэш-накопителях, в связи с чем во время осмотра места жительства потерпевшего их рекомендуется изъять. Компьютерно-техническая экспертиза позволит обнаружить переписку подростка с посторонним лицом в социальных сетях, мессенджерах. Изучению подлежит не только личная переписка, но и сообщества, в которых он состоял, размещенная в них информация, статусы, изображения, видео- и аудиозаписи. Именно данная экспертиза позволит выявить «группы смерти», установить администраторов, иных лиц, пропагандирующих идею суицида. Переписка с последними изучаются в целях установления инициатора, предмета бесед, наличия психологических и лингвистических признаков воздействия, угроз, давления на несовершеннолетнего в случае невыполнения заданий или выхода из «игры», психологических установок (целесообразно проведение психолого-лингвистической экспертизы).

Компьютерно-техническая экспертиза мобильных телефонов, помимо контактов в телефонной книге, входящих и исходящих сообщений, напоминаний в календаре, данных будильника поможет установить сведения о соединениях потерпевшего с другими абонентами.

Не менее важным является изучение личной переписки потерпевшего по электронной почте, в чатах. Необходимо проверить историю в браузере на предмет посещения сайтов, носящих деструктивный характер. В случае выявления таковых изучается переписка погибшего с иными лицами на предмет обсуждения участия в игре, заданий кураторов, их выполнения и пр.

Необходимая информация может быть получена от родственников потерпевшего, которые могут охарактеризовать его личность: наличие заболеваний, предрасположенность к суицидальному поведению, успеваемость, круг интересов, отношения со сверстниками, увлечение молодежными субкультурами (прежде всего, ориентированными на культ смерти), формы проявления увлечений (атрибутика, поведение, общение в интернете) и т.д. Особенности психики подростков, проявляющаяся в противостоянии родителям, делает их более открытыми для сверстников, что требует изучения жизни потерпевшего вне дома – в школе,

спортивных, иных секциях, во дворе. Поскольку большинство покушавшихся на самоубийство так или иначе предупреждали о своем намерении, надлежит установить близкое окружение потерпевшего с целью выяснения его осведомленности об участии подростка в «группе смерти» или личной причастности к таковой.

Резюмируя, отметим, что необходимость единой методики расследования самоубийств продиктована потребностями времени, а ее выработка будет способствовать более качественному и всестороннему расследованию уголовных дел данной категории.

Литература

1. Ильин Н.Н. Актуальные вопросы расследования доведения до самоубийства // Вестник московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 100-104.

2. Количество детских суицидов в России растет не из-за «групп смерти». URL: <https://regnum.ru/news/society/2256526.html>.

3. Соболева Я.Ю. Назначение судебных экспертиз при расследовании суицидов // Вестник науки и образования. 2018. № 8 (44). Т. 1. С. 68-71.

*Е.Е. Космодемьянская, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России;
Н.Г. Прейс*

*Следственное управление
Сибирского ЛУ МВД России*

К вопросу об особенностях расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (по материалам следственной практики)

Полагаем, что актуальность и практическая значимость вопросов расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК) сомнений не вызывает, поскольку, по данным Правительства РФ, «несмотря на то, что число незаконных рубок за последние пять лет снизилось на 20%, ежегодно на территории Российской Федерации все ещё выявляется порядка 16 тыс. случаев незаконной заготовки древесины» [4].

Так, по официальным статистическим данным МВД России, «в январе-июле 2020 года зарегистрировано 13,2 тыс. экологических преступлений, что на 1,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года» [2], в числе которых есть и преступления, совершаемые в сфере ЛПК.

Проведенный авторами анализ теоретических источников и материалов судебной следственной практики, а также личный длительный опыт следственной работы одного из них позволяют сделать вывод о том, что незаконный оборот стратегических важных ресурсов в сфере ЛПК, как правило, представлен набором таких видов преступлений, как приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ), нарушение

режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ), а также рядом составов преступлений экономической направленности (например, уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) и др. Кроме того, нередко случаи контрабанды леса как одного из видов стратегически важных ресурсов (ст. 226.1 УК РФ) [3].

Так, в производстве СУ Сибирского ЛУ МВД России находилось уголовное дело по факту контрабанды лесной продукции: «Осуществляя преступный умысел, направленный на совершение контрабанды стратегически важных ресурсов, Мельников В.В. в период с 04.02.2014 по 10.02.2014 ... предоставил специалисту по таможенным операциям ООО «Интеллект Сервис» Бердниковой С.А., не осведомленной о преступных намерениях Мельникова В.В., сведения и документы, предусмотренные ч. 2 ст. 181, ч. 1 ст. 183 Таможенного кодекса Таможенного союза, либо их копии, содержащие недостоверные сведения о внешнеэкономической сделке и ее основных условиях, и другие сведения, необходимые для таможенных целей. В числе документов, предоставленных таможенному представителю для оформления и подачи в таможенный орган деклараций на товары, находился внешнеэкономический контракт № 003/2014 от 10.01.2014, содержащий недостоверные сведения о фактическом декларанте лесоматериалов и имеющихся договорных отношениях между продавцом и покупателем экспортируемого товара.

После проверки документов инспекторами Лесосибирского таможенного поста Красноярской таможни, введенными в результате умышленных действий Мельникова В.В. в заблуждение относительно получателя товара и условий внешнеэкономической сделки, при перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных ресурсов – лесоматериалов хвойных пород (код ТН ВЭД ТС 4407), 05.02.2014 и 11.02.2014 в соответствии с декларациями на товары № 10606070/050214/0000469, 10606070/100214/0000584, разрешен вывоз с территории Таможенного союза от декларанта ООО «Сибирское лесоторговое предприятие» в адрес ООО «Порсотичорат» в Республику Таджикистан пиломатериалов из хвойных пород, обрезные, распиленные вдоль, нестроганные, нелицензные, необтесанные, нешлифованные, не имеющие соединения в «шип», для

строительных целей, сорт 1-4, ГОСТ 8486-86 общим объемом 419,30 м³, общей рыночной стоимостью 1 429 015 рублей...

Указанные в декларациях на товары № 10606070/050214/0000469, 10606070/100214/0000584 лесоматериалы в период с 17.02.2014 по 23.02.2014 вывезены железнодорожным транспортом через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС через казахстанский участок границы (пост вывоза «Сарыагаш»), расположенный в Республике Казахстан.

В результате умышленных преступных действий Мельникова В.В. общая стоимость незаконно перемещенных от ООО «Сибирское лесоторговое предприятие» через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных ресурсов в период с 17.02.2014 по 23.02.2014 путем недостоверного декларирования, т.е. с нарушением п. 19 ч. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза, составила 1 429 015 рублей, что является крупным размером.

Таким образом, своими умышленными действиями Мельников В.В. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 226.1 УК РФ – контрабанду, т.е. незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных ресурсов в крупном размере» [3].

Как показывает анализ следственной практики, среди особенностей расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса можно назвать следующие: 1) необходимость учета наличия, наряду с основным составом, иных сопутствующих составов преступлений, по которым должна быть осуществлена тщательная проверка и оценка доказанности элементов, входящих в предмет доказывания; 2) необходимость взаимодействия с большим кругом участников уголовного судопроизводства, в качестве которых будут выступать сотрудники таможенной службы, эксперты и специалисты в различных отраслях знаний и т.д.; 3) необходимость изучения субъектом расследования значительного объема нормативных правовых документов в лесной, таможенной, экономической сферах и др.

Все вышесказанное требует разработки целостных методических рекомендаций по расследованию преступлений в сфере ЛПК и задает перспективу дальнейшим научным исследованиям в данной области.

Литература

1. Архив СУ Сибирского ЛУ МВД России. Обвинительное заключение по обвинению Мельникова В.В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2020 года. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 03.09.2020).

3. Об утверждении перечня стратегических важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/news/39604/> (дата обращения: 04.09.2020).

И.Т. Кривошеин, канд. юрид. наук, доцент
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Формула мысли

Прогрессирующее развитие знаний о человеке придает особое познавательное значение познанию Единенности и Цельности мысли и жизни. Формула мысли есть метафизическая категория. Формула мысли представляет собой органическую единенность и цельность мира видимого (материального) и мира духовного, метафизического, невидимого, существующего в виде Идеи, Смысла и Образа, образующих *фундаментальные основы формулы мысли*. Идея, Смысл и Образ воплощают органическую единенность и цельность духовной силы человека, задействуя которую человек преодолевал мировоззренческие эпохи, познавал вселенную, постигал мир материальный и мир невидимый, выстраивал образ миропонимания, выстраивал жизнь, созидал теоретическое и практическое знание. Формула мысли опосредует связь человека с миром пространства и времени, задает параметры связи внешнего мира и внутреннего мира человека. Таким образом, формула мысли олицетворяет фундаментальные основы духовного мира человека, его важнейшую составляющую человеческого миромыслия, которое протекает по своим законам (не смешивать с формально-логическим мышлением!).

Человек и в повседневности, и в других видах деятельности непременно обращает свою мысль к формуле мысли. Формула мысли призывает мысль к необходимости обращения к Идеи, Смыслу, Образу. Вне подобного обращения человек как человек не может состояться. Человек не в состоянии что-либо сделать, не обращаясь к идее, смыслу, образу, в них он

черпает духовную энергию, духовную силу. Предназначенность формулы мысли – просвещение разума, упорядочение духовной жизни. Если законы формальной логики упорядочивают формальную связь, то формула мысли упорядочивает духовную связь. Формула мысли оказывает влияние на все органические системы человека. Нейтрализация или разрушение хотя бы одного из компонентов формулы мысли дестабилизирует поведение человека, приводит к временной или длительной дезорганизации мысли.

Формула мысли, в отличие от правил формальной логики, задает свои параметры миропонимания, задает параметры духовно-нравственного иммунитета. В этом упорядочении ключевая роль принадлежит личностному смыслу. Каков личностный смысл – таково миромыслие, таково миропонимание. Упорядочивая свою мысль, мир своих ценностей, свою мотивацию, свое сбалансированное отношение, человек всегда обращается не только к общественно значимым ценностям, но и к личностному смыслу. Личностный смысл существует на протяжении тысячелетий, он действует как закон, что же касается формально-логических правил, то они при необходимости жизнью, мыслью, личностным смыслом легко преодолеваются.

Познавательная особенность формулы мысли состоит в том, что она служит предпосылкой уточнения таких разделов криминалистики, как криминалистическая тактика, криминалистическое учение о тактическом приеме, криминалистическое учение о тактико-криминалистическом воздействии, учение о криминалистическом механизме преступления, криминалистическое учение о личности обвиняемого, криминалистическая методика.

В.Д. Кругликов

ОУУП и ПНД ОП по Октябрьскому району
УМВД России по г. Барнаулу

Особенности предмета преступного посягательства по мелкому хищению, совершенному лицом, подвергнутому административному наказанию

Необходимость обращения к вопросу о предмете мелкого хищения, указанного в ст. 158.1 УК РФ, предопределена местом, которое занимает предмет преступного посягательства в криминалистических рекомендациях по расследованию деяний различного вида. Необходимость различать в числе элементов криминалистической характеристики преступлений предмет преступного посягательства отмечают многие авторы [6; 7]. Подчеркивая важность данного понятия, В.К. Гавло писал: «Особое значение приобретают данные о предмете преступного посягательства (вещи, предметы, ценности), которые имеют “материализованную оболочку и доступны для восприятия извне, для измерения и фиксации”. Они могут выступать в качестве слеодообразующих и следовоспринимающих объектов, что важно для установления места, времени, способа, орудий и других обстоятельств совершения и сокрытия преступлений с помощью специально разрабатываемых для определенной ситуации методов расследования» [3, с. 200-201].

Рассматривая особенности данного элемента криминалистической характеристики мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутому административному наказанию, следует отметить, что предмет преступления характеризуется большим многообразием: им может быть практически любая вещь, обладающая стоимостью и находящаяся в чужой собственности. Согласно проведенному нами исследованию, в качестве предмета преступного посягательства по делам данной категории выступали: 1) продукты питания; 2) спиртные напитки; 3) различные промышленные товары; 4) черные и цветные металлы, ГСМ; 5) сотовые телефоны; 6) одежда, 7) деньги и т.д. [4, с. 124-125]. При этом, совершая хищение повторно, похититель зачастую выбирает схожие, тождественные по своей природе предметы преступного посягательства. Так, например, П., признанный виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27

КоАП РФ, должных выводов для себя не сделал и вновь совершил не менее пяти раз хищение продуктов питания из торговых залов магазинов. При этом в каждом втором случае предметами преступного посягательства были банки с кофе и колбасная продукция [1].

В значительной степени именно на информации о предмете преступного посягательства основывается дознаватель (следователь) при выдвижении общих и частных следственных версий, проверяемых в ходе расследования преступлений, связанных с уголовно наказуемым мелким хищением. Так, зная особенности предмета хищения, дознаватель (следователь) может установить его связи с другими элементами криминалистической характеристики хищений (обстановкой совершения преступления, механизмом преступления и т.д.). Кроме того, исходя из размера (стоимости) похищенного, можно не только определить, имело ли место мелкое или уголовно наказуемое хищение, но и сделать предположение о лицах, совершивших преступление.

В свою очередь, выбор конкретным субъектом конкретного предмета преступного посягательства обусловлен во многом особенностями его личности (возрастом, социальным статусом, волевыми качествами, интеллектуальными свойствами, проявляющимися в выборе места совершения преступления и конкретного способа изъятия и маскировки похищенного имущества, психическим состоянием, психологическими свойствами, жизненным опытом, увлечениями, потребностями, привычками и навыками и т.п.).

В исследованиях по схожей проблематике отмечается, что «...предмет преступного посягательства отображает отдельные увлечения лица, его возраст, психическое и физиологическое состояние преступника в момент совершения кражи... Применительно к указанному обстоятельству в специальной литературе чаще всего указывают предметы, имеющие смысловое значение для несовершеннолетних, женщин, лиц, находящихся в алкогольном опьянении и т.д.» [5, с. 38]. Например, при расследовании мелкого хищения спиртных напитков, совершенного из торговой организации, наиболее вероятной будет версия о том, что преступление совершено лицом, злоупотребляющим алкоголем и, возможно, наркотиками, а в случае совершения хищения парфюмерии (помады, духов, туши) – женщиной. Так, К., не работающий, злоупотребляющий алкогольными напит-

ками, неоднократно признанный виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, вновь не менее двух раз совершил мелкое хищение алкогольной продукции из торговых залов магазинов: в первый раз на сумму 577 рублей 40 копеек, во второй раз на сумму 350 рублей [2].

При построении модели преступного посягательства надо исходить из того, что предмет преступного посягательства диктует преступнику выбор способа совершения противоправного деяния как средства реализации своего замысла и достижения преступной цели, поскольку от того, на что направлен умысел преступника (что является предметом преступного посягательства – крупногабаритный или мелкий предмет; продукты питания или одежда; предметы, востребованные всеми или определенной группой лиц), будет зависеть выбор его действий, т.е. способа совершения преступления, места и времени совершения преступления, места хранения и сбыта похищенного, если такое осуществляется.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что значимость предмета преступного посягательства по мелкому хищению, совершенному лицом, подвергнутым административному наказанию, проявляется в возможности с разной степенью достоверности дознавателю (следователю) выдвинуть версию о личности преступника, её связях с другими элементами криминалистической характеристики преступления, определить направление поисково-

познавательной деятельности должностного лица.

Литература

1. Архив Ленинского районного суда г. Барнаула. Приговор № 1-648/2019 от 24 декабря 2019 г. по делу № 1-648/2019.
2. Архив Советского районного суда г. Красноярска. Приговор № 1-1045/2019 от 7 ноября 2019 г. по делу № 1-1045/2019.
3. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / под общ. ред. А.Н. Васильева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 214 с.
4. Кругликов В.Д. К вопросу о криминалистической характеристике мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1 (36). С. 124-126.
5. Ондар Д.С. Первоначальный этап расследования краж из жилища в сельской местности в условиях компактного проживания этнической группы (по материалам Республики Тыва): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2019. 326 с.
6. Танасевич В.Г. Теоретические основы методики расследования преступления // Советское государство и право. 1976. № 6. С. 83-93.
7. Чельшева О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 300 с.

О.В. Кругликова, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт
МВД России

Особенности тактики предъявления для опознания предметов

Предъявление для опознания на предварительном расследовании является одним из наиболее востребованных следственных действий идентификационного характера, направленных на отождествление опознающим в установленном законом порядке по мысленному образу, сохранившемуся в его памяти, объектов, ранее воспринимаемых им в ходе обстоятельств, имеющих значение для дела.

Результативность его производства во многом предопределяется умелым использованием следователем (дознавателем) тактических приемов, выработанных криминалистической наукой и рассмотренных в трудах таких ученых, как А.Я. Гинзбург, И.Е. Быховский, Г.И. Кочаров, Е.Ю. Самолаева, З.Г. Самошина, П.П. Цветков, О.В. Чельшева и др. [1, 2, 4-8].

Не раскрывая общеизвестные положения данного следственного действия как одного из способов собирания и проверки доказательств по уголовным делам, остановимся более подробно на особенностях тактики производства предъявления для опознания предметов.

Как правило, в качестве объектов, предъявляемых для опознания, рассматриваются изъ-

ятые предметы, документы или вещи, принадлежность которых имеет доказательственное значение, а в качестве опознающего лица выступают свидетель, потерпевший, подозреваемый или обвиняемый. Так, предметы или вещи могут предъявляться для опознания свидетелю, который их мог видеть в момент совершения преступления; предполагаемому владельцу (потерпевшему), у которого они были похищены, или подозреваемому (обвиняемому), использующему их для совершения или в ходе совершения преступления. И если перечень лиц, участвующих в опознании, определен ч. 1 ст. 193 УПК РФ, то перечень предметов, которые могут быть предъявлены для опознания, не определен и законодательно не закреплен.

Вместе с тем, как следует из смысла вышеуказанной статьи, объектом, предъявляемым для опознания, может являться предмет, обладающий какими-либо признаками, определенными особенностями, характерными только для него, позволяющими опознающему на этой основе идентифицировать предмет, выделив его из других однородных. В ходе предъявления объекта опознающий сопоставляет признаки предмета, запечатленные в его сознании (мысленный образ), с признаками предъявляемого объекта, таким образом сравнивая их. Только при наличии индивидуализирующих признаков данный предмет может быть отождествлен с тем объектом, о котором опознающий ранее давал показания в ходе допроса на предварительном следствии. В случае, когда предъявляемый предмет такими признаками не обладает, проведение предъявления для опознания теряет всякий смысл.

С другой стороны, предметы, предъявляемые для опознания, могут иметь ярко выраженные, или редко встречающиеся, или неповторимые признаки. Если указанные признаки нельзя скрыть, и они явно выказывают данный предмет, то предъявление его для опознания также нецелесообразно. В таких случаях будет разумно допросить лицо, обладающее информацией о предмете, на наличие таких ярко выраженных признаков, а затем произвести осмотр данного предмета с целью установления тождества с объектом, описанным в протоколе допроса. Например, в том случае, если речь идет о хищении изделия, изготовленного по индивидуальному заказу, единственного в своем роде, достаточно будет провести допрос лица, а затем осмотр предмета, зафиксировав эти признаки.

Таким же образом целесообразно поступить и с номерными вещами, на которые у владельца имеются документы, если он не называет другие признаки, его характеризующие. Вместе с тем если опознающий может указать дополнительные индивидуальные признаки и в дальнейшем опознать по ним предмет, недопустимо подменять опознание другими следственными действиями, поскольку производство предъявления для опознания предмета является наилучшей гарантией достоверности идентификации. Свой вывод о тождестве или различии предъявляемых объектов опознающий в ходе опознания сопровождает объяснением, по каким именно признакам он опознал данный предмет и почему пришел к этому выводу. Данное объяснение заносится в протокол опознания, где указывается, когда и при каких обстоятельствах опознающий наблюдал данный предмет до опознания, какова длительность наблюдения, как – с уверенностью или нет – он его опознает.

Если опознающий в ходе опознания заявил, что не узнает ни один из предъявленных для опознания предметов, то следует еще раз лицу предложить внимательно осмотреть все объекты и убедиться в правильности сделанных выводов. В этом случае сразу по окончании опознания следователь (дознатель) должен произвести дополнительный допрос опознающего, где уточнить причину, по которой опознающий мог не узнать предмет. Не допускается повторное опознание предмета тем же опознающим и по тем же признакам, поскольку повторное опознание делает его результаты недостоверными. Любой результат предъявления для опознания необходимо оценивать в совокупности с другими доказательствами по делу.

Опознание предметов может быть проведено по фотографии, предъявляемой одновременно с фотографиями других предметов, внешне схожих с опознаваемым. Количество фотографий, на которых изображены объекты, должно быть не менее трех. А.С. Князьков в своей работе причиной проведения опознания предметов в опосредованной форме назвал «отсутствие фактической возможности предъявления какого-либо предмета в натуре», с чем нельзя не согласиться [3, с. 83]. Так, например, опознание предмета по фотоизображению целесообразно произвести в случае невозможности найти схожие предметы в натуре, или когда предметы, предъявляемые для опознания, являются крупногабаритными, и т.д.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что успех производства предъявления для опознания предмета зависит не только от того, насколько хорошо и точно опознающий смог запомнить, а затем воспроизвести индивидуальные особенности объекта, но и от того, насколько следователем (дознавателем) тактически грамотно и правильно были выбраны тактические приемы производства опознания, определены условия для его производства, подобраны однородные предметы, полно и своевременно допрошен опознающий до начала предъявления предмета для опознания.

Литература

1. Бурданова В.С., Быховский И.Е. Предъявление для опознания на предварительном следствии. М., 1975. 78 с.
2. Гинзбург А.Я. Тактика предъявления для опознания / под ред. И.М. Лузгина. М.: Юрид. лит., 1971. 64 с.
3. Князьков А.С. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 81-86.
4. Кочаров Г.И. Опознание на предварительном следствии: пособие для следователей. М.: Госюриздат, 1955. 83 с.
5. Самолаева Е.Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей: учебно-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2004. 160 с.
6. Самошина З.Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 90 с.
7. Цветков П.П. Опознание в стадии предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1958. 16 с.
8. Чельшева О.В. Современные теоретические и практические проблемы предъявления для опознания живых лиц по признакам внешности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. 184 с.

*А.А. Кузнецов, канд. юрид. наук, профессор
Омская академия МВД России*

Предупреждение дачи ложных показаний свидетелей, потерпевших при допросе

За последнее время в юридической литературе все чаще и чаще обращается внимание на отдельные аспекты противодействия расследованию различных категорий уголовных дел [1, 3, 5, 6]. Субъектами такого противодействия зачастую выступают свидетели и потерпевшие, которые, казалось бы, должны быть не заинтересованы в такого рода деятельности. Дача ложных показаний, а тем более заведомо ложных показаний становится достаточно распространенным явлением [4]. Одним из следственных действий, в процессе которых можно ожидать дачу ложных показаний, является допрос. При том, что во время данного следственного действия следователь получает наибольший объем доказательственной информации, оценить ее достоверность зачастую сразу не удается. Эффективность допроса возрастает при условии профессионализма следователя и надлежащей подготовки к его проведению.

В практической деятельности с дачей ложных показаний следователь встречается достаточно часто. Но одно дело, когда ложь является следствием заблуждения (неправильного представления о развитии события или вследствие забывчивости, стресса), совсем иное, когда свидетель, потерпевший имеют установку на дачу заведомо ложных показаний. Преодолеть такую установку бывает непросто, и связано получение ложных показаний с существующими объективными факторами (воздействием на свидетеля, потерпевшего заинтересованными лицами с целью изменить показания, некомпетентностью следователя, неблагоприятной обстановкой во время допроса и т.п.) и субъективными (чувства и черты характера допрашиваемого, его эмоциональное состояние, дружеские, родственные отношения с обвиняемым и т.п.) факторами, влияющими на поведение субъектов уголовного процесса. Однако следует исходить из основного принципа, что всегда легче предупредить наступление определенных последствий, чем затем принимать различные меры к выявлению ложных показаний, их последующей нейтрализации.

Основные методы выявления ложных показаний при проведении допроса связаны с наблюдением за поведением допрашиваемого и последующим анализом полученных показаний, сопоставлением их с имеющимися доказательствами вплоть до использования специальных знаний отдельных специалистов. Думается, следует считать тактической ошибкой оставлять вопрос о диагностике лжи в зависимости от результатов проведенного допроса. Для следователя важна подготовка к проведению данного следственного действия, в рамках которой решаются многие задачи предстоящего следственного действия. Одна из таких задач – принять необходимые меры, направленные на недопущение дачи ложных показаний или, по крайней мере, сведение к минимуму противоречий, возникающих в показаниях свидетелей, потерпевших, с иными материалами по уголовному делу [2]. Следует понимать, что именно первый допрос ограничен по времени на подготовку необходимых материалов, а психологическое воздействие на свидетеля, потерпевшего может быть связано с получением показаний, которые укладываются в выстроенную следователем версию произошедшего события.

Таким образом, можно предложить несколько направлений, которые должны быть учтены при подготовке допроса свидетелей, потерпевших, направленных на выяснение установки на дачу ложных показаний. В зависимости от вида расследуемого преступления такие направления должны быть дополнены.

1. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в предупреждении дачи ложных показаний свидетелем, потерпевшим. В первую очередь выявление нежелания отдельных лиц участвовать в проведении следственных действий, негативного отношения к органам правосудия. Затем немаловажно получение сведений об объективных и субъективных факторах, влияющих на установку к даче ложных показаний. Возможно определение лиц, которые по соображениям конспирации не могут быть свидетелями. Кроме этого, в литературе рекомендуются и иные направления использования оперативно-разыскной информации [7, с. 99-101].

2. Психологическая подготовка следователя (выбор обстановки и места допроса, определение последовательности задаваемых вопросов, консультации со специалистом).

3. Подготовка необходимой криминалистической техники (видеозаписывающей аппаратуры, направленных микрофонов и т.п.).

4. Изучение материалов уголовного дела, составление плана проведения следственного действия (определение тактических приемов допроса в зависимости от предполагаемой ситуации во время допроса), в т.ч. изучение личности допрашиваемого.

5. Принятие мер к соблюдению следственной тайны в отношении личности свидетеля, потерпевшего, в случае необходимости разъяснение процедуры государственной защиты свидетелей, потерпевших.

Завершается подготовка к допросу свидетелей, потерпевших выбором группы тактических приемов, направленных на установление психологического контакта с допрашиваемым и дальнейшего его поддержания на протяжении всего хода следственного действия. В случае выявления признаков дачи ложных показаний следователь должен предусмотреть порядок их нейтрализации путем проведения иных следственных действий.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2001. 837 с.
2. Жиляев А.И. Криминологическая характеристика и предупреждение заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 187 с.
3. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.
4. Карпенко О.А., Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.
5. Лавров В.П. Противодействие расследованию и меры по его преодолению: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2011. 148 с.
6. Тишутина И.В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: монография / под общ. ред. А.Ф. Волынского. М.: Юрлитинформ, 2012. 352 с.
7. Шепелева С.В. Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 205 с.

А.А. Курин, канд. техн. наук, доцент
Волгоградская академия МВД России

Проблемы информационно-аналитического обеспечения раскрытия и расследования преступлений

В современных условиях причинами недостаточного уровня раскрываемости преступлений являются существенные сложности в системе информационного обеспечения. Совокупность данных, содержащихся в различных информационных массивах, составляет основной ресурс для информационно-справочного и информационно-аналитического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Информационно-справочное обеспечение направлено на поиск данных, формирование рекомендательных списков из собственных ведомственных информационных массивов. Информационно-аналитическое обеспечение представляет собой информационный процесс распределенного сбора разнородных данных из внешних по отношению к поисковой системе ресурсов, их анализ, формирование модели события преступления в наглядной структурированной форме (схема, граф связей).

В целом накопленные и систематизированные учетно-регистрационные данные в результате аналитической обработки приобретают форму информационной модели противоправного деяния, которая способствует получению субъектами правоприменения нового знания о событии преступления, лицах, причастных к его совершению, а также об используемых ими средствах и способах совершения преступления. Аналитическая работа позволяет получить информацию о структуре и иерархии преступных организаций, о товарно-денежных потоках, взаимоотношениях, преступной деятельности, планах, персональных данных участников преступных групп. В результате такой работы формируется профиль преступника или преступной группы с учетом фактических данных о совершенных ранее преступлениях.

Для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений требуется решение совокупности организационных задач. Так, строгая принадлежность коммуникационных систем к иерархическим или ведомственным структурам государственных организаций, а также организационные ограничения полноформатного доступа к сведениям, необходимым для раскрытия и расследования преступлений, препятствует выстраиванию эффективного ин-

формационного взаимодействия и совместному использованию информационных ресурсов субъектами правоприменения.

Информационные массивы системы криминалистической регистрации для полноценной работы системы должны включать в себя пять структурных элементов:

- система первичного учета преступлений – статистические массивы на выявленное преступление и лиц, привлеченных к административной или уголовной ответственности;
- централизованные оперативно-справочные, криминалистические и розыскные учеты, сформированные на основе информации об установленных объектах;
- экспертно-криминалистические учеты объектов и следов, сформированные из объектов – вещественных доказательств;
- оперативные учеты информационно-аналитических подразделений органов внутренних дел;
- справочно-вспомогательные учеты (натурные коллекции и картотеки).

Организационную основу информационных потоков криминалистической или оперативно значимой информации является формирование перечня элементов единой системы криминалистической регистрации и связей между ними, а также порядка работы со всеми категориями информации для получения информации принципиально иного качества, которая может служить для выдвижения следственных версий, планирования расследования или оперативно-розыскных мероприятий. В этом аспекте ключевую позицию занимают оперативно-аналитические подразделения органов внутренних дел (ОРИ, ЦОРИ).

По содержанию циркулирующая в информационных потоках информация может быть криминалистической, оперативно-розыскной, профилактической, административно-правовой, уголовно-правовой, дактилоскопической, пространственно-временной (геолокационной), биллинговой, аудиовизуальной (фотоизображения, видеозаписи, фонограммы голоса и речи). Такая совокупность разнородной информации о событии преступления не может быть получена и обработана в короткие сроки в силу ее объемности и многоаспектности связей между отдельными ее компонентами. Именно поэтому аналитическая обработка информации, в т.ч. с использованием систем искусственного интеллекта, приобретает стратегическое значение.

Развитие частной научной теории информационных потоков, разрабатываемой современными учеными, позволяет получить ряд преимуществ по сравнению с несистематизированными информационными ресурсами: сформировать информационную базу, пригодную для осуществления автоматизированных широкомасштабных аналитических операций; расширить объем предварительно структурированной, проверенной и актуализированной информации, представленной в системе криминалистической регистрации; повысить надежность выводов, сделанных по результатам аналитической обработки криминалистической и оперативной информации; создать оптимальную по объему и степени защищенности систему хранения информации; разработать и постоянно совершенствовать методики предварительной обработки поступающей в систему информации.

Совершенствование учетно-регистрационной деятельности ведется по трем основным направлениям: совершенствование учетно-регистрационной системы с целью полного и точного отражения состояния и тенденций развития преступности и деятельности ОВД Российской Федерации; автоматизация сбора и обработки статистической информации; использование методов моделирования, аналитической обработки учетной информации с целью полу-

чения нового знания о расследуемом событии преступления.

В контур аналитической обработки информации должно быть включено следующее: поступает информация дежурных частей ОВД через специальный сервис обеспечения дежурных частей; ФКУ «ГИАЦ МВД России»; оперативно-разыскные информационные потоки с учетом авторизации пользователей и защиты от несанкционированного доступа; профилактические информационные потоки подразделений по охране общественного порядка; информационные потоки специальных учреждений МВД России; паспортно-визовые информационные потоки подразделений по вопросам миграции; информационные потоки подсистемы «Розыск-Магистраль» и АПК «Безопасный город».

Представленная совокупность информации требует тщательной аналитической обработки на предмет установления общностей и связей как между собой, так и с событием преступления. Для аналитического исследования информация может быть задана матрицей «объект – признак» или матрицей связи «объект – объект» с возможностью перехода от одной формы к другой. Преимущество многомерного поиска заключается в том, что набор исходных признаков заменяется совокупностью взаимосвязанных признаков.

*Л.Г. Лифанова, канд. юрид. наук, доцент
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России*

Нормативные требования и тактические рекомендации при производстве первоначальных следственных действий

Традиционно в криминалистике при анализе методики расследования преступлений выделяют этапы расследования как взаимосвязанные системы следственных и процессуальных действий, объединенных условиями производства по уголовному делу, стоящими задачами, тактическими приемами. Несмотря на отсутствие единого подхода к определению этапов расследования и особенно их количества, в юридической литературе справедливо подчеркивается значимость первоначального этапа.

После получения информации о совершенном или готовящемся преступлении необходимо в кратчайший срок провести следственные, процессуальные и оперативно-разыскные мероприятия, направленные на проверку имеющихся сведений об общественно опасном деянии, поиск и закрепление следов преступления, задержание подозреваемого. На данном этапе начинается формирование доказательств, которые впоследствии должны стать основой для принятия законного и обоснованного итогового решения по уголовному делу.

Начало и окончание первоначального этапа расследования в юридической литературе определяется неодинаково. Например, В.А. Рогожин связывает первоначальный этап с возбуждением уголовного дела и предъявлением обвинения либо прекращением уголовного дела [4]. Р.С. Белкин отмечал, что определить точно окончание первого этапа невозможно: это мо-

жет быть привлечение лица в качестве обвиняемого, а может быть более ранний момент, «когда характерный для этого этапа ускоренный темп действий будет по каким-либо причинам утрачен...» [2, с. 238-239].

Анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства дает основание полагать, что первоначальный этап расследования начинается с момента производства проверочных мероприятий в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Спектр допустимых следственных и процессуальных действий, направленных на проверку сообщения о преступлении, достаточно широк. Собранная до возбуждения уголовного дела информация может впоследствии являться доказательством, если она будет получена в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Следует отметить, что на данном этапе, а также сразу после возбуждения уголовного дела зачастую происходит подмена понятий первоначальных и неотложных следственных действий. Смысл производства и тех, и других идентичен – безотлагательность. То есть производство в более поздний срок может привести к утрате доказательственной информации. Однако следует помнить о нормативном закреплении дефиниции «неотложные следственные действия» (п. 19 ст. 5 УПК РФ), согласно которой указанные мероприятия может проводить исключительно орган дознания после возбуждения уголовного дела, по которому обязательно производство предварительного следствия (ст. 151, 433 УПК РФ). Правда, в ч. 5 ст. 152 УПК РФ законодатель к субъектам производства неотложных следственных действий относит также следователя.

В юридической литературе не единожды предпринимались попытки обозначить систему неотложных следственных действий. В их перечень предлагают включать осмотр, освидетельствование, обыск, выемку, допросы подозреваемых, свидетелей, потерпевших, назначение экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования [6, с. 257; 1, с. 110]. Высказываются суждения о целесообразности закрепления системы неотложных следственных действий на законодательном уровне [5, с. 30-33]. Представляется, что включение в Уголовно-процессуальный кодекс определенного перечня следственных действий, относимых к неотложным, негативно отразится на процессе расследования, т.к. ограничит процессуальную самостоятельность следователя (дознателя),

создаст препятствия для сбора первоначальной информации. Полагаем, что законодателю следует отказаться от законодательного определения неотложных следственных действий, т.к., во-первых, в нем содержится противоречие относительно субъекта, полномочного их производить (о чем указывалось ранее), и, во-вторых, обозначено, что проводятся они после возбуждения уголовного дела, несмотря на то, что на этапе доследственной проверки законодатель допускает производство отдельных видов осмотров, освидетельствование, назначение и производство экспертизы и получение образцов для сравнительного исследования. В этой связи более удачным представляется использование термина «первоначальные следственные действия».

Следователь (дознатель) не должен быть ограничен в выборе следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования. Например, тактически правильно после получения признательных показаний подозреваемого незамедлительно провести проверку его показаний на месте. Если имеется описание внешности лица, совершившего преступление, опознание целесообразно провести в самый короткий срок.

Одним из наиболее распространенных первоначальных проверочных мероприятий является получение объяснений. В определенных случаях законодатель допускает использование информации, содержащейся в объяснении, в качестве доказательства (ч. 1.2 ст. 144, п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Однако в законе не определен порядок получения объяснения, за исключением необходимости разъяснения лицу, у которого отбирается объяснение, его права не свидетельствовать против себя и своих близких родственников. Полагаем тактически правильным получать объяснения с соблюдением порядка производства допроса: обеспечить при необходимости участие законных представителей, педагога, психолога, переводчика; допускать участие адвоката и т.д., при этом помнить, что отказ от дачи объяснения или сообщение ложных сведений не влекут за собой юридически неблагоприятных последствий. Как правило, в объяснении содержится ориентирующая информация, которая в числе прочего позволяет определить наличие либо отсутствие основания для возбуждения уголовного дела [3, с. 224-226]. В тех случаях, когда решение о возбуждении уголовного дела может быть принято без получения объяснений, следователю (дознава-

телю) стоит избегать производства дублирующих мероприятий: получения объяснений и последующего допроса.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в рамках первоначальных проверочных мероприятий разрешает до возбуждения уголовного дела назначать производство судебной экспертизы. Однако в ч. 1.2 ст. 144 УПК указывает, что подлежит удовлетворению ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, заявленное после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим. Причем в обозначенной норме отсутствует указание на наличие оснований для производства повторной или дополнительной экспертизы в соответствии со ст. 207 УПК РФ. В этой связи приходится констатировать, что следователь (дознатель) не застрахован от назначения одного и того же вида экспертизы с одним и тем же объемом вопросов дважды: до и после возбуждения уголовного дела.

Рассмотрев незначительную часть проблем, возникающих при производстве первоначальных следственных действий, следует отметить, что нормы закона, регламентирующие деятельность следователя (дознателя) при проверке сообщения о преступлении и возбуждении уголовного дела, нуждаются в серьезной корректировке в целях повышения качества расследова-

ния и защиты лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Литература

1. Абесалашвили М.З. Подозреваемый как участник уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Майкоп, 2005.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997.
3. Лифанова Л.Г., Потудинский В.П., Потудинский М.В. Рекомендации по организации деятельности следователя на первоначальном этапе расследования для обучающихся юридических вузов уголовно-правовой специализации // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79).
4. Рогожин В.А. Прокурорский надзор за законностью производства на начальном этапе предварительного следствия // Региональные особенности государственного строительства и укрепления правопорядка в свете идей Октября: тез. докл. и сообщ. научно-практ. конф-ции (12-14 мая 1988 г.). Орджоникидзе, 1988.
5. Сопнева Е.В. О неотложных следственных действиях в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3.
6. Уголовный процесс: учебник / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003.

*Я.М. Мазунин, доктор юрид. наук, профессор
Омская академия МВД России;
П.Я. Мазунин, канд. юрид. наук, доцент
Омская академия МВД России*

Оценка доказательств судом как одна из проблем при разрешении уголовных дел

Одной из проблем, относящихся к деятельности суда, является оценка доказательств судом при разрешении уголовных дел. Данная проблема представляет особый интерес в гносеологическом плане, т.к. позволяет проследить диалектику перерастания оперативно-разыскных, следственных и экспертных ошибок в судебные ошибки. Именно в ходе поисково-познавательной деятельности судьи, связанной с оценкой доказательств, добытых на предварительном следствии, возможна трансформация

оперативно-разыскных, следственных, экспертных ситуаций в судебно-следственные ситуации и наоборот [1, с. 26].

Помимо этого, рассматриваемая проблема тесно связана с усмотрением судьи и опасностью произвола, которую оно в себе таит. Несмотря на то, что проблемы усмотрения рассматривались в научной литературе, актуальной остается проблема реализации субъективного фактора в деятельности лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Анализ юридической литературы показывает, что «основными направлениями изучения рассматриваемого вопроса остаются, во-первых, судебское убеждение и, в частности, его значение и механизм формирования, его значение на заключительном этапе осуществления функции разрешения уголовного дела; во-вторых, внутреннее убеждение лиц, осуществ-

ляющих производство по делу, при оценке доказательств; в-третьих, отдельные факторы (среди которых особо можно выделить правосознание), влияющие на процесс формирования убеждения и усмотрения судьи, прокурора, следователя; в-четвертых, процессуальные решения как средство реализации усмотрения правоприменителя. Несомненно, эти аспекты имеют не только теоретические, но и практическое значение» [6, с. 5].

При этом обвинительный приговор должен опираться на совокупность согласующихся между собой доказательства, а исследованные в суде доказательства должны в своей совокупности однозначно, с несомненностью свидетельствовать о виновности подсудимых, подтверждать, дополнять друг друга. Если же то или иное доказательство противоречит другим или об одних и тех же обстоятельствах в разных материалах дела содержится различная, порой взаимоисключающая информация, возможно, что одно или несколько доказательств являются недостоверными, ложно или неправильно понятыми следователем или прокурором, и при их оценке подвержены сомнению и проверке со стороны суда.

Именно деятельное сомнение стимулирует тщательную проверку собранных и поиск новых доказательств. Однако изучение ряда уголовных дел, по которым были допущены судебные ошибки, свидетельствует, что одной из главных их причин было именно невнимание к обстоятельствам, не укладывающимся в версию обвинения, игнорирование фактов, противоречащих этой версии.

Полагаем, что при оценке доказательств во время судебного разбирательства необходимо руководствоваться следующими правилами: а) тщательное исследование собранной следствием и судом доказательственной информации в целом; б) исследование каждого доказательства в отдельности; в) исследование доказательств в их совокупности с целью выявления имеющихся между ними противоречий и их причин. Подлежат выяснению следующие вопросы: а) нет ли обстоятельств, вызывающих сомнение в достоверности того или иного доказательства (соблюдены ли процессуальные формы и правила проведения следственного действия; есть основания предполагать необъективность информации, полученной при его проведении; нет ли субъективных или объективных причин, которые могли бы помешать его проведению и оказать влияние на его ре-

зультаты, и т.п.); б) имеются ли между результатами следственных действий (в показаниях потерпевшего, подсудимого, в заключении эксперта и т.п.) противоречия, неточности, пробелы; в) в чем именно выражаются противоречия, в т.ч. и по отношению к иным собранным по делу доказательствам; г) как развивалась доказательственная информация на всем протяжении предварительного следствия и судебного разбирательства (изменялись ли показания, заключения эксперта и т.п.).

Основными средствами выяснения указанных вопросов являются: детализированные допросы потерпевших, подсудимых, свидетелей, экспертов, специалистов; сопоставление между собой разных показаний одного и того же лица (включая оглашение, в соответствии с законом, ранее данных показаний); сопоставление проверяемых показаний с другими доказательствами (очная ставка, перекрестный допрос; шахматный допрос, предъявление допрашиваемым вещественных доказательств, документов и т.п.) [4, с. 101-120].

По многим уголовным делам такое исследование доказательств приводит к ожидаемым результатам. Но нередки случаи, когда использование указанных способов, без привлечения новых доказательств, не создает ясности и не приводит к устранению имеющихся противоречий. Изучение уголовных дел свидетельствует, что нередко обвинители, защитники и судьи пытаются выяснить возникающие вопросы, главным образом, а иногда – исключительно, путем допросов подсудимых, потерпевших и свидетелей (84,7% дел). Однако в сложных судебно-следственных ситуациях, когда допрашиваемые лица уже укрепились в своих позициях (это характерно для организованных преступных формирований), независимо от того, соответствуют ли их показания действительности, дальнейшие допросы становятся бесполезными и бесперспективными. В этих случаях профессиональные участники судебного разбирательства должны привлекать иные источники информации, чтобы убедиться в достоверности либо ложности проверяемых.

Перед следователем же стоит задача не только получить доказательства, но и представить их таким образом, чтобы они максимально воздействовали на внутреннее убеждение, а соответственно, и на усмотрение судьи. Например, выполнению этой задачи способствует применение дополнительных способов фиксации при производстве некоторых следственных действий (фо-

тографирование, видео-, аудиозапись и т.п.). Немаловажное значение имеет и соблюдение процессуальной формы при проведении следственных действий, т.к. доказательства, полученные с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса, являются недопустимыми, они не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Таким образом, следователь должен прогнозировать динамику судебно-следственных ситуаций и во время судебного следствия, поведение участников расследования, усмотрение судьи и результаты принимаемых решений, процессы возникновения и изменения доказательственной информации и др. [7, с. 13].

Решение данной задачи тесно связано с таким понятием, как «судебная перспектива по делу», которое почти не встречается в научной, в т.ч. криминалистической литературе. Вместе с тем нельзя не согласиться с Ю.П. Гармаевым в том, что «практически каждый опытный работник правоохранительных органов не может обойтись без указанного термина и применяет его регулярно, осознанно или интуитивно понимая его значение» [2, с. 412]. При этом он полагает, что судебная перспектива по всему делу/эпизоду – это «субъективная оценка правоприменителя (следователя, руководителя следственного органа, прокурора и защитника и др.), данная в разнообразных ситуациях на судебных, но чаще на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, по поводу того, будет ли направлено в суд конкретное уголовное дело (эпизод обвинения/состав преступления), и каким может быть окончательное судебное решение, если исходить из ситуации по делу на момент оценки и перспектив развития этой ситуации с точки зрения: 1) наличия/отсутствия состава (составов) преступления, 2) предпола-

гаемых доказательств, 3) интенсивности противодействия уголовному преследованию» [2, с. 414]. При этом нельзя не согласиться с Л.Я. Драпкиным в том, что «формируя и реализуя многочисленные решения по уголовным делам, следователь с необходимостью исходит не из реальной ситуации, а из ее информационной модели, отраженной в его сознании» [3, с. 16].

Литература

1. Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. Барнаул, 2000.
2. Гармаев Ю.П. Ситуационный подход и судебная перспектива по уголовному делу // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции, посв. 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2012.
3. Драпкин Л.Я. Теория криминалистических ситуаций: этапы развития, структура, система // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. № 2 (4).
4. Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. М., 2001.
5. Мазунин Я.М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2005.
6. Марфицин П.Г. Усмотрение следователя. Омск, 2002.
7. Сотников К.И. Прогнозирование в деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1987.

*Е.С. Мазур, доктор мед. наук
Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Тенденции криминалистического обеспечения расследования ятрогенных преступлений

Ятрогенные преступления являются опасными социальными явлениями, поскольку вред причиняется пациенту лицом, к которому он обращается за получением медицинских услуг. Актуальность подчеркивается тенденцией задерживания в медицинском деле значительного числа новых лекарственных препаратов, методов диагностики и лечения пациента, и это не может указывать на возрастание риска возникновения ятрогении.

Ятрогенное преступление есть реальное явление действительности, в котором отображается развитие ятрогенного процесса, его возникновение, определяются объективные и субъективные факторы: личные качества, состояние и поведение всех участников оказания медицинской помощи, обстановка, в которой оказывается помощь, и уровень разработок медицинских методик, средств, технологий. При добросовестном отношении субъекта медицинской помощи и наличии у него соответствующих возможностей ятрогенный процесс, даже в случае его возникновения, может быть своевременно обнаружен, а его вредные последствия предотвращены, важнейшие структурные элементы, связи, отображения системы ятрогенного преступления устойчивы и повторяемы [1, с. 220].

Расследование ятрогенных преступлений и привлечение виновных лиц к ответственности имеет важное значение, поэтому необходимо раскрыть его криминалистический состав, образуемый соответствующей характеристикой преступления.

При проведении криминалистического анализа и расследования в дальнейшем обстоятельствах ятрогенного случая устанавливается соответствие (адекватность) врачебного процесса, выполненного в интересах конкретного пациента, существующим правилам оказания медицинской помощи и объективным условиям, в которых эта помощь оказывалась [2, с. 58].

Задачи криминалистического анализа могут быть сведены к следующим: выявить как объективные, так и субъективные причины, побудившие медиков к принятию и реализации тех

или иных решений по оказанию медицинской помощи; установить на основе данных судебно-медицинского экспертного исследования и проведенных процессуальных действий причинно-следственную связь; дать правовую оценку исследуемой профессиональной врачебной деятельности.

Дальнейшее развитие процесса криминалистического обеспечения расследования преступлений указанной категории, на наш взгляд, представлено одновременно действующими тенденциями дифференциации и интеграции научного знания. Выражением последнего является, например, разработка единой криминалистической характеристики профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками при осуществлении ими профессиональных (должностных) обязанностей, которая, выявив схожее проявление её элементов, послужит:

- во-первых, защите прав и законных интересов граждан, пострадавших от преступных действий медицинского персонала;

- во-вторых, защите от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения медицинских работников за профессиональные преступления, при осуществлении профессиональных (должностных) обязанностей [1, с. 222].

На первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений проводятся неотложные следственные действия, в результате которых полученная информация о противоправной деятельности лица анализируется и обобщается. Именно на данном этапе осуществляется обнаружение и закрепление доказательств, на основании которых в дальнейшем предъявляется обвинение.

Также на первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений осуществляется закрепление очевидных следов и иных фактических данных о преступлении, установление основных обстоятельств совершенного преступления, получение информации о причастности конкретного лица к совершению преступления.

Типичные следственные ситуации, которые возникают на первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений, связаны с наличием заявления гражданина о ятрогенном событии, которое совершено конкретным медицинским сотрудником, либо заключением судебно-медицинской экспертизы или врачей-клиницистов, информацией прокурора в отношении медиков, оказавших пациенту некомпе-

тентную медицинскую помощь (по заявлению лица).

Указанные следственные ситуации требуют тщательного разбирательства и проведения следственных действий – допроса потерпевшего, свидетелей, подозреваемого (обвиняемого), осмотра документов, назначения судебно-медицинской экспертизы качества медицинской помощи, эксгумации трупа и др.

Анализ производства отдельных следственных действий по делам о ятрогенных преступлениях позволил сделать выводы о том, что криминалистической особенностью данных преступных деяний является зависимость установления данных от привлечения к расследованию экспертов-врачей об обстоятельствах совершенного преступления.

Кроме того, большинство следов преступного деяния содержится в медицинских и иных документах, информационных базах лечебных и иных учреждений. Латентность данного вида преступлений также влияет на ход и разбирательство по делам данной категории.

Следует отметить, что вопросы, связанные с ятрогенными преступлениями, необходимо относить к специальным, ответы на которые можно получить только при условии участия специалистов в области судебной медицины и других

узких специалистов, т.е. с использованием специальных знаний в медицинской области. Их помощь также необходима в оценке заключений судебно-медицинских экспертиз.

Несомненно, указанные специальные знания окажутся востребованными работниками органов внутренних дел, прокурорами и судьями.

Тенденция дифференциации объективно проявляется в необходимости формирования более узких групп криминалистических рекомендаций, например, методик расследования врачебных ошибок при оказании отдельных видов медицинской помощи, при лечении определенной групп пациентов и т.д. Данные методики способствовали бы более эффективному и быстрому установлению истины по делу, выявлению виновных лиц.

Литература

1. Мазур Е.С., Ахмедшин Р.Л., Александрова Я.Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 451. С. 220-225.
2. Пристансков В.Д. Основы формирования криминалистической теории расследования ятрогенных преступлений // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2015. Сер. 14. Вып. 4. С. 57-70.

А.Г. Мамонтов

*Барнаульский юридический институт
МВД России*

К вопросу об особенностях тактики действий участкового уполномоченного полиции при поступлении сообщения о разбойном нападении

В условиях развития бесконтактных способов совершения преступлений, в т.ч. преступлений против собственности, стоит отметить ряд преступных деяний, совершаемых с применением насилия или угрозой его применения. Одним из таких преступлений является разбойное нападение. Разбой – это нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [4].

Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 7 меся-

цев 2020 г. свидетельствуют о сокращении количества зарегистрированных преступлений, характеризующихся высокой степенью общественной опасности. В частности, по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. число разбоев уменьшилось на 19,2%, количество уличных разбоев на 22,3% [3].

Несомненно, качество раскрытия и расследования разбойных нападений зависит от должностных лиц, вовлеченных в эти процессы. Речь идет не только о процессуальной регламентации действий следователя, оперуполномоченного, участкового уполномоченного полиции, но и о тактических действиях в рамках функциональных обязанностей каждого из них. Тактику действий участкового уполномоченного полиции (далее – УУП) при поступлении сообщения о разбойном нападении, на наш взгляд, необходимо определять с учетом выполняемых им функций по предупреждению и раскрытию преступлений. Анализируя ведомственные нормативно-правовые акты, можно

отметить отсутствие единого подхода законодателя к определению перечня действий УУП при поступлении сообщения о разбойном нападении. Конечно, можно определить круг действий и тактику их проведения исходя из основных должностных обязанностей участкового, но и в этом случае, на наш взгляд, мы можем получить двойное представление о функциональном назначении деятельности УУП. Так, например, УУП:

- оказывает содействие сотрудникам полиции и органов предварительного следствия в преследовании и задержании лиц, подозреваемых в совершении преступления, проверке на территории административного участка мест возможного нахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших [2];

- принимает меры, направленные на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений в соответствии с распределением обязанностей, установленных нормативными правовыми актами МВД России, регламентирующими вопросы деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, осуществляет производство по делам об административных правонарушениях [1].

Исходя из вышеизложенного, в рамках настоящей статьи стоит обратить особое внимание на обязанность УУП оказывать содействие сотрудникам полиции и органам предварительного следствия в преследовании и задержании лиц, подозреваемых в совершении преступления. Анализируя эту функцию, можно сформулировать основные действия УУП, направленные на раскрытие разбойного нападения. В большинстве случаев разбойные нападения совершаются в вечернее время на улицах, в парках, скверах, по пути потерпевшего домой или на работу. И зачастую УУП может являться единственным должностным лицом органа дознания, способным в первую очередь прибыть на место происшествия и организовать проведение первоначальных действий до приезда следственно-оперативной группы: охрану места происшествия, сохранение следов преступления, оказание медицинской помощи пострадавшему, первоначальный опрос пострадавшего лица и очевидцев, выяснение обстоятельств происшествия, приметы преступников и похищенного имущества с последующей передачей данной информации в дежурную часть отдела

полиции, задержание подозреваемого, обнаружение похищенного имущества и его изъятия. В криминалистической литературе широко представлены действия УУП на первоначальном этапе раскрытия преступления, в т.ч. и при раскрытии разбойных нападений, но, на наш взгляд, эти мероприятия носят общий характер и не всегда конкретизированы с учетом совершенного преступления. В практической деятельности действия УУП на первоначальном этапе раскрытия разбойного нападения сводятся к минимальному набору действий: охрана места происшествия до приезда следственно-оперативной группы, опрос очевидцев, обработка мест сбыта похищенного имущества. На наш взгляд, действия УУП должны быть направлены не только на выполнение вспомогательной функции, но и идти параллельно с действиями должностных лиц, вовлеченных в раскрытие разбойного нападения. Так, например, при осмотре места происшествия УУП должен совместно со следователем анализировать обстановку произошедшего, способ совершенного преступления, оставленные следы, принять меры к моделированию преступной ситуации, определить, в каком направлении мог скрыться преступник. Принимая участие в опросе потерпевшего, необходимо обратить особое внимание на приметы похищенного имущества и преступника (описание внешности, одежды, отличительных признаков и особых примет). Выяснение данных обстоятельств будет способствовать выдвиганию ситуационных версий, что позволит уже в первые часы, с учетом знания УУП обслуживаемой территории и лиц, проживающих на ней, определить круг подозреваемых, места возможного сбыта похищенного имущества, совместно с оперуполномоченным изучить списки лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, и поднадзорных лиц на предмет возможной причастности к совершенному преступлению.

Проведение данных мероприятий будет способствовать раскрытию преступления по горячим следам и поможет определить основные версии и направления расследования.

В заключение необходимо отметить, что определение перечня и тактики действий УУП на первоначальном этапе раскрытия разбойных нападений во многом обусловлено его основными функциональными обязанностями и набором инструментов, исходя из его роли как субъекта дознания, а также наличием достаточных знаний об обслуживаемом участке.

Литература

1. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции» [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вме-

сте с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (ред. от 28.11.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvd.rf.ru> (дата обращения: 22.09.2020).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Н.В. Маслов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;

А.С. Суворов

Московский государственный университет пищевых производств

Некоторые медико-криминалистические особенности диагностики повреждения одежды человека, причинённые выстрелами из охотничьего оружия 12-го калибра патронами с пыжом-контейнером и без него, в уголовном судопроизводстве

В современной судебной-медицинской экспертной и криминалистической практике нет достаточных данных, позволяющих комплексно и объективно диагностировать повреждения одежды, причиненные выстрелами из охотничьего оружия 12-го калибра патронами с пыжом-контейнером и без него [11, с. 402; 12, с. 202]. Каких-либо достаточных сведений об общих и частных признаках повреждений одежды, причиненных выстрелами с различных расстояний (дистанций) из охотничьего оружия 12-го калибра различными видами боеприпасов, снаряженных пыжом и пыжом-контейнером с многоэлементным снарядом (дробью) с различными дульными насадками (цилиндр, чок), в настоящее время нет [7, с. 108; 8, с. 149].

При проведении диагностических и идентификационных исследований основными вопросами являются установление факта огне-

стрельного характера повреждения и дистанции производства выстрела, а также установление возможности выстрела в конкретных условиях. Кроме того, исследования в области огнестрельных повреждений, причинённых снарядами, выстрелянными из охотничьего оружия 12-го калибра, на сегодня не в полной мере способствуют выполнению точных судебно-медицинских экспертиз повреждений одежды, что создаёт предпосылки для неверной экспертной оценки [6, с. 297; 13, с. 103]. Для создания необходимой информационной базы нами проведена серия экспериментов [5, с. 144; 10, с. 396]. В качестве экспериментального ствола использован образец охотничьего ружья модели CZ Mallard. В ходе экспериментального исследования (проведен контрольный отстрел 156 боеприпасов) было установлено, что применение для стрельбы охотничьих боеприпасов 12-го калибра заводского изготовления и снаряженных полимерным пыжом и пыжом-контейнером существенно влияет на общие и частные признаки возникающих повреждений на ткани, что может служить предпосылкой для их объективного дифференцирования от повреждений из других видов огнестрельного охотничьего оружия [1, с. 378; 3, с. 228]. Для проведения экспериментального отстрела использован «эталонный» боеприпас охотничьих дробовых патронов 12-го калибра серии «Практик» производства ООО НПФ «Азот» (Россия) [2, с. 287; 7, с. 107].

Проведенным исследованием и апробацией его результатов в рамках методики установлено:

– конструктивные и баллистические особенности охотничьих боеприпасов заводского производства 12-го калибра, снаряженные пыжом и пыжом-контейнером с различными дульными насадками, влияют на общие и частные признаки формируемых ими повреждений одежды при выстрелах из ружья;

– выявлены групповые признаки повреждений бязевой ткани, причиненных многоэлементными снарядами, которые позволяют объективно и дифференциально проводить диагностику входных огнестрельных повреждений, образованных от действия патронов, снаряженных пыжом и пыжом-контейнером между собой;

– в результате контрольного отстрела мишеней получен результат, который может быть использован для комплексного решения вопросов о расстоянии и направлении выстрела из данного охотничьего оружия;

– проведенное исследование показало, что качественный и количественный состав различных продуктов выстрела (пороховые газы, не полностью сгоревшие частицы пороха, частицы полимерного пыжа и пыжа-контейнера, частицы металла дроби, ружейного масла), а также характеристики повреждений тканых мишеней и выявленные при этом их общие и частные признаки впервые позволили установить границы дистанции «близкого» выстрела для охотничьего ружья 12-го калибра, CZ Mallard, а также охотничьих дробовых патронов 12-го калибра серии «Практик» производства ООО НПФ «Азот» (Россия).

Литература

1. Макаров И.Ю., Суворов А.С. Избранные вопросы методологии экспертного решения судебно-медицинских баллистических задач // Организация судебно-медицинской службы России на современном этапе: пути, решения, результаты: труды Всерос. научно-практ. конф-ции (Воронеж, 20-22 апреля 2016 г.) / под общей ред. А.В. Ковалева. Воронеж: ООО «Издательство Черноморье», 2016. С. 375-383.

2. Маслов Н.В., Абдурегимова Т.И. Осмотр места происшествия как один из способов выявления лиц, ранее привлекавшихся в уголовной ответственности, в том числе и лиц, ранее судимых в уголовной юрисдикции // Оптимизация предварительного следствия: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции (Москва, 19 мая 2016 г.). М., 2016. С. 286-289.

3. Маслов Н.В. Некоторые вопросы криминалистического обеспечения расследования

преступлений экономической направленности // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании: IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): мат-лы конф-ции: в 4 ч. М., 2017. С. 227-230.

4. Маслов Н.В. Некоторые вопросы юридической природы и содержания гражданской дееспособности // Modern Science. 2019. № 7-1. С. 108-111.

5. Маслов Н.В. Некоторые организационные вопросы криминалистического обеспечения противодействия терроризму и экстремизму // Противодействие терроризму и экстремизму: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции (Москва, 7 июня 2017 г.). М., 2017. С. 143-146.

6. Маслов Н.В. Новые горизонты криминалистики: современная концепция криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершённых лицами с психическими отклонениями // Modern Science. 2020. № 6-3. С. 295-299.

7. Маслов Н.В. Применение специальных знаний в процессуальной деятельности субъектов юрисдикции // Российский и международный опыт производства судебных экспертиз: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции (Москва, 12 апреля 2017 г.). М., 2017. С. 105-112.

8. Маслов Н.В. Психические расстройства, возникающие у больных алкоголизмом, и состояния, требующие дифференциальной диагностики алкогольного опьянения, имеющие значение в юридической практике // Modern Science. 2019. № 10-1. С. 148-151.

9. Маслов Н.В. Цифровая криминалистика в сфере обеспечения безопасности бизнеса от киберугроз // Ломоносов-2018: мат-лы междунар. молодёжного научного форума (Москва, 9-13 апреля 2018 г.). Электронное издание комплексного распространения. М.: ООО «Макс Пресс», 2018.

10. Страгис В.Б., Лоренц А.С., Суворов А.С. Практические аспекты установления возможности причинения повреждений выстрелом из охотничьего ружья снарядом в пластиковом контейнере // Организация судебно-медицинской службы России на современном этапе: пути, решения, результаты: труды Всерос. научно-практ. конф-ции (Воронеж, 20-22 апреля 2016 г.) / под общей ред. А.В. Ковалева. Воронеж: ООО «Издательство Черноморье», 2016. С. 391-398.

11. Суворов А.С., Лоренц А.С. Особенности частиц продуктов выстрела из охотничьего ружья патроном с многоэлементным снарядом в пластиковом контейнере // Организация судебно-медицинской службы России на современном этапе: пути, решения, результаты: труды Всерос. научно-практ. конф-ции (Воронеж, 20-22 апреля 2016 г.) / под общей ред. А.В. Ковалева. Воронеж: ООО «Издательство Черноморье», 2016. С. 399-405.

12. Суворов А.С., Лоренц А.С. Характеристика следов близкого выстрела из охотничьего

ружья многоэлементным снарядом в пластиковом контейнере // История Российского центра судебно-медицинской экспертизы в лицах и фактах. К 85-летию со дня образования: труды Всерос. научно-практ. конф-ции с междунар. участием (Москва, 24-25 ноября 2016 г.). М., 2017. С. 198-204.

13. Maslov N.V. The psychological aspects of typological characteristics of a personality, accentuation and psychopathy which are important in the practice of law enforcement // Modern Science. 2019. № 1. С. 102-104.

*А.А. Матчанов, доктор юрид. наук, профессор
Академия МВД Республики Узбекистан*

Место криминалистической характеристики в технологии расследования коррупционных преступлений

Международное и национальное нормативно-правовое регулирование, выразившееся в ратификации Конвенции против коррупции и принятии Закона Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» послужило необходимым правовым основанием борьбы с коррупцией. Этими правовыми актами законодательно закрепляется государственная стратегия в противодействии коррупционным правонарушениям и, в частности, общественно опасным деяниям в форме преступлений.

Раскрытие и расследование любого преступления можно представить как своеобразную технологию, в которую можно условно включить различные составляющие элементы: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, оперативно-разыскной и криминалистический. Если первые два предусматривают теоретические аспекты технологии, связанные с уголовно-правовой квалификацией и уголовно-процессуальным порядком, то две остальные – практические аспекты технологии раскрытия и расследования преступлений.

Составной частью прикладного (практического) элемента, занимающей важное место, является криминалистическая характеристика преступлений. Относительно ее места в алгоритме раскрытия и расследования преступлений И.И. Рубцов высказал мнение, что крими-

налистическая характеристика преступлений является важнейшим средством их полного, объективного и быстрого раскрытия [8, с. 7].

В свою очередь В.П. Бахин определил, что функциональное назначение криминалистической характеристики преступлений состоит в том, что она служит научной базой для разработки частных методик расследования преступлений [4, с. 18].

Одними из наиболее общественно опасных деяний, быстрое раскрытие и качественное расследование которых актуально, в современных условиях являются коррупционные преступления. Ученые исследовали проблемы противодействия коррупции в различных аспектах. Так, А.Б. Артемьев в монографическом исследовании рассмотрел нормативно-правовые документы, регулирующие антикоррупционную деятельность [2, с. 241]. Р.Ш. Шегабудинов исследовал криминологические и специфические особенности организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией [9, с. 199]. Н.Н. Лашко исследовал криминалистическую характеристику и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции [6, с. 26].

Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений отражает наиболее существенные, отличительные черты коррупции. Она является источником систематизированной и обобщенной информации о преступном деянии, характеризующей особенности коррупционного деяния.

Следует отметить, что криминалистическая характеристика коррупции как общественно опасного деяния представляет собой совокупность типичных признаков подготовительного

этапа и самого факта совершения коррупционных преступлений, анализ и исследование которых помогают организовать их раскрытие и эффективное расследование [1, с. 239].

Сложность криминалистической характеристики коррупционных преступлений выражается в том, что это не один, конкретный вид преступления, а их совокупность, включающая в себя разнообразные деяния, в основе которых лежит коррупционная сущность. Трудность выражается в том, что эти преступления имеют скрытый (латентный) характер, и это объясняется тем, что преступники, находясь на государственной службе, обладают большими властными полномочиями и могут оказывать существенное противодействие. Латентность преступлений обусловлена внутриведомственной круговой порукой и скрытым противодействием руководителей государственных органов, которые не желают огласки, поскольку начальствующий состав несет ответственность за коррупционное поведение подчиненных [7, с. 4].

С точки зрения криминалистической характеристики эти преступления включают в себя классическую структуру, состоящую из времени, места, способа совершения, обстоятельств, характеризующих личность преступника, возможности сокрытия следов и воздействия на ход расследования коррупционных преступлений.

Особое значение имеет установление способа совершения коррупционного деяния, под которым понимается тактические приемы, средства и система осуществляемых виновным подготовительных, фактических действий, направленных на совершение, а затем и сокрытие общественно опасных действий (бездействия), направленных на достижение преступного коррупционного результата.

В качестве примера возможности воспрепятствования расследованию коррупционных преступлений можно привести правоохранительные органы, которые в силу профессиональной деятельности имеют возможность противодействия и маскировки своих преступных коррупционных деяний [3, с. 22].

Вышеуказанные обстоятельства не являются единственными. Имеются ряд особенностей, которые также могут оказывать влияние на раскрытие и расследование этих преступлений. Алгоритм расследования дел данной категории предъявляет повышенные требования к умению и навыкам использования основ криминалисти-

ческой характеристики, месту и знанию их особенностей в профессиональной деятельности лиц, расследующих коррупционные преступления.

Наряду с этим необходимо учитывать своевременность и качество знания закономерностей криминалистической характеристики в проведении следственных, процессуальных, оперативно-разыскных и иных организационных действий, особенности типичных следственных ситуаций, что в конечном счете направлено на разработку оптимальной методики расследования коррупционных преступлений [5, с. 23].

Из этого следует, что криминалистическая характеристика необходима для эффективного применения частной криминалистической методики расследования коррупционных преступлений. При определении структуры оптимальной методики расследования коррупционных преступлений знание криминалистической характеристики позволяет лучше уяснить их сущность, что особенно важно на стадии возбуждения уголовного дела, когда проводится доследственная проверка в условиях ограниченного времени и минимальной информации. Данное знание представляет собой наиболее вероятный алгоритм необходимых первоначальных и последующих действий, позволяющих оперативно раскрыть и расследовать коррупционные преступления.

Таким образом, место криминалистической характеристики коррупционных преступлений можно определить как необходимый элемент алгоритма, направленный на создание необходимых условий, раскрывающих особенности обстановки, способа совершения для оптимизации технологического процесса расследования этих преступлений.

Литература

1. Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: монография. Новосибирск, 2014. 239 с.
2. Артемьев А.Б. Антропология коррупции. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2011. 271 с.
3. Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 22 с.
4. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследо-

вания // Вестник криминалистики. Вып. 1. М.: Спарк, 2000.

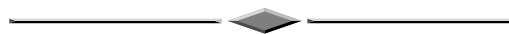
5. Долгов М.А. Противодействие коррупции: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 23 с.

6. Лашко Н.Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 26 с.

7. Осипов А.Б. Коррупционная деятельность в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

8. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 22 с.

9. Шегабудинов Р.Ш. Предупреждение организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией. Вопросы теории и практики. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2011. 199 с.

О.С. Мигунов

*Барнаульский юридический институт
МВД России*

Некоторые аспекты безопасности при проведении осмотра места происшествия

Если рассматривать следственные действия как источник сбора информации, способствующей раскрытию и расследованию преступлений, то на первое место можно поставить осмотр места происшествия. К примеру, А.Г. Филиппов определяет осмотр места происшествия как следственное действие, «заключающееся в непосредственном выявлении, изучении и фиксации следователем различных материальных объектов и следов на них, которые могут иметь отношение к делу, их признаков, состояния, свойств и взаиморасположения» [3, с. 241].

Успешная деятельность органов следствия и дознания при раскрытии и расследовании преступлений во многом зависит от качества проведенного осмотра места происшествия в связи с тем, что полученная в ходе данного следственного действия информация может иметь большое доказательное значение.

Места проведения вышеуказанного следственного действия достаточно разнообразны и зависят от обстоятельств совершенного преступления. Ими могут выступать: жилые и нежилые помещения; подвалы и чердаки, пространство которых сильно ограничено, а элементы строения обветшали; места пожаров; ме-

ста разрушений после взрыва, в т.ч. с нарушением целостности строительных конструкций; места техногенных и транспортных аварий, катастроф.

Одним из факторов, влияющим на качество проведения осмотра места происшествия, является правильная организация взаимодействия между задействованными службами органов внутренних дел. Основной формой организации и взаимодействия является создание следственно-оперативной группы (СОГ).

В состав дежурной СОГ, как правило, входят представители следственных, оперативно-разыскных и криминалистических подразделений. При этом организация взаимодействия, а также ответственность за результаты проводимого следственного действия возложены на следователя.

Зачастую работа по проведению осмотра места происшествия сопряжена с различного рода опасностями, вызванными последствиями самого события преступления, спецификой осматриваемого места происшествия и т.п., в связи с чем, на наш взгляд, необходимо уделять значительное внимание соблюдению безопасности членов СОГ и иных лиц, участвующих в проводимом следственном действии.

В ходе интервьюирования 30 сотрудников ОВД (следователи, стаж работы от 1 до 3 лет, проходящие службу в Новосибирской, Кемеровской областях, Алтайском крае и Республике Алтай) получены следующие результаты:

- 93,33% опрошенных принимали участие в осмотрах мест происшествий, сопряженных с разнообразными опасными факторами (дорож-

но-транспортное происшествие в сложных погодных условиях, обрушение строительных конструкций в ходе пожара или взрыва, обнаружение взрывчатых веществ, взрывных устройств);

- 16,67% принимали участие в осмотрах крупных пожаров (большая площадь термических повреждений строительных конструкций, опасность обрушения перекрытий, задымленность и т.п.);

- 86,67% опрошенных не проводили инструктажи с сотрудниками СОГ о соблюдении требований безопасности на месте происшествия, не использовали средства индивидуальной защиты, спецодежду, не привлекали специалистов для анализа наличия опасных факторов окружающей среды в зоне работы СОГ.

Все опрашиваемые отмечали отсутствие методической литературы, освещающей вопросы обеспечения безопасности при проведении осмотра места происшествия, включающей, к примеру, алгоритм действий следователя по обеспечению безопасности участников СОГ.

В специальной литературе общие вопросы безопасности сотрудников, входящих в состав СОГ, в частности специалистов, рассматривались учеными-криминалистами [2, с. 144]. Однако следует отметить, что вопросы безопасности членов СОГ не получили должного освещения в учебной и учебно-методической литературе, в которой основное внимание при проведении осмотра места происшествия уделяется тактике либо технико-криминалистическим средствам и методам обнаружения следов преступления.

Криминалистическая тактика рассматривает подготовку к проведению осмотра места происшествия как самостоятельную, обязательную стадию. Так, в обязанности следователя после получения сообщения о происшествии входит: выяснить, какие меры приняты к охране места происшествия; как решены вопросы приглашения необходимых специалистов, подготовки и проверки технических средств, необходимых для проведения качественного осмотра места происшествия.

Также, на наш взгляд, следователю необходимо в рамках подготовки к проведению осмотра места происшествия уделять особое внимание вопросам безопасности личного состава следственно-оперативной группы, а именно выбору средств защиты, технических средств, предназначенных для выявления опасных факторов и анализа условий окружающей среды, обязательному проведению инструктажа с сотрудниками СОГ и иными участвующими лицами по соблюдению правил безопасности в рамках имеющейся информации о событии преступления. Проведение повторного инструктажа по прибытии на место происшествия также обязательно ввиду особенностей сложившейся обстановки и поступающей оперативной информации.

В целом действия сотрудников, входящих в СОГ, при осмотре места происшествия должны соответствовать общепринятым требованиям безопасности, однако требуют особого внимания от руководителя СОГ при проведении осмотра места происшествия. При этом, учитывая отсутствие методической литературы на данную тематику, вопросы безопасности специалиста и сотрудников, входящих в СОГ, требуют детальной проработки.

Литература

1. Горшкова В.С. К вопросу об осмотре места происшествия по факту несчастного случая на производстве // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. № 16. С. 16-18.
2. Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях: учебно-практ. пособие. М.: Право и Закон, Экзамен, 2004.
3. Криминалистика: учебник / под ред. проф. А.Г. Филиппова и проф. А.Ф. Волынского. М., 1998.
4. Овсянников В.В., Шепель Н.В. Использование возможностей отдельных видов судебных экспертиз в раскрытии и расследовании преступлений, сопряженных с пожаром // Закон и право. 2018. № 9. С. 152-154.

*Д.А. Михалева, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт
МВД России*

К вопросу об обстановке совершения преступления по фактам хулиганства

Хулиганство представляет собой одно из опасных и достаточно распространенных посягательств на общественную безопасность, которые нарушают нормальную деятельность учреждений, предприятий и организаций, подвергают опасности жизнь, здоровье, а также спокойствие граждан. Изучение следственной и судебной практики показывает, что возможности криминалистических знаний (в частности, элементов криминалистической характеристики преступлений) для активизации борьбы с хулиганством используются правоохранительными органами не в полной мере.

Ряд работ авторов, исследовавших проблемы расследования фактов хулиганства, свидетельствуют о том, что подавляющее большинство совершается в общественных местах. Так, Е.В. Рябов в своем исследовании приводит данные о том, что в общественных местах совершаются практически 99% всех хулиганств [4, с. 18].

Например, Н. А.И., находясь в центре города, на проспекте, где движение людей и автомобилей не прекращается и в ночное время, используя малозначительный повод для выяснения отношений с М. М.О., выражая явное неуважение к обществу, взял из салона своего автомобиля предмет, похожий на битую, совершил хулиганские действия в отношении М. М.О., повредил при этом автомобиль и причинил вред здоровью последнему [3].

Акт хулиганства состоит в грубом нарушении общественного порядка, при этом грубое нарушение должно выражаться в явном неуважении к обществу, что определяет характер места совершения хулиганских действий – это место общественное. Но в то же время следует заметить, что общественный порядок хулиган может грубо нарушить и в месте, которое не является общественным. К таким местам можно отнести общежития, коммунальные и отдельные квартиры и пр.

Так, согласно материалам уголовного дела, 16 сентября 2010 г. около 21 часа Ч. и П. прибыли к общежитию ООО «Версо-М», расположенному в пер. Аэропортовском г. Нарьян-Мара Ненецкого автономного окру-

га. Они, осознавая, что находятся в общественном месте, в вечернее время, желая противопоставить себя обществу, грубо нарушая общественный порядок, высказывали нецензурные выражения националистического характера в адрес лиц неславянской внешности, проживающих в указанном общежитии. Используя в качестве оружия предметы, найденные ими на территории, стали бросать их в сторону здания, нарушая тем самым спокойствие граждан [1].

Момент определения времени совершения хулиганства играет немаловажную роль в процессе расследования рассматриваемых преступлений.

Анализируя данные, можно прийти к выводу, что наиболее часто хулиганские деяния происходят в одно и то же время (вечернее и ночное). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что с большей степенью вероятности устанавливаются связи с другими обстоятельствами совершения хулиганства. Так, например, при совершении хулиганства ночью в зоне отдыха, на аллее или в городском парке, вероятнее всего, будет немного свидетелей и очевидцев непосредственного его совершения, т.к. мало кто по ночам гуляет или отдыхает в указанных местах.

Следует отметить, что время совершения хулиганства может определять и период режима работы магазинов, кафе (баров, ресторанов), кинотеатров, общественного транспорта и пр. Также отметим, что зависимость времени совершения хулиганских деяний от режима и периода работы указанных мест преступления может подтверждаться и таким обстоятельством, как употребление алкоголя хулиганскими.

Так, 13 августа 2011 г. около 02:30 З., находясь в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте (у магазина, торгующего круглосуточно), беспричинно, из хулиганских побуждений начал высказываться в адрес ранее незнакомого мужчины нецензурной бранью, после чего достал из принадлежащей ему автомашины ружье и с целью психологического воздействия на потерпевшего произвел выстрелы в сторону магазина и в асфальт [2].

Таким образом, наиболее часто хулиганские действия совершаются в общественных местах (улица, двор дома, подъезд дома, остановка общественного транспорта, ночные клубы), как правило, при слабом освещении, в

основном в вечернее и ночное время, там, где немногочисленно.

Полагаем, между основными элементами обстановки совершения хулиганства, к которым относится место, время, иные обстоятельства преступления, наблюдаются определенные взаимосвязи и зависимости, знание которых может влиять на эффективность выдвинутых криминалистических версий, а в итоге – на качество раскрытия и расследования преступления.

Литература

1. Архив Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа. Д. № 1/2011 от 9 февраля 2011 г.
2. Архив Бутырского районного суда г. Москвы. Д. № 1-26/12 от 2012 г.
3. Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 18 июля 2017 г.
4. Рябов Е.В. Методика расследования хулиганства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 31 с.

В.В. Овсянников

*Барнаульский юридический институт
МВД России*

К вопросу об участии специалиста в производстве допроса

Анализ статистических данных о состоянии преступности в Российской Федерации свидетельствует о том, что в 2019 г. на территории России было зарегистрировано 2 024 337 преступлений (количество тяжких преступлений увеличилось на 15,9%), рост отмечен в 53 регионах страны. За истекший период 2020 г. общее число зарегистрированных преступлений увеличилось на 0,9%. В связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, в 2019 г. не раскрыто 895 020 преступлений [2].

Таким образом, сложившаяся по уголовным делам ситуация, когда лицо, подлежащее привлечению, не установлено, является следствием недостаточности собранных по делу доказательств. Эти доказательства содержатся в информационно-следовой картине произошедшего события.

Одной из причин сложившегося положения является низкая эффективность производства следственных действий. Так, процесс расследования преступлений предусматривает необходимость производства значительного числа регламентированных процессуальным законом следственных и иных процессуальных действий, а тактика их производства зависит от сложившейся следственной ситуации.

Самым распространённым следственным действием является допрос. В юридической практике сложно найти уголовное дело, в котором отсутствует протокол допроса того или иного участника процесса.

Допрос на предварительном следствии – это следственное действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном порядке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых об известных им фактах, имеющих значение для расследуемого дела, а также показания экспертов после дачи ими заключения в целях разъяснения или уточнения этих заключений [1, с. 178].

Проведенный анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что следователи достаточно часто (в случаях отсутствия конфликтной ситуации) не готовятся к допросу, а полагаются на имеющийся опыт, в т.ч. встречаются случаи, когда допрос проводится весьма поверхностно. Это обстоятельство, в свою очередь, приводит к серьезным упущениям, требующим повторных допросов, осложняющих и замедляющих дальнейшее расследование преступления.

Взаимодействие следователя и специалиста при производстве допроса регламентировано ч. 1 ст. 168 УПК РФ.

Криминалистические и процессуальные вопросы участия специалиста в производстве следственных действий в разные годы рассматривали многие ученые, в т.ч. Н.А. Селиванов, А.И. Винберг, Ю.К. Орлов, В.А. Снетков, А.М. Зинин, Ю.Г. Корухов, С.К. Питерцев и др.

Как правило, специалист привлекается к участию в допросе подозреваемого (обвиняемого) в случае, когда следователю известно, что допрашиваемый сведущ в узких областях науки, техники, ремесла, имеет богатый практический опыт, а следователь недостаточно компетентен в этих отраслях знаний.

В настоящее время в связи с постоянно изменяющимся законодательством, стремительным развитием науки и техники, повсеместным внедрением компьютерных технологий все более актуальным становится привлечение специалиста к производству допроса при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, экономических преступлений, нарушений требований пожарной безопасности. Участие специалиста в допросе по указанным категориям преступлений позволяет оптимизировать процесс получения информации и при использовании имеющихся знаний обеспечить полноту ее фиксации.

Результаты, полученные в ходе интервьюирования 45 сотрудников (стаж работы по экспертной специальности от 1 до 17 лет) экспертно-криминалистических подразделений (сотрудники отделов криминалистических, компьютерных и радиотехнических, экономических, отдела экспертиз материалов, веществ и изделий из них, автотехнических, фотоскопических экспертиз), позволили получить следующие результаты:

- 51,11% (23) интервьюируемых принимали участие в консультациях следователей/дознавателей при подготовке к допросу по-

дозреваемых/обвиняемых (формулировка, разъяснение вопросов, требующих использования специальных знаний);

- 11,11% (5) принимали участие в качестве специалиста непосредственно при производстве допроса (3 сотрудника отдела экономических экспертиз, 1 сотрудник отделения взрыво- и пожарно-технических экспертиз, 1 сотрудник отдела компьютерных и радиотехнических экспертиз);

Проведенное интервьюирование указанных выше сотрудников также свидетельствует о том, что в двух случаях из пяти инициатором участия специалиста в допросе выступал не следователь, а эксперт, чаще всего ввиду неполноты предоставленных в его распоряжение объектов исследования.

Таким образом, активная позиция следователя по привлечению к участию в производстве допроса специалиста позволит обеспечить полноту получаемой информации, исключить возможные упущения, требующие повторных допросов, что, в свою очередь, позволит повысить эффективность и результативность данного следственного действия.

Литература

1. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Высшее образование, 2007.
2. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21244698/> (дата обращения: 21.09.2020).

М.И. Пилякин, канд. юрид. наук, доцент
Московский областной филиал Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**Способы совершения торговли людьми
и использования рабского труда
как элементы криминалистической
характеристики одноименной методики**

Торговля людьми и использование рабского труда – преступные деяния, за совершение которых в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность по ст. 127.1 и 127.2 УК РФ [5].

Следует сказать, что понятия «торговля людьми» и «использование рабского труда» носят собирательный характер, т.к. эти деяния включают в себя ряд взаимосвязанных и совершаемых с единым умыслом действий [1, 2].

Важнейшим элементом методики расследования торговли людьми или использования рабского труда является криминалистическая характеристика. Следует отметить, что криминалистическая характеристика рассматриваемых преступлений имеет свою специфику. Ряд ее элементов носят явно уникальный характер, т.к. не встречаются при рассмотрении содержания иных криминалистических методик. Рассмотрим их подробнее.

Структурным элементом криминалистической характеристики торговли людьми и использования рабского труда является способ совершения, а также способы приготовления и сокрытия рассматриваемых нами преступлений.

Первым способом торговли людьми является купля-продажа. Под куплей человека понимается его приобретение за определенную плату, а под продажей соответственно передача в распоряжение других лиц за получение определенной платы.

Под иными сделками в отношении человека понимаются другие действия, не являющиеся куплей-продажей, но относящиеся к ряду подобных действий. К таким можно отнести: обмен, дарение, передача в зачет выполнения каких-либо обязательств или их установления, изменения, прекращения и т.п.

Интересен факт, что купля-продажа человека может быть и единичным преступным деянием в отношении человека, а может быть и последним звеном в целой цепи преступных деяний, где купля-продажа человека выступает уже логическим завершением целого ряда пре-

ступных действий, которые были объединены единым преступным умыслом работоторговцев для незаконной и противоправной эксплуатации. К таким действиям относят вербовку, перевозку, передачу и укрывательство.

Применительно к такому подходу купли-продажи под незаконной эксплуатацией человека мы будем понимать торговлю людьми в целях их дальнейшей сексуальной эксплуатации (в т.ч. занятие проституцией), рабский труд (услуги, связанные с производственной эксплуатацией, а также попрошайничеством), а равно изъятие его органов или тканей человека, в т.ч. при использовании подневольного состояния.

В свою очередь, подневольное состояние – это состояние или положение лица, сформировавшееся в следующих жизненных ситуациях или событиях:

а) долговая кабала, т.е. положение или состояние человека, возникшее вследствие заклада должником в обеспечение долга своего личного труда, а равно труда зависимого от него лица, если определяемая ценность выполняемой работы не засчитывается в погашение долга или если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен;

б) крепостное состояние, т.е. такое пользование землей, при котором пользователь вынужден и обязан жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, выполнять определенную работу для него либо за вознаграждение, либо без такового, и не может изменить свое состояние (например, эксплуатация трудовых мигрантов в аграрном или животноводческом секторе, когда у мигранта отбираются документы, удостоверяющие их личность, под предлогом оформления трудовых виз, документов о временном пребывании и т.д.);

в) традиция или обычай, в силу которого, например, девушку (женщину) ее родители (опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц) обещают выдать или выдают замуж без ее согласия или права отказа с ее стороны за определенное вознаграждение деньгами.

Еще одним из вариантов незаконной эксплуатации человека является производственная. Она чаще всего выражается в систематическом использовании чужого труда для производства материальных либо иных благ или оказания услуг, не связанных с удовлетворением сексуальных потребностей их потребителей. Кроме того, можно выделить такие сферы незаконной эксплуатации, как попрошайничество (например, осуществляемое

детьми или лицами с явными признаками инвалидности на рынках, привокзальных площадях и т.д.), а также использование людей в целях изъятия у них органов и тканей для целей трансплантации или проведения научных и иных опытов.

Еще раз подчеркнем, что торговля людьми – понятие собирательное, и включает в себя несколько преступных деяний, совершение которых влечет за собой привлечение к уголовной ответственности:

1) вербовка человека. Её можно определить как деятельность, направленную на заключение соглашения по привлечению людей к эксплуатации. Чаще всего она выражена в поиске кандидатов, агитации, записи желающих, направлении их к месту эксплуатации и т.д.;

2) перевозка, означающая перемещение человека любым видом транспорта из одного места в любое другое;

3) передача предполагает действия посредника при совершении указанных в законе действий по торговле людьми, а равно последующая передача другим лицам потерпевшего после его купли-продажи самим покупателем, например, для временного размещения и проживания, использования и т.д.;

4) получение человека означает действия, противоположные передаче, на условиях которой он приобретает;

5) укрывательство предполагает сокрытие потерпевшего при совершении указанных в законе действий от органов власти, родственников, заинтересованных лиц. Укрывательство может происходить в любом месте [4].

Способы использования рабского труда также довольно разнообразны. Так, людей в качестве рабов чаще всего используют:

1) при строительных работах как в частном порядке, так и на стройплощадках юридических лиц;

2) в сфере развлечения и услуг (массажные салоны, интим-клубы и т.д.);

3) в качестве чернорабочих на производственных мощностях, предприятиях легкой, а иногда и тяжелой промышленности;

4) на предприятиях промышленной заготовки леса, добычи полезных ископаемых, в т.ч. и на вредном производстве, аграрных плантациях и фермах, в сельском хозяйстве, водном и морском промысловом хозяйстве и т.д.

Нередко преступниками проводится целый комплекс мероприятий по выявлению, отысканию, а иногда даже и похищению будущих

жертв работорговли. Для решения данных задач проводятся следующие действия и мероприятия:

1. Поиск потенциальных жертв через друзей и знакомых.

2. Знакомства с потенциальными жертвами на улицах, в клубах, барах и других заведениях.

3. Размещения рекламных объявлений и постов в печатных, электронных и иных средствах массовой информации – журналах, газетах, телевидении, социальных сетях и группах глобальной сети Интернет.

4. Поиск потенциальных жертв в среде безработных на биржах труда, в местах скопления трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья.

5. Поиск жертв в определенных социальных группах, группах, занимающихся определенной сферой деятельности, информационных системах специализированных учреждений.

6. Похищение человека, т.е. его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Захват, перемещение и удержание человека могут быть совершены с применением угроз, насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшего [4].

7. Кроме того, к подготовительным мероприятиям можно отнести и классические способы:

- подбор соучастников преступления;

- маскировка преступной деятельности работорговцев под видом фирм, набирающих персонал для работы или учебы за рубежом, турфирмы, фирмы – организаторы экстрим-отдыха и туров, офисы различных религиозных учений и концессий и т.д.;

- налаживание контактов и коррупционных схем с представителями местной администрации и правоохранительных органов по маршруту передвижения (транзита) рабов и трудовых мигрантов;

- легализация преступной деятельности под видом законного бизнеса (инсценировка легального бизнеса).

Итак, способ совершения таких опасных, скрытых и латентных преступлений, как торговля людьми или использование рабского труда, несомненно, является ключевым для криминалистической характеристики. Знание его сущности и уяснение используемого для совершения указанных преступлений способа

позволит не только оптимизировать процесс расследования, но и обеспечит выработку, построение и выдвижение наиболее вероятных криминалистических версий, отрабатываемых в рамках сложившейся типичной следственной ситуации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
2. Лютов Н.Л., Морозов П.Е. Международное трудовое право: учеб. пособие / под общ. науч. ред. К.Н. Гусова. М., 2011. 216 с.
3. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 // Российская газета. 2019. 31 дек. № 296.
4. Смирнов Г.К. Методика расследования торговли людьми: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 215 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Российская газета. 1996. 18 июня. № 113.

В.С. Позий, канд. хим. наук, доцент
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России;
В.А. Кулаков
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России

Некоторые особенности личности потерпевшего и преступника, характерные для корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в курортных городах

В условиях современного мира правоохранительным органам приходится ежедневно бороться с преступностью, которая поражает все институты общества и государства, препятствуя их нормальному функционированию. В ряде городов нашей страны остро стоит вопрос борьбы с преступлениями, число которых резко возрастает, особенно в курортный период. Большое число туристов привлекают Сочи и другие города Краснодарского края, города Республики Крым и многие другие, расположенные на юге или в курортных областях России.

Корыстно-насильственные преступления становятся объектом криминологического и криминалистического исследований. Значительную их часть составляют грабежи и разбои. При совершении таких преступлений действия часто направлены на завладение собственностью жертвы с применением насильственных методов, которые наносят вред или несут угрозу причинения вреда здоровью человека. Обстоятельства и способы совершения данных видов преступлений

тесно связаны с личностью потерпевшего и преступника. Насилие в этих случаях является не целью, а способом преодоления противодействия жертвы на пути завладения имуществом. Следует отметить, что личность корыстно-насильственного типа преступника имеет похожие и отличительные черты с личностью корыстного либо насильственного типа. Корыстно-насильственный тип преступника характеризуется своей корыстной направленностью в совершении преступлений, эгоизмом и пренебрежительным отношением к человеческой жизни.

Наиболее распространены случаи совершения преступлений в курортных городах преступниками, прибывшими из другого региона специально для совершения одного преступления или серии преступлений в городе. Такого рода преступников называют «гастролерами». Данный тип относится к числу преступников-профессионалов, для которых их деятельность является основным источником дохода.

Нередки случаи совершения преступлений лицами, состоящими в устойчивых группах, сформированных в целях совершения нескольких преступлений. В группе намного легче использовать насилие как способ, т.к. несколько человек обладают большей физической силой по отношению к одной жертве и, соответственно, резко увеличивается возможность успешного исхода противоправного умысла и деяния. Распространены случаи, когда в составе преступной группы есть женщина, выступающая как средство, помогающее ослабить внимание жертвы противоположного пола и создать идеальные условия для совершения преступления.

Особенностью жертвы корыстно-насильственной преступности является то, что зачастую потерпевший постоянно проживает в другом регионе и находится в курортном городе для отдыха. Человек, приехавший отдыхать в город-курорт, как правило, имеет достаточно большую сумму денежных средств, и в период отдыха его внимание существенно ослабляется за счет того, что он находится в городе исключительно в целях приятного проведения досуга, часто сопровождающегося употреблением алкогольных напитков, нередко в ночное время, поэтому становится легкой добычей профессионального преступника. Также человек, приехавший издалека, редко обращается в правоохранительные органы и, таким образом, скрывает факт совершения в отношении него преступления. Это связано с нежеланием потерпевшего проводить большую часть отпуска в общении с сотрудниками правоохранительных органов [1, с. 12].

Потенциальными жертвами корыстно-насильственных преступлений могут стать:

- одинокие женщины, как правило, физически слабые и доверчивые к лицам противоположного пола;
- материально обеспеченные люди, обладающие демонстративным типом личности, которые любят показать окружающим свое превосходство в денежных средствах [1, с. 164];
- мужчины в поиске «курортного романа»;
- семьи с детьми (родители не оказывают никакого сопротивления преступникам, опасаясь за своих детей);
- пенсионеры в силу возрастных особенностей также становятся наиболее распространенными жертвами.

В курортных городах популярны детские учреждения, направленные на организацию досуга несовершеннолетних, где из-за разницы в материальном достатке семей более обеспеченные дети становятся жертвами свои ровесников.

Наиболее желанной добычей для преступников являются иностранцы, обладающие большими материальными ресурсами, которые в силу языкового барьера не могут своевременно обратиться в правоохранительные органы,

тем самым давая преступникам возможность скрыться за территорию не только города-курорта, но и субъекта федерации, в котором он расположен.

К чертам характера потерпевших от корыстно-насильственных преступлений следует отнести: рассеянность, пренебрежительное отношение к личной безопасности, чрезмерную доверчивость, легкомыслие, что в условиях курортного города является решающим, детерминирующим виктимным фактором.

Полиции необходимо четко оценивать соотношение сил и средств в борьбе с корыстно-насильственной преступностью в курортных городах. Подразделения уголовного розыска и участковых уполномоченных полиции должны в полной мере обеспечивать не только безопасное проведение досуга в период отпусков, но и эффективно предупреждать корыстно-насильственную преступность. Добиться этого можно добросовестным отношением к исполнению служебных обязанностей и активной работой с гражданами, постоянным совершенствованием профессиональных навыков, ориентированием лиц, оказывающих конфиденциальное содействие полиции, на выявление лиц, склонных к совершению преступлений. Каждый, кто собирается посетить город-курорт, должен предпринимать все возможные меры по недопущению создания предпосылок для совершения в отношении него и его близких противоправных посягательств, связанных с завладением его имуществом путем насилия, и своевременно уведомлять полицию о случаях совершения преступлений не только в отношении себя, но и других лиц.

Литература

1. Закаляпина Л.А. Предупреждение преступности в городах-курортах России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 214 с. URL: https://msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_Zakalyapinoy_L.A..pdf (дата обращения: 18.09.2020).

В.В. Поляков, канд. юрид. наук
Алтайский государственный университет

**О понятиях « типовые », « типичные »
и « конкретные » криминалистические
ситуации**

При расследовании преступлений особое место занимает ситуационный подход, обеспечивающий эффективное применение методик и рекомендаций, разрабатываемых криминалистической теорией [1, 4]. Особое значение имеет развитие этого подхода для противодействия новым видам преступлений, в частности, высокотехнологичным преступлениям, совершаемым преступными группами с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий [6, 7]. Успешное применение ситуационного подхода требует развития и уточнения основных понятий криминалистической ситуологии. К их числу в первую очередь нужно отнести понятие типовых, типичных и конкретных ситуаций. Корректное введение этих ситуаций обеспечивает успешность обобщения результатов следственной, судебной, оперативно-разыскной практики и проведение типизации криминалистических ситуаций, формирующихся в процессе расследования и предупреждения преступлений. В то же время нужно признать, что в теории криминалистических ситуаций в данном вопросе сохраняется значительный разброс мнений, что делает исследования соотношений между этими понятиями актуальной задачей.

Полагаем, что первичным элементом при разделении криминалистических ситуаций на группы является конкретная ситуация. Это понятие отражает исходные эмпирические данные, накапливаемые при расследовании конкретных преступлений. Конкретную ситуацию можно определить как совокупность информационных данных об условиях и обстановке преступления, имеющих на определенный момент расследования. Выявление закономерностей и особенностей расследования отдельных видов преступлений проводится в конечном счете именно путем обобщения конкретных ситуаций.

Понятия « типовая ситуация » и « типичная ситуация » вводятся для описания расследования какой-либо группы преступлений. Основателями криминалистической ситуологии отмечалось, что многие исследователи не различают данные понятия [1]. Причиной этого, на наш

взгляд, является то, что соответствующие определения вводятся с помощью весьма схожих пояснений, недостаточных для раскрытия имеющих существенных различий. Наличие таких различий подчеркивалось в работах Т.С. Волчецкой [1, с. 106-197], Д.В. Кима [5, с. 71] и ряда других авторов.

Понятие « типовой » лексически описывает группу объектов с некоторыми общими свойствами, присутствующими и повторяющимися для каждого из объектов данной группы (при этом другие свойства, не являющиеся основными, вполне могут различаться). Такое теоретическое описание, при котором отражаются важнейшие для целей проводимого анализа свойства объекта, представляет собой его теоретическую модель. Это позволяет определить типовую ситуацию как теоретическую модель, характеризующую основные (наиболее важные) свойства конкретных ситуаций для расследования преступлений данного вида. Заметим, что такое видение типовой ситуации близко к пониманию типовых ситуаций Л.Я. Драпкина, который в период зарождения ситуационного подхода писал: «Что касается типовых следственных ситуаций, то здесь модельно-информационный подход еще более очевиден. И действительно, типовые следственные ситуации являются результатом научного обобщения существенных признаков, общих для определенной группы конкретных ситуаций, на основе которых и формируется понятие того или иного класса объектов» [4, с. 14]. Аналогичного взгляда придерживался С.И. Давыдов, отмечавший, что «большое количество конкретных ситуаций, аналогичных по существу, искусственно сливается в типовые ситуации» [3, с. 80-86].

Понятие « типичный » лексически характеризует отдельный объект, чьи основные свойства близки к свойствам большей части объектов соответствующей группы, имеющиеся различия при этом имеют второстепенный характер. Очевидно, что если случайным образом выбрать какой-либо объект из данной группы, то типичные объекты будут встречаться часто, а объекты с другими свойствами – редко или вообще не встретятся. Такие закономерности имеют статистический характер и описываются понятием вероятности. В нашем случае в качестве объектов выступают конкретные ситуации, одни из которых при расследовании будут встречаться часто, т.е. их появление наиболее вероятно, другие – редко или вообще не встречаться. Это позволяет определить типичную

ситуацию как теоретическую модель, характеризующую такие конкретные ситуации данного вида, появление которых при расследовании наиболее вероятно.

Совершенно аналогично можно ввести понятие атипичной ситуации. Атипичная ситуация – это теоретическая модель, описывающая конкретные ситуации, возникновение которых при расследовании маловероятно.

Предложенное определение типичной ситуации в своей основе имеет вероятностный критерий. Такой подход близок к понятию типичной ситуации, данному В.К. Гавло, В.Е. Клочко и Д.В. Кимом, по мнению которых типичная ситуация «представляет собой наиболее вероятную, образцовую для заданных условий обстановку расследования» [2, с. 92].

Таким образом, понятия «типовая ситуация» и «типичная ситуация» характеризует процесс расследования с разных позиций. Именно с помощью понятия «типовая ситуация» описываются наиболее общие свойства и признаки криминалистических ситуаций, формирующихся при расследовании. На основе понятия «типичная ситуация», в свою очередь, описывается вероятность появления в процессе расследования криминалистических ситуаций с определенными свойствами и признаками.

Проведенное уточнение базовых понятий теории криминалистических ситуаций может оказать положительную роль в практике расследования различных видов преступлений.

Литература

1. Волчеккая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова. М. – Калининград, 1997. 248 с.
2. Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 226 с.
3. Давыдов С.И. Ситуационные аспекты алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2 (5). С. 80-86.
4. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 164 с.
5. Ким Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 196 с.
6. Поляков В.В. Особенности расследования неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 247 с.
7. Поляков В.В. Следственные ситуации по делам о неправомерном удаленном доступе к компьютерной информации // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2010. № 1 (21). С. 46-50.

*А.В. Пупцева, канд. юрид. наук, доцент
Волгоградская академия МВД России*

Проблемные вопросы, связанные с первоначальным этапом расследования изнасилования

Такое преступление, как изнасилование, представляет огромную опасность для женщины любого возраста, т.к. посягает на жизнь и здоровье и, к сожалению, до сих пор достаточно распространено в нашем обществе. А в период расцвета доступности различных социальных сетей, интернет-знакомств может являться спо-

собом подготовки к преступлению. Первоначально у мужчины может не возникнуть умысла на изнасилование, однако в процессе общения в социальных сетях преступник путем обмана, с использованием навыков психологии принуждает будущую жертву обмениваться фотографиями интимного характера, настаивая на встрече в последующем.

Если будущая жертва является несовершеннолетней, то достичь своего преступного умысла насильнику не составляет особого труда. В силу неразвитости своей психики, отсутствия жизненного опыта, доверчивости и внушаемости, желания совершать взрослые поступки,

невозможности предвидения последствий несовершеннолетние девушки легко поддаются угрозам со стороны мужчины.

Трудность подобной ситуации состоит в том, что большинство жертв не обращаются за помощью в правоохранительные органы, т.к. боятся осуждения общества, родителей, учителей, друзей и знакомых, а также мести лица, совершившего изнасилование.

Касаясь характеристики личности преступника, здесь необходимо обратить внимание на то, что им может быть и близкий родственник пострадавшей, и хороший знакомый. Отсюда вытекают угрозы, требования, задиравания и подкуп жертвы насильником или его друзьями и знакомыми. После совершенного деяния на пострадавшее лицо пытаются оказать давление, откупаясь деньгами, золотыми украшениями, современными дорогостоящими гаджетами, уговаривая не «портить жизнь» порядочному семьянину, не ломать будущее молодому человеку.

В зависимости от того, насколько подвержена подобному влиянию жертва, будет зависеть как подача ею заявления об изнасиловании, так и последующее расследование.

Одним из основных проблемных вопросов при расследовании изнасилования является установление самого факта рассматриваемого преступления. Поэтому так важно еще в ходе получения объяснения от пострадавшей задавать конкретные вопросы, возможно, являющиеся не совсем удобными для жертвы. Первое общение с пострадавшей должно происходить без посторонних лиц (исключая некоторые особенности, связанные с допросом несовершеннолетних), в отдельном кабинете, с использованием запрещающей на вхождение табличкой на двери. Следовательно необходимо применить все имеющиеся у него психологические знания, обладать тактом, расположить к себе жертву, успокоить, объяснить смысл выясняемых сведений. Применяя криминалистическую тактику, следователь может договориться с пострадавшей, что интимные вопросы он будет писать на листе бумаги, не произнося их вслух, и ответы сможет получать от нее также письменно.

Необходимо выяснить:

- где и когда произошло изнасилование;
- какие применялись угрозы и насильственные действия;
- применялись ли какие-либо предметы для связывания, физического воздействия;

- была ли приведена жертва в беспомощное состояние;

- что предшествовало данному событию, и, наверное, самое главное: был ли в действительности половой контакт проникновения. Этот вопрос следует задавать в обязательном порядке, особенно несовершеннолетним лицам, т.к. они могут принять, например, демонстрацию половых органов мужчины за изнасилование;

- знает ли жертва того, кто совершил с ней изнасилование;

- может ли она описать его внешность, особые признаки, сможет ли опознать в дальнейшем;

- кто находился рядом (в помещении, например) во время изнасилования;

- кому жертва рассказала о произошедшем;

- что произошло после совершения изнасилования: какова была реакция преступника, его действия; каким образом жертве удалось покинуть место преступления.

Если пострадавшая не знала насильника и преступление произошло внезапно, то мы видим сложную следственную ситуацию, характеризующуюся недостаточным объемом информации [1]. В этом случае оперативно-разыскными мерами необходимо в самое ближайшее время установить лицо, совершившее преступление.

Следующая проблема, на которую хотелось бы обратить внимание в данном контексте, – это отграничение насильственного полового акта от добровольного. Особенно это характерно для несовершеннолетних девушек и совершеннолетних мужчин. После подачи заявления родителей об изнасиловании их дочери проверка подобной информации крайне важна.

В последнее время подобные заявления стали частым явлением, т.к. родители несовершеннолетней, чтобы избежать общественного осуждения, пытаются таким образом заставить мужчину жениться на их дочери. Поэтому очень важно незамедлительно задокументировать следовую картину, проанализировать собранную информацию в ходе осмотра места происшествия, освидетельствования, опросов очевидцев и свидетелей, назначения судебных экспертиз и производства иных следственных и процессуальных действий. Большим подспорьем в сборе доказательственной базы будет переписка в упомянутых выше социальных сетях и различных мессенджерах.

Подводя итог краткому исследованию, можно сказать, что обозначены далеко не все имею-

щиеся проблемные вопросы. Раскрытие и расследование преступления данного вида носит достаточно сложный характер. Поэтому на установление истины по делу должны быть активизированы все силы следственной, оперативной и экспертной деятельности, а для предотвращения совершения изнасилований необходима всеобъемлющая работа государства в части различных телекоммуникационных трансляций, содержание которых дает искаженную картину поведения людей в современном мире.

Литература

1. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.
2. Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Научные труды Свердловского юридического института. Вып. 41. Свердловск, 1975.
3. Драпкин Л.Я. Разрешение проблемных ситуаций в процессе расследования. Свердловск, 1985.

А.В. Репин

Сибирский юридический институт МВД России

О необходимости уточнения понятийного аппарата криминалистической фотографии

Большинство методов криминалистической фотографии были разработаны в начале-середине XX века и рекомендации по их реализации предполагали использование «мокрого» процесса обработки фотоматериалов. С переходом на цифровые технологии часть таких рекомендаций потеряла актуальность либо ввиду трудоемкости, либо по причине того, что необходимые фотографические расходные материалы для «мокрого» процесса (фотопленка, фотобумага и т.д.) перестали выпускаться промышленностью.

Изначально большинство авторов именовали используемые фотографические методы методами *фотосъемки*, подразумевая при этом, что в зависимости от решаемых задач *непосредственно в процессе самой фотосъемки* необходимо использовать либо специальные фотоматериалы (например, контрастную фотопленку), либо специальные приспособления и устройства (например, макрообъектив), либо специальные приемы или способы (например, панорамирование). Переход на цифровое получение изображений позволил отказаться от ряда технологий, т.к. современные графические редакторы позволяют извлекать необходимую информацию не в процессе фотосъемки, а в процессе обработки изображения. Однако на сегодняшний день в большинстве работ, посвященных вопросам криминалистической фотографии, применяемые

фотографические методы именуются не методами криминалистической фотографии, а методами фотосъемки [5, с. 63]. Наиболее наглядно это можно проиллюстрировать на примере контрастирующей фотографии.

Контрастирующая фотография как метод получения фотоизображения с измененным отношением яркостей на черно-белом снимке и цветовых тонов – на цветном разработан Е.Ф. Буринским и совершенствовался параллельно с развитием фотографической техники и технологиями по обработке фотоизображений [4, с. 17].

Наиболее часто контрастирование необходимо в следующих случаях:

- реквизиты документа целиком или частично подвергались какому-либо механическому воздействию (подчистка);
- реквизиты документа целиком или частично подвергались какому-либо химическому воздействию (травление);
- реквизиты документов целиком или частично подверглись экранированию (закрашиванию, заклеиванию и т.д.);
- краситель исследуемого текста угас, выцвел либо был подвергнут воздействию высоких температур;
- исследуемый текст выполнен красителем, имеющим малую оптическую плотность, и т.д. [7, с. 26-27].

Применительно к «мокрому» процессу контрастирование могло осуществляться, во-первых, способами первичного изменения контраста: использованием контрастных фотоматериалов (контрастных фотопленок типа ФТ, «Микрат» и др.); фотографированием в особых условиях экспонирования; использованием контрастных проявите-

лей; использованием светофильтров для цвето-различения и т.д. Во-вторых, способами вторичного изменения контраста: дополнительной фото-графической обработкой негатива; получением негативов-дубликатов; печатью со специально подобранными фотоматериалами, приспособлениями и приемами [2, с. 252-258; 3, с. 488].

На сегодняшний день необходимость в использовании перечисленных способов фактически отсутствует, т.к. исследуемый объект (например, документ) достаточно сфотографировать в условиях равномерного рассеянного освещения (исключение составляет контрастирующая съемка с созданием теневого контраста для выявления выпуклых или вдавленных контуров за счет создания косопадающего освещения) и провести обработку полученного изображения в графическом редакторе, последовательно изменяя яркость, контрастность, гамму, баланс цветов и их насыщенность [1, с. 15-25; 6, с. 298].

Использование светофильтра-насадки на объектив, предназначенной для исправления тонового воспроизведения фотослоев, исправления искажения цветовых оттенков, изменения цветовой гаммы, на сегодняшний день также не оправданно. Программные возможности большинства графических редакторов позволяют накладывать эффект цветного светофильтра на исходное изображение в процессе его обработки. Исключения составляют поляризационные светофильтры, используемые для улучшения видимости изображения за счет отсека лишнего поляризованного света, увеличения цветовой насыщенности сцены и подавления нежелательных отражений (бликов). Эффект поляризационного светофильтра невозможно воспроизвести при цифровой обработке фото.

Таким образом, *непосредственно в процессе фотосъемки* объекта, подлежащего в последующем контрастированию, никаких специальных фотографических методов контрастирования не используется. Кроме того, изображение исследуемого объекта может быть загружено в графический редактор после его сканирования, т.е. вообще без процесса фотографирования. Криминалистически значимая информация извлекается в последующем из полученного изображения за

счет программных средств графического редактора. Следовательно, говорить о контрастирующей *фотосъемке* при использовании цифровой техники некорректно. Можно говорить об обработке изображения путем его контрастирования.

Таким образом, на наш взгляд, следует отказаться от использования наименования метода «контрастирующая фотосъемка» как не отвечающего современным представлениям о фотографических методах и именовать метод «контрастированием изображения», понимая под ним систему правил и рекомендаций по использованию фотографических средств, приемов и способов для получения видимого изображения за счет изменения яркостей и (или) цветовых тонов в исходном слабовидимом изображении.

Литература

1. Бойко Ю.Л., Каримов В.Х. Использование программы Adobe Photoshop в экспертной практике: учебно-метод. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. 28 с.
2. Душеин С.В. и др. Судебная фотография / под ред. А.Г. Егорова. СПб.: Питер, 2005. 368 с.
3. Зотчев В.А. Судебная фотография и видеозапись: учебник / под ред. А.А. Проткина. 2-е изд., перераб. М.: Щит-М, 2011. 816 с.
4. Ищенко Е.П., Ищенко П.П., Зотчев В.А. Криминалистическая фотография и видеозапись: учебно-практ. пособие. М.: Юристъ, 1999. 438 с.
5. Криминалистика: курс лекций / под ред. А.Ф. Лубина. М.: ДГСК МВД России, 2019. 600 с.
6. Прокофьева Е.В., Барина О.А., Прокофьева О.Ю. Возможности применения цифровой обработки изображений (соляризации) для установления изменения первоначального содержания документа путем дописки // Библиотека криминалиста. 2017. Вып. 1 (30). С. 298-304.
7. Четверкин П.А. Методы цифровой обработки слабовидимых изображений при технико-криминалистическом исследовании документов: монография / под ред. А.А. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2009. 200 с.

О.А. Решняк, канд. юрид. наук
Волгоградская академия МВД России

Проблемные вопросы раскрытия и расследования новых способов мошенничества

Современная преступность бросает серьезный вызов правоохранительной системе страны, которая с трудом сдерживает вал преступных проявлений в обществе. Традиционные формы раскрытия и расследования преступлений перестают быть эффективными, особенно в условиях становления информационного общества, неразрывно связанного с появлением специфических преступных посягательств, таких как мошенничества, совершенные с использованием компьютерных технологий. С появлением информационно-телекоммуникационных сетей преступность перешла на новые способы ее совершения. То есть совершать хищение чужого имущества и денежных средств с использованием сети Интернет стало легче, быстрее и безопаснее для преступников. Следственная практика показывает, что у сотрудников следственных и оперативных подразделений недостаточно опыта в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых указанным способом, что требует разработки и внедрения новых методик, приемов и средств расследования, позволяющих адекватно и эффективно противодействовать преступности [1].

Злоумышленники, преследуя свои корыстные цели, постоянно меняют схемы совершения преступления, придумывая новые, т.к. ранее используемые схемы преступлений со временем перестают работать ввиду оказания противодействия со стороны сотрудников правоохранительных органов и проведения профилактических мероприятий.

Проблема раскрытия и расследования таких преступлений заключается в том, что мошенники рассчитывают на неосведомленность населения о новых способах хищений. А граждане верят в сообщенную им недостоверную информацию и, не предполагая, что их обманывают, добровольно переводят свои денежные средства или передают имущество преступникам. Многие из пострадавших долгое время после передачи имущества или денежных средств не обращаются в правоохранительные органы, надеясь на то, что условия договора, по которым они внесли денежные средства, все-таки испол-

нятся, либо стесняются сообщить о том, что стали жертвой мошенничества [2].

Преступники в качестве средства достижения своих корыстных целей очень часто используют различные сайты с объявлениями о продажах («Авито», «Циан», «Юла», «Баухолка» и др.).

Приведем несколько новых схем совершения преступлений, которыми в настоящее время пользуются мошенники:

1. Поступление СМС-сообщения о переводе абоненту на банковский счет денежных средств. Внутри данного сообщения содержится ссылка, например: «Вам перевод 2500 рублей за зимние ботинки: <http://avit0pay.ru/12322-2>». По ссылке предлагают установить приложение якобы для получения оплаты. На самом деле оно либо спишет деньги со счета, либо будет незаметно рассылать похожие СМС другим пользователям «Авито».

2. Привязка телефона к карте жертвы. Мошенник звонит продавцу и говорит, что хочет срочно купить товар. Предлагает сразу перевести деньги, а потом прислать курьера. Для перевода он требует данные банковской карты – не только номер, но и срок действия, имя владельца, трехзначный CVV-код на ее обороте. Если это карта Сбербанка, то просит пойти до банкомата, после чего действовать по его указанию. Цель злоумышленника – обманом привязать свой телефон к карте жертвы. В дальнейшем он сможет легко осуществлять списание денежных средств через онлайн-перевод.

3. Поддельный чек и просьба вернуть деньги. Мошенник делает вид, что оплатил товар. На электронную почту или в мессенджер будущей жертвы приходит сообщение о якобы поступлении денежных средств: оно выглядит как СМС от банка, скриншот из банковского приложения или письмо от «Авито». Через несколько минут злоумышленник пишет, что передумал, и просит сделать обратный перевод. Продавец, не проверяя свой банковский счет, отправляет покупателю указанную в чеке денежную сумму, но уже из своего кошелька, ведь никакого платежа не было.

Основной проблемой раскрытия и расследования указанных преступлений является то, что жертвы мошенничества не сразу обращаются в правоохранительные органы, а некоторые и вообще не обращаются, в связи с чем теряется возможность установления преступника по горячим следам, пока он еще не успел сменить адреса, номера счетов, карт, телефонов. Как

правило, мошеннические счета, номера телефонов действуют одну-две недели, потом их обнуляют и блокируют, после чего регистрируют новые уже на новых лиц.

Многие граждане думают, что с ними не может произойти такое происшествие. В беседе они сами признаются, что неоднократно слышали о таких способах мошенничества из средств массовой информации, их предупреждал об этом участковый уполномоченный полиции, но они не примеряют это на себя и не соблюдают те правила безопасности при обращении с электронным кошельком, которые предписаны в различных профилактических мероприятиях.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что способ совершения преступления, а также личность потерпевшего и в тео-

ретическом, и в практическом плане должны изучаться самостоятельно и достаточно подробно, от этого в дальнейшем будет зависеть результативность раскрытия и расследования преступления.

Литература

1. Решняк О.А., Ковалев С.А. Организация расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети «Интернет», на первоначальном и последующем этапах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 106-109.

2. Смагоринский Б.П., Сычева А.В. Новые способы совершения мошенничеств, связанных с распространением коронавирусной инфекции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 111-116.

*Г.М. Семененко, канд. юрид. наук, доцент
Волгоградская академия МВД России*

Проблемы раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого бесконтактно

В условиях научно-технического прогресса информационные технологии становятся ключевым фактором реализации и оптимизации деятельности человека. Сегодня роль информации и информационного пространства стала более значимой и для отдельного гражданина, и для государства в целом [5, с. 65].

Исследование криминогенной обстановки в Российской Федерации показывает, что количество преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, имеет тенденцию к росту. По данным МВД России, в 2019 г. в стране было совершено почти 300 тысяч так называемых IT-преступлений (в 2018 г. кибермошенничеств было совершено на 68,5% меньше) [2].

Такая ситуация наблюдается практически в каждом регионе Российской Федерации. Об этом же говорит и Банк России. В 2019 г. им было заблокировано более 13 тысяч телефонных номеров, которые использовались в мошеннических целях, что в 29 раз больше, чем в 2018 г.; ограничены 1107 ресурсов, распространяющих вредоносное программное обеспечение, 10 683 фишинговых ресурса (их стало в

пять раз больше), 370 массовых фишинговых рассылок. Информация о более чем 250 доменах в целях ограничения доступа направлена в Генеральную прокуратуру Российской Федерации [1]. Действительные размеры преступной активности в данной области остаются скрытыми. В 2019 г. в России со счетов физических лиц совершено несанкционированных переводов на сумму 5,7 млрд рублей [1].

Развитие современных цифровых технологий привело к тому, что в настоящее время для незаконного приобретения наркотических средств потребитель и сбытчик практически не встречаются. В последние годы получило широкое распространение использование сети Интернет для распространения наркотических средств бесконтактным способом, что в значительной степени затрудняет задержание продавца с поличным в момент сбыта наркотика. Информация о наличии наркотического средства распространяется на различных ресурсах в интернет-пространстве, а сам наркотик поступает потребителю через тайники-закладки [4, с. 26].

В связи с совершенствованием законодательства Российской Федерации в области контроля сетей электродокументальной связи, в т.ч. интернета, большинство сайтов, осуществляющих реализацию наркотических средств, внесено в список запрещенных, и к ним ограничен доступ из сети Интернет. Однако для обхода

запретов и ограничений в интернете имеется большое количество сайтов, в основном зарубежных, обеспечивающих анонимный доступ к указанным ресурсам. Более того, широкое распространение имеет сегодня программное обеспечение, основанное по принципу соединения с зарубежными серверами и создания сети анонимных пользователей. Запретить такое программным обеспечением или ограничить использование на данный момент не представляется возможным, т.к. они расположены за пределами Российской Федерации. Также следует отметить, что оплата наркотиков осуществляется с использованием электронных платежных систем, при этом зачастую используются счета, зарегистрированные на подставных лиц.

Сложность в раскрытии преступлений представляет тот факт, что преступники редко совершают преступления в том регионе, в котором они сами находятся. С целью сокрытия следов преступники зачастую используют сим-карты для сотовых телефонов и банковские счета, зарегистрированные на подставных лиц, чужие документы и их копии. Преступниками используются и виртуальные платежные системы, и карты банков зарубежных государств, не выдающих России сведения об их владельцах.

Так, в ходе проведения оперативно-разыскных и следственных действий установлено, что в октябре 2016 г. неустановленные лица, являясь организаторами и руководителями организованной группы, осуществляли незаконный сбыт наркотических средств синтетического происхождения с использованием сети Интернет. Преследуя цель незаконного обогащения, вовлечения в преступную деятельность новых участников, расширения рынка сбыта наркотиков, получения стабильного дохода и увеличения прибыли, создали на территории Российской Федерации преступное сообщество (преступную организацию), а именно интернет-магазин «Радуга» для длительного, систематического совершения особо тяжких преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств.

Для достижения своих преступных целей организаторы преступного сообщества обеспечили создание в программе Telegram учетных записей с различными ник-неймами и контактными данными, которые для привлечения покупателей и расширения рынка сбыта наркотических средств разместили в качестве рекламы и в виде интернет-магазина «Радуга», на тематическом интернет-портале [*.biz, включенном в Единый реестр интернет-ресурсов, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено \(утвержден Постановлением Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101\).*](http://www.LegalRC</p></div><div data-bbox=)

Организаторами преступного сообщества была определена следующая схема незаконного сбыта наркотических средств. На странице учетной записи «операторов» в программе Telegram был представлен прайс-лист с наименованием и стоимостью наркотических средств. Покупатель определял вид и количество приобретаемого наркотика, затем путем переписки с «оператором» в программе Telegram осуществлял заказ наркотика, получая от «оператора» номер виртуального счета (электронного кошелька) платежной системы Visa QIWI Wallet ООО «QIWI-Кошелек» для оплаты приобретаемого наркотика, а также комментариев, который необходимо было указать при оплате для его идентификации и подтверждения оплаты за конкретное наркотическое средство. После зачисления денежных средств на указанный счет покупатель сообщал «оператору» о произведенной оплате. «Оператор», отслеживая в режиме реального времени поступление денежных средств, сообщал покупателю адрес и место тайника с наркотическим средством.

Для поддержания связи, в целях конспирации и безопасности осуществления преступной деятельности, между участниками преступного сообщества было принято решение об использовании программы Habber, применяемой для быстрого обмена сообщениями в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Кроме того, при раскрытии и расследовании преступления сотрудники правоохранительных органов зачастую сталкиваются с такими проблемами, как невозможность установить личность абонента IP-телефонии, связанной с отсутствием установленного порядка верификации предоставляемых сведений (как правило, регистрация абонентов производится формально при внесении платежа по присланным по электронной почте персональным данным или скан-копиям паспортов); невозможность установления личности абонента IP-телефонии, использующего технологию подмены вызывающего номера; трудность в установлении данных об электронных платежах, совершаемых с использованием Интернет-ресурсов; невозможность установления данных об электронных платежах, совершаемых с использованием пла-

тежных систем и банковских карт банков-эмитентов, находящихся на территории стран, не поддерживающих международное сотрудничество правоохранительных органов с Российской Федерацией [3, с. 149].

Это далеко не полный перечень технических проблем, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в процессе раскрытия и расследования дистанционных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Решение данной проблемы видится нам в выработке алгоритма совместных действий сотрудников правоохранительных органов и Роскомнадзора, Центробанка, операторов связи и провайдеров сети Интернет, средств массовой информации.

Перечень обозначенных нами проблемных вопросов в рамках раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств дистанционно с использованием средств сотовой связи, конечно же, не является исчерпывающим. Однако предложенные меры помогут совершенствовать методику раскрытия и расследования преступлений данного вида, предупредить совершение преступлений, а затем и снизить их число на территории Российской Федерации.

Литература

1. Все, что вы публикуете, может быть использовано против вас. Статистика мошенничества с банковскими счетами. URL: <https://yarcube.ru/news/economics> (дата обращения: 25.06.2020).
2. Мошенники ушли в сеть. URL: <https://rg.ru/2020/01/28> (дата обращения: 25.06.2020).
3. Пупцева А.В. Некоторые особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с помощью сети «Интернет» бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46).
4. Пупцева А.В. Проблемные вопросы выявления преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием средств сотовой связи // Результаты научных исследований: сб. статей междунар. научно-практ. конф-ции (Тюмень, 15 февраля 2016 г.). Уфа: Аэтерна, 2016.
5. Семененко Г.М., Чхвимиани Э.Ж. Применение инновационных технологий в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47).

А.С. Скоревич

Юридический институт

Томского государственного университета

Устранение вызванных добросовестным заблуждением субъективных искажений в показаниях допрашиваемого

Расследование преступления имеет ретроспективную направленность ввиду того, что связано с уже произошедшим событием. Должностное лицо, выполняющее работу по расследованию произошедшего, преступление непосредственно не наблюдало, поэтому получает информацию о нём опосредованно. Источниками информации могут служить следовая картина преступления либо очевидцы, другие свидетели или сам преступник. Лицо, обладающее информацией о преступлении, допрашивается для получения следователем данных, имеющих криминалистическую ценность.

Таким образом, допрос содержательно представляет собой следственное действие, проведение которого направлено на получение информации о произошедшем событии преступления от лица, которое обладает этой информацией. Возможна ситуация, когда допрашиваемый подвержен добросовестному заблуждению, которое «является результатом неадекватного отражения действительности в силу особенностей протекания познавательных процессов» [5, с. 72]. Для того чтобы определить неправду, прежде всего, «необходимо уяснить, в какой степени мысли говорящего о действительности соответствуют действительности» [4, с. 200]. Отмечается также, что «иногда восприятие может быть искажено вследствие симпатии или предубеждения» [6, с. 320]. Сказанное определяет актуальность способов оптимизации проведения допроса, связанных с устранением субъективных искажений в показаниях допрашиваемого.

В практике расследования преступлений допрос происходит между конкретными людьми, каждый из которых обладает определенными личностными характеристиками. Этим актуализируется необходимость обращения внимания к личностным особенностям в контексте уголовно-процессуальных отношений, на которую указывал Н.Т. Ведерников [3, с. 181-189]. В этом случае абстрактность тактических рекомендаций необходимо конкретизировать с учётом специфики личности участников.

Индивидуальные особенности протекания познавательных процессов определяют усвоение информации. Различия между объектами, существующими в материальной реальности, и их образами, интериоризированными в сознании человека, называют искажениями действительности. Подобные искажения возникают при оперировании информацией мышлением человека. А. Бек именуется данный феномен когнитивными ошибками мышления [2, с. 123], приводя следующие их вариации: произвольные предположения, неоправданные обобщения, избирательное абстрагирование, дихотомизм мышления, катастрофизация. В случае если для допрашиваемого характерны когнитивные ошибки мышления, информация о преступлении, которая хранится в его памяти, будет содержать соответствующие неточности, усугубляемые, кроме того, закономерными процессами забывания. Тогда отдельные обстоятельства произошедшего могут значительно не соответствовать действительности. Устранить искажения действительности возможно путём установления когнитивных ошибок мышления, свойственных допрашиваемому.

Для установления когнитивных ошибок, присущих допрашиваемому, следует задать вопрос о событиях, которые известны допрашивающему. К примеру, реализуя тактический приём «разговор на отвлеченную тему», можно поинтересоваться недавним выпуском новостей, сюжетом книги или фильма, известного взаимодействующим. Тогда у допрашивающего будет возможность сопоставить объективную картину того, о чём был задан вопрос, с картиной в показаниях допрашиваемого. Разница между объективным событием и субъективизированным представлением о нём допрашиваемого – показатель вносимых искажений. Следует проанализировать количество допущенных познавательных искажений и степень их выраженности по шкале от незначительных неточностей до существенных противоречий дей-

ствительности. К примеру, объяснение мотивации героя фильма, отсутствовавшей в сюжете, в соответствии с собственными убеждениями можно считать познавательным искажением. В соответствии с приведённой классификацией А. Бека такое искажение именуется произвольным предположением. Их количество можно подсчитать по числу эпизодов или героев, действия которых были проинтерпретированы подобным образом. Степень критичности искажений рассчитывается из того, насколько сказанное согласуется с остальным повествованием. Допустим, если поступки отрицательного персонажа мотивируются его злодейскими наклонностями, такое искажение можно расценивать как незначительное. Если же в качестве источника мотивации описывается событие, которого в произведении не было, искажение следует рассматривать как существенно противоречащее. Примером катастрофизации может служить заявление допрашиваемого о том, что в последнее время в новостях только и слышно, что о негативных реформах, пандемиях и чрезвычайных происшествиях.

Исходя из повторяемости (количество два и более) и высокой степени критичности искажений, можно сделать вывод о склонности допрашиваемого к определенному виду познавательных искажений. Тогда следует вернуться к показаниям, касающимся преступления, и оценить их на предмет влияния свойственных допрашиваемому искажений.

Примечательно, что познавательные искажения, будучи результатом действия механизмов психической защиты [1, с. 44-46], происходят из сферы бессознательного, следовательно, волевому контролю самого субъекта не подвластны. В этой связи тактические рекомендации по детализации и повторному допросу не всегда способствуют эффективному устранению допущенных искажений.

В качестве вывода отметим целесообразность применения способов устранения субъективных искажений в показаниях добросовестно заблуждающегося допрашиваемого. При использовании изложенных приёмов реконструкция произошедшего преступления производится в несколько этапов. Во-первых, получение информации, представляющей собой субъективную картину произошедшего в сознании допрашиваемого. Во-вторых, выяснение факторов субъективизации произошедшего события. В-третьих, корректировка полученных данных на основании знаний об установленных факто-

рах субъективизации для приближения к объективной картине преступления. По итогу проделанной работы результаты допроса будут иметь относительно большую степень доказательственной ценности, повышая вероятность установления объективной истины по расследуемому уголовному делу.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Лекции по правовой психологии. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2019. 454 с.
2. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003. 304 с.

3. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2014. Т. 2. 236 с.

4. Журавлев Ю.Г. Ложь и сопутствующие категории как объект исследования криминалистики // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2011. № 13. С. 189-207.

5. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка, 1988. 80 с.

6. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.

*А.Б. Соколов, канд. юрид. наук, доцент
Омская академия МВД России*

Гарантирует ли установленный психологический контакт с допрашиваемым бесконфликтный характер ситуации при допросе?

Эффективность разрешения возникающих между людьми вопросов во многом обусловлена знанием и точным применением общих правил психологии межличностного взаимодействия. Сказанное в полной мере может быть распространено на общение правоприменителя с участниками уголовного судопроизводства, находящее проявление в процедуре следственных действий, особенно носящих вербальный характер. К таковым, без доли сомнений, можно отнести допрос.

Получение органом предварительного расследования полных и правдивых показаний от лиц, располагающих сведениями об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, немислимо без поддержания положительной установки на общение (основа психологического контакта). Она обеспечивается за счет проявления доброжелательности, тактичности, уважительности, вежливости и др.

Анализ мнений ученых в научных статьях, посвященных вопросам установления психологического контакта при производстве следственных действий, не позволяет получить однозначный ответ на следующий вопрос: гарантирует ли установление психологического кон-

такта с обвиняемым (подозреваемым) дачу им правдивых показаний? Полагаем, что ответ может быть получен при изучении термина «психологический контакт».

Позиции ученых относительно понимания психологического контакта возможно дифференцировать на две группы. Критерием такого деления выступает указание на наличие зависимости между установлением психологического контакта и дачей правдивых показаний.

К первой группе ученых, подтверждающих наличие такой связи, можно отнести В.Л. Васильева, А.В. Дулова и Р.С. Белкина. В предлагаемых ими определениях указывается, что установление психологического контакта при допросе влияет на формирование общей линии поведения [1, с. 7], обеспечивает развитие общения в нужном направлении и достижение его целей [2, с. 107], допрашиваемый осознает необходимость способствовать своими показаниями установлению истины [4, с. 602]. Полагаем, следователь выстраивает такую линию поведения при допросе, которая способна обеспечить достижение цели допроса – получение новых и проверку имеющихся доказательств. Исходя из сказанного, установление психологического контакта обеспечивает наличие бесконфликтной ситуации¹ при допросе.

¹ Бесконфликтная ситуация – ситуация, возникающая в связи с производством допроса, в основе которой находится совпадение целей правоприменителя (получение полных и правдивых показаний) и допрашиваемого (дача полных и правдивых показаний).

Вторая группа ученых не указывает на наличие прямой связи между установлением психологического контакта и дачей допрашиваемым правдивых показаний. При этом основной задачей является создание атмосферы, условий для готовности к общению. Так, А.Б. Соловьев под психологическим контактом понимает «способ установления коммуникативных связей, эмоциональное доверие к следователю» [5, с. 42]. Л.Л. Каневский указывал психологический контакт как «состояние, при котором участники следственного действия проявляют интерес и готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга» [3, с. 12-13].

Разделяем позиции ученых, относящихся ко второй группе, характеризующих психологический контакт как готовность допрашиваемого к общению и восприятию информации. Дополнительно укажем, что воздействие, оказываемое при установленном психологическом контакте, является обоюдным. Обмен и аккумуляция информации при этом осуществляются как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. При

этом не стоит забывать, что готовность к даче показаний не предполагает их признательный характер.

Основываясь на сказанном, ответ на ранее поставленный вопрос может быть сформулирован следующим образом: наличие установленного психологического контакта не гарантирует формирования бесконфликтной ситуации при допросе.

Литература

1. Васильев В.Л. Юридическая психология. Л., 1974. 96 с.
2. Дулов А.В. Судебная психология. М., 1994. 464 с.
3. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск, 1991. 284 с.
4. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 2001. 990 с.
5. Соловьев А.Б. Допрос свидетеля, потерпевшего. М., 1974. 128 с.

О.В. Становая

Волгоградская академия МВД России

Трасологическое исследование повреждений на автотранспортных средствах, причиненных человеком, не связанных с фактом ДТП

Практика трасологического исследования автотранспортных средств сложилась таким образом, что объектами исследования нередко являются повреждения частей автомашин, нанесенные человеком, которые квалифицируются по ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества», по ст. 7.17 КоАП РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества» или становятся судебными тяжбами по возмещению ущерба владельцам машин страховыми компаниями.

Одними из наиболее частых вопросов по данным делам, задаваемых органами следствия, судьями, экспертами являются:

1. Имеются ли на кузове автомобиля следы повреждения, если да, то какие, каков механизм

их образования? Каким предметом они могли быть образованы (камнем, палкой и т.д.)?

2. Могли ли данные повреждения быть нанесены руками, ногами человека?

При этом эксперты испытывают затруднения при работе с подобными объектами, связанные, главным образом, с определением механизма их образования и отсутствием справочной литературы. В данной статье будут рассмотрены особенности их экспертного исследования.

Прежде всего, повреждения на транспортных средствах, полученные вне ДТП, могут быть в результате:

1) ударов частями тела человека (голова, рука, нога);

2) контакта с каким-либо предметом (палка, камень, бутылка, гвоздь). Повреждаются в основном такие части кузова: двери, крылья, капот, зеркала, крыша, бампер, стекла.

Одна из особенностей исследования повреждений, нанесенных частями тела человека (головой, руками, ногами), заключается в том, что они, как правило, малоинформативны, в основном представляют собой различной формы и размеров вмятины, царапины, потертости. Ка-

кой-либо микрорельеф в них не отображается, поэтому установить предмет, которым они образованы, как правило, не представляется возможным (см. рис. 1). На отображение формы и рельефа повреждения влияют сила и место удара, а также свойства самого металла, способного принимать различные формы деформации.

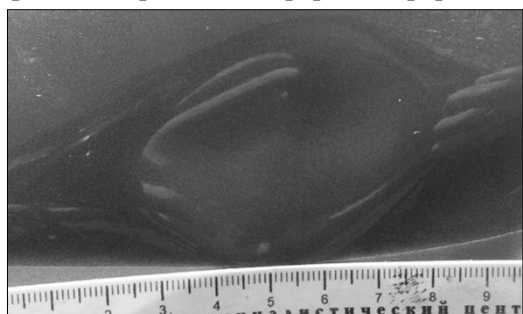

Рис. 1. Вмятина на крыле автомашины Honda

Однако в некоторых случаях в повреждениях могут отображаться общие и даже частные признаки следообразующих объектов. Например, от удара кулаком под прямым углом отображаются следы в виде овальных вмятин от частей фаланг пальцев рук, при ударе ногой могут отобразиться части рисунка подошвы обуви (см. рис. 2, 3).

Рис. 2, 3. Следы подошвы обуви от ударов ногами на автомашинах

На рисунке 2 четко просматривается след в виде трасс, образованных от выступающих частей рисунка подошвы обуви. При наличии обуви подозреваемого вполне возможно провести идентификационное исследование.

При нанесении повреждений автотранспортному средству каким-либо предметом характерно отображение в дне следа формы объекта, его размеров или конструкции (см. рис. 4), наличие частиц лакокрасочного покрытия, частиц резины, мелкой пыли различного цвета (кирпич, камень), фрагментов стекла или древесины.

Рис. 4. Повреждения автомобиля, нанесенные топором

Таким образом, если повреждение малоинформативно, в нем не отобразились общие и частные признаки или частицы следообразующего объекта, то рекомендуется делать вывод о предмете, которым он был образован, в вероятностной форме, либо делать вывод вовсе не представляется возможным. Например: «Вмятина размером 15×26 мм на левой двери автомобиля ВАЗ-2109 могла быть нанесена при ударе ногой или рукой человека. Ответить в категоричной форме не представляется возможным по причине малоинформативности следа» (в следе отсутствуют характерные признаки какого-либо предмета).

Если ли же в следе повреждения отобразилась частично форма, размер, конструктивные элементы или наличие микрочастиц какого-либо предмета (например, подошвы обуви, молотка, камня, бутылки, гвоздя и т.д.), то рекомендуется давать вывод в категоричной либо в вероятностной форме. Например: «Повреждение овальной формы размером 65×92 мм на правом крыле автомобиля "Опель-Вектра" было образовано при ударе подошвой обуви». (Ботинком, кроссовкой, на какую ногу, какого размера – эти данные обязательно указываются в выводе при наличии в следе характерных признаков обуви). «Вмятина треугольной формы на капоте автомобиля могла быть образована молотком с размерами рабочей части 20×21×19 мм».

Нередко на исследование поступают отдельные фотоснимки повреждений на автомашинах, по которым ставятся вопросы, аналогичные вышеуказанным. В данном случае хочется сказать, что если фотографии хорошего качества, выполнены с масштабной линейкой, с различных ракурсов, то по ним можно проводить раздельное и сравнительное исследование. Если же фотоснимки с повре-

ждениями предоставлены не по вышеуказанным правилам, то однозначно делается вывод о невозможности решения вопроса. Но в любом случае, если есть возможность осмотра повреждений на самом автомобиле, то ее надо использовать.

Полагаем, что вышеописанные рекомендации по дифференциации повреждений на автомашинах, причиненных человеком, не связанных с фактом ДТП, и их иллюстрации позволят оптимизировать процесс проведения подобного экспертного исследования.

*А.В. Сычева, канд. юрид. наук
Волгоградская академия МВД России*

Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничества в сфере автострахования

С развитием страхования в России, совершенствованием его способов и условий возрастает и количество преступных посягательств, совершаемых в данной сфере. Немалую их долю составляют преступные посягательства, совершенные путем мошенничества.

Согласно статистике, количество поданных заявлений в правоохранительные органы по факту страхового мошенничества в 2019 г. возросло на 12% по сравнению с предыдущим годом. Количество заявлений, связанных с подозрением в страховом мошенничестве, которые страховые компании направили в правоохранительные органы по итогам 2019 года, составляет 3,5 тысячи [2, с. 161].

При этом эксперты отмечают, что больше всего случаев страхового мошенничества совершается в сфере автострахования: 94% от всех поданных заявлений о страховом мошенничестве приходится на ОСАГО и каско [4].

Как справедливо отметил А.Н. Васильев, первоначальные действия следователя в сочетании с правильным направлением расследования зачастую играют решающую роль в раскрытии преступления [1, с. 47].

Рассмотрим основные типичные следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследований рассматриваемой категории уголовных дел:

1. Преступник задержан при совершении преступных действий либо сразу после их совершения.

2. Лицо, заподозренное в совершении мошеннических действий, установлено сотрудни-

ками службы безопасности страховой компании.

3. Потерпевший заявил о страховом событии преступного характера. Информация о том, что имела место инсценировка, незначительна или отсутствует.

Первая следственная ситуация на практике встречается крайне редко ввиду того, что мошенничества в сфере автострахования совершаются, как правило, полноструктурными способами, т.е. характеризуются комплексом действий по тщательной подготовке, совершению и мерами, предпринимаемыми для сокрытия преступления. В связи с этим усложняется процесс установления самого факта инсценировки преступления и личности преступника.

Как правило, информация о преступных действиях граждан либо о задержании лиц, совершивших мошеннические действия, поступает в результате сообщений сотрудников полиции (ППС, ГИБДД, ОУР и ОЭБиПК), сотрудников службы безопасности страховых компаний либо из сообщений граждан, очевидцев данных преступлений.

Так, гр. И. обратился в ОП № 7 УМВД России по г. Волгограду с заявлением о похищении застрахованного автомобиля марки Audi Q8. Через несколько дней он был задержан сотрудниками ДПС на трассе Волгоград – Москва за рулем якобы похищенного автомобиля [3].

Следователю (органу дознания) в данной ситуации необходимо провести следующие мероприятия: допросить подозреваемого; осмотреть место происшествия и якобы похищенное транспортное средство; провести личный обыск подозреваемого (при нахождении у него предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, изъять их и осмотреть); изъять документы, имеющие отношение к договору страхования; установить свидетелей и очевид-

цев преступления, допросить их; допросить собственника транспортного средства; установить, задержать и допросить иных участников преступления; назначить необходимые судебные экспертизы.

Вторая следственная ситуация в следственной практике встречается довольно часто. Зачастую сотрудники службы безопасности страховых компаний самостоятельно проводят предварительную проверку подозрительных страховых событий, в связи с чем следователю или органу дознания в ходе расследования уголовного дела целесообразно активно взаимодействовать с представителями службы безопасности страховой компании.

Согласно пункту 47 Постановления Пленума Верховного Суда от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» страховое возмещение в связи с причинением вреда, возникшего в результате ДТП вследствие взаимодействия двух источников повышенной опасности, третьему лицу производится каждым страховщиком, у которых застрахована гражданская ответственность владельцев транспортных средств в пределах страховой суммы, составляющей 500 тысяч рублей в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего. Таким образом, в случае причинения смерти потерпевшему в результате совершенного ДТП родственники последнего имеют право обратиться сразу в несколько страховых компаний за страховой выплатой, не только в ту, где был застрахован погибший, но и в компанию, в которой был застрахован виновник (виновники) ДТП, даже если их было несколько. Этим положением закона умело стали пользоваться мошенники, зачастую фальсифицируя документы, удостоверяющие смерть потерпевшего.

В этой ситуации следователю или органу дознания необходимо выполнить следующее: установить данные о личности потерпевшего; изъять необходимые документы (свидетельство о смерти, страховой полис и др.) и направить их на экспертизу в случае возникновения сомнения

в их подлинности; допросить родственников потерпевшего и др.

Третья следственная ситуация встречается на практике наиболее часто в связи с тем, что при совершении мошенничеств в сфере автострахования преступники детально продумывают инсценировку страхового события, пытаются скрыть сам факт инсценировки и свое участие в ней, обеспечивая себе алиби на момент совершения преступления.

Для выяснения всех обстоятельств следователю или органу дознания необходимо осмотреть место происшествия; допросить заявителя, его родственников об обстоятельствах заключенного договора страхования; провести обыск по месту жительства заявителя в целях отыскания предметов и документов, используемых для инсценировки; допросить сотрудников страховой компании; изъять документы, относящиеся к договору страхования; назначить необходимые экспертизы и др.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в зависимости от того, как следователь оценит сложившуюся следственную ситуацию при расследовании мошенничеств в сфере автострахования, от того, какие первоначальные следственные действия и иные проверочные мероприятия будут по нему проведены, может зависеть успех раскрытия и расследования уголовного дела в целом.

Литература

1. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978.
2. Ковалева Э.Р., Фукина С.П. Страховое мошенничество как фактор, препятствующий развитию страхового рынка России // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 160-164.
3. Материалы следственной практики ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.
4. URL: <https://viktoriya-sa.ru/2019/06/19/kolichestvo-slychaev-strahovogo-moshennichestva-vozroslo-na-12-po-sravneniu-s-2018-godom/>

Р.Р. Тебиев

Академия управления МВД России

Обстановка жестокого обращения с животными как элемент криминалистической характеристики преступлений

Преподаватели и адъюнкты кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, как и других вузов системы МВД России, хорошо знают и высоко оценивают научные труды выдающегося ученого-криминалиста, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Вениамина Константиновича Гавло, в особенности посвященные методике расследования преступлений, в т.ч. криминалистической характеристике, являющейся базой для формирования частных методик расследования. Особенно важно его мнение относительно понятия и содержания такого элемента криминалистической характеристики, как обстановка совершения преступлений того или иного вида.

Одной из неразработанных методик расследования преступлений отдельных видов является методика расследования жестокого обращения с животными. В настоящее время в криминалистике нет ни одной научно разработанной и апробированной методики расследования преступлений данного вида. О важности и практической актуальности создания такой методики свидетельствуют и статистические данные. Так, в 2018 г. из 494 уголовных дел, возбужденных по ст. 245 УК РФ, было приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ 226 уголовных дел, в 2019 г. из 556 уголовных дел приостановлено 260 [7]. Аналогичные данные имеются за 2016 и 2017 гг.

Между тем все элементы криминалистической характеристики жестокого обращения с животными имеют особенности, обуславливающие специфику расследования уголовных дел по данным преступлениям. Типичные сведения об обстановке жестокого обращения с животными важны при выявлении криминалистически значимых признаков указанных преступлений, которые позволяют выдвинуть типичные криминалистические версии и определяют характер расследования.

В криминалистической научной литературе имеется значительное количество работ, по-

священных обстановке совершения преступления как элементу криминалистической характеристики (В.И. Куликова [6], Н.П. Яблокова [9], Д.А. Степаненко [8], З.И. Кирсанова [5], Т.С. Анненковой [1]). В то же время нередко встречаются разногласия мнений ученых относительно понятия и содержания данной категории в криминалистическом аспекте, тем самым подтверждается актуальность и целесообразность дальнейшего исследования обстановки преступлений. Учитывая тот факт, что на сегодняшний день отсутствует научно разработанная методика расследования жестокого обращения с животными и криминалистическая характеристика преступлений этого вида, исследование обстановки данных преступлений как элемента этой характеристики приобретает особую актуальность.

Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что еще до 1960-х гг. ученые-криминалисты в качестве компонентов обстановки преступления определяли в основном материальную составляющую: место преступления, используемые орудия, материальные следы и т.д. Правильную позицию в этом аспекте занял Р.С. Белкин, который в 1966 г., помимо материальной составляющей обстановки совершения преступления, предложил включить в ее содержание также действия участников преступления до, во время и после совершения преступления, время совершения преступления, хронологическую характеристику события преступления, психологические отношения между участниками события и т.п. [2, с. 139].

В.К. Гавло впоследствии существенно дополнил и развил данное определение, написав: «Понятие *обстановка совершения преступления* необходимо употреблять для обозначения в целом системы и условий обстоятельств, локализуемых в пространстве и во времени, материальной обстановки места происшествия, объекта посягательства, субъекта преступления и иных компонентов; применительно к развитию этапов преступной деятельности субъекта в окружающей среде понимать обстановку совершения преступления с позиции взаимосвязанных трех самостоятельных звеньев: обстановка, предшествующая совершению преступления, обстановка совершения преступления, обстановка, сложившаяся после совершения преступления» [3, с. 164].

Применительно к жестокому обращению с животными под обстановкой преступления мы предлагаем понимать обусловленную простран-

ственно-временными рамками систему внешних условий, включающую в себя материальные и идеальные следы, социально-психологические элементы окружающей преступника среды, в которой совершается преступление, а также факторы, влияющие на подготовку, совершение и сокрытие преступления. Обстановка жестокого обращения с животными значительно влияет на выбор преступником способа преступления, места и времени, подготовку, совершение и сокрытие преступления.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что обстановка жестокого обращения с животными имеет свои специфические признаки: событие преступления, время, место, нередко тайность преступления, проявления жестокости не только в отношении людей, но и в отношении объектов экологии, в первую очередь в отношении животных.

Воссоздание обстановки жестокого обращения с животными начинается с установления места преступления. Достоверно установив место совершения преступления, следователь¹ локализует границы поиска следов, а также может выдвинуть первоначальные версии о способе подготовки, совершения и сокрытия преступления, механизме слеодообразования, вероятных участниках преступления и даже возможных мотивах преступных действий.

В ходе изучения уголовных дел о жестоким обращении с животными нами было установлено, что местом преступления может быть как общественное место, так и любая частная территория, и домовладение. Так, из 80 изученных уголовных дел по данной категории преступлений в 61% случаев жестокое обращение с животными было совершено в городе, а в 39% случаев – в сельской местности. В 42% случаев преступление непосредственно было совершено в помещении (сюда относятся квартира, домовладение, подсобное помещение, сарай и т.д.), в 58% на участке местности (дворы, улицы, парки, открытая местность и т.д.). Наиболее распространенные места преступления – дворы домовладений, гаражные массивы. В подавляющем большинстве случаев выбор места преступления преступником определяется с позиции сохранения тайности его действий.

Определение и изучение места жестокого обращения с животными имеет важное значе-

¹ Под следователем здесь понимается и иное лицо, осуществляющее проверку сообщения о преступлении.

ние. Прежде всего, оно тесно связано со способом преступления. Например, когда местом преступления являются места массового содержания животных, развлекательные и цирковые учреждения, то чаще всего способом жестокого обращения с ними является несоблюдение условий по их содержанию, повлекшее гибель или иные тяжкие последствия.

Также место преступления тесно связано с характеристикой исходной информации. Проявляется это, в частности, при обнаружении следов жестокого обращения с животными, которые могут находиться на значительном расстоянии друг от друга. Например, увечья животному были причинены в одном месте, а затем оно, истекающее кровью, преодолевает некоторое расстояние и гибнет в другом.

Место жестокого обращения с животными также может служить характеристикой некоторых сведений о личности преступника: о степени его осведомленности на данной территории относительно наличия или отсутствия людей, расположения различных объектов и т.д., о возможных взаимоотношениях с владельцами пострадавшего животного, о мотивах преступления. Так, в 90% случаев отравлений животных на территории частных домовладений (частных домов, дачных участков) путем кормления отравленной пищей виновными лицами оказывались соседи потерпевших, испытывавшие личную неприязнь к ним или к их животным.

Так, в одном из подмосковных поселков Долгое Ледово у бывшего кинолога МВД с использованием яда были отравлены две собаки, которые скончались после долгих мучений судорогами от употребления отравленной пищи. Собаки на протяжении долгих лет совместно с сотрудниками полиции осуществляли охрану общественного порядка и обеспечивали безопасность граждан. По версии следователей, отравленная пища была переброшена на территорию потерпевшей через забор. Позже обвинение было предъявлено ближайшему соседу потерпевшей, в ходе обыска у него обнаружены вещества, передозировка которых влечет мучительную смерть после долгих судорог, аналогично той, которые были у собак потерпевшей [4].

В заключение необходимо отметить, что должностным лицам, в чьем производстве находятся уголовные дела о жестоким обращении с животными, необходимо учитывать сведения об обстановке преступления. Это облегчит им задачу по обнаружению криминалисти-

чески значимых признаков, выдвижению типичных следственных версий, раскрытию и расследованию преступлений, определению следственных действий, направленных на установление обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

Литература

1. Анненкова Т.С. Обстановка совершения преступления и криминалистические методы её исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 25 с.
2. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 139-140.
3. Гавло В.К. Избранные труды / сост. В.В. Сорокин, Н.А. Дудко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 850 с.
4. Информационно-новостной сайт «Медуза». URL: [https://meduza.io/feature/2020/07/29/ukinologa-iz-podmoskovya-otravili-dvuh-ovcharok-s-raznitsey-v-polgoda-po-delu-pred-yavleny-](https://meduza.io/feature/2020/07/29/ukinologa-iz-podmoskovya-otravili-dvuh-ovcharok-s-raznitsey-v-polgoda-po-delu-pred-yavleny-obvneniya-v-rossii-eto-sluchaetsya-ochen-ochen-redko)

obvneniya-v-rossii-eto-sluchaetsya-ochen-ochen-redko (дата обращения: 05.09.2020).

5. Кирсанов З.И. Теоретические основы криминалистики: учеб. пособие. М., 1998.
6. Куликов В.И. Обстановка совершения преступлений и ее криминалистическое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 23 с.
7. Состояние преступности в России за 2018-2019 годы // Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item> (дата обращения: 25.06.2020).
8. Степаненко Д.А., Ишигеев В.С. О соотношении категории обстановка совершения преступления и пограничных понятий // Дальневосточные криминалистические чтения. Владивосток, 1997. С. 65-68.
9. Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 36-40.

С.А. Торопов, канд. юрид. наук, доцент
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России;
Т.В. Горбенко
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России

Институт судебной экспертизы: проблемы реализации в ускоренном досудебном производстве по уголовным делам

Тенденция дифференциации и интеграции научного знания как одного из проявлений влияния научно-технического прогресса предопределила возникновение и становление различных правовых институтов, а также поиск путей рационализации и оптимизации уголовного судопроизводства. Идея необходимости введения в уголовное судопроизводство механизмов, позволяющих ускорить отправление правосудия, получила широкое распространение, что подтверждается практикой применения ускоренных процедур в различных государствах.

Уголовное судопроизводство нередко носит сложный, трудоемкий, длительный и дорогостоящий характер, что сказывается на качестве

и эффективности производства по уголовным делам. Сказанное свидетельствует о необходимости упрощения процедуры рассмотрения уголовных дел [4]. Практика применения ускоренных производств в различных государствах достаточно обширна, что связано с многообразием видов ускоренных форм осуществления уголовного процесса. Что касается Российской Федерации, то современное ускоренное досудебное производство по уголовным делам представлено институтами сокращенного дознания, досудебного соглашения о сотрудничестве, мерой уголовно-правового характера – судебным штрафом. Сущность рассматриваемых институтов сводится к оптимизации результата для решения уголовно-процессуальных задач при минимальных затратах сил и ресурсов [7, с. 1].

При этом традиционная и ускоренная формы расследования преступлений, как основные процессуальные механизмы, используют для реализации своих целей многочисленные достижения научно-технического прогресса, которыми может выступать и судебная экспертиза – один из способов получения доказательственной информации [3, с. 1].

Организация экспертного сопровождения досудебного производства по уголовному делу

в значительной степени обеспечивает эффективность и результативность раскрытия и расследования преступлений [2, с. 26]. В связи с этим представляет интерес исследование «правовой природы», особенностей реализации института судебной экспертизы в ускоренных формах судопроизводства.

Судебная экспертиза, назначаемая в рамках досудебного производства, является особым видом следственного действия, состоящим из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [2, с. 7].

Определение сроков начала производства судебных экспертиз является прерогативой следователей (дознавателей) и находит свое отражение в постановлениях о назначении судебной экспертизы при передаче материалов, необходимых для исследования, в экспертное учреждение. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации рекомендует следователям в рамках расследования по делу учитывать объем, сложность предстоящих исследований, нормативные затраты времени на их проведение, фактическую загруженность экспертов и иные обстоятельства, связанные с производством экспертизы. Однако, как показывает практика, в большинстве случаев материалы для исследования распределяются начальниками экспертных учреждений не всегда с учетом предложений инициатора исследования [5, с. 279]. В случае невозможности выполнить судебную экспертизу в установленный срок допускается продление сроков, целесообразно при этом уведомлять инициатора для реализации последним других задач, стоящих перед расследованием. При этом имеют место случаи, когда выполнить судебную экспертизу в установленные сроки не представляется возможным ввиду определенной сложности исследования, вызванной многообъектностью (иными качественными характеристиками объекта исследования) либо трудностью определения экспертного учреждения (по причинам его отсутствия, обусловленного неисправностью лабораторного оборудования, несовершенством методик исследования), которому могло быть поручено производство экспертизы.

Проведение подобного рода экспертиз предполагает достаточно длительные сроки производства, что значительно затягивает расследование уголовных дел в традиционной

форме уголовного процесса, в т.ч. и в ускоренной уголовно-процессуальной форме. Вышеуказанное ставит под сомнение эффективность реализации института судебной экспертизы в ускоренном досудебном производстве по уголовным делам.

Для того, чтобы определить весомость значения рассматриваемого института в ускоренных производствах по делу, считаем целесообразным обратиться к юридической практике их применения. Так, анализ практики реализации института судебной экспертизы позволяет выделить проблемные вопросы, затрудняющие его применение в процессе реализации института ускоренного досудебного производства по уголовным делам.

Во-первых, в следственной практике имеют место случаи, когда назначение судебной экспертизы было несвоевременным, а заключение эксперта было «заменено» актами и справками, полученными по запросу следователя [2, с. 27]. Считаем, что несвоевременное назначение судебной экспертизы может повлечь за собой порчу, искажение или уничтожение отдельных объектов экспертного исследования, которое может привести к неоправданному затягиванию сроков производства по делу, что противоречит сущности ускоренного досудебного производства по уголовным делам.

Во-вторых, не исключены случаи необоснованного увеличения сроков производства судебных экспертиз, вызванные преднамеренным затягиванием сроков подготовки экспертного заключения [6, с. 135].

В-третьих, для следователей нередко становится сложным выбор экспертного учреждения или эксперта, которому поручается исследование, что связано с различными причинами, в числе которых неосведомленность следователя о возможностях судебной экспертизы и экспертных учреждений.

В-четвертых, длительные сроки производства судебных экспертиз могут быть обусловлены неосознанием в полной мере «правовой природы» ускоренных процессуальных форм производства по уголовным делам, а также неадекватной организацией расследования преступлений [1, с. 114].

Таким образом, институт судебной экспертизы, к сожалению, в ускоренном досудебном производстве по уголовным делам не реализуется в полном объеме, что связано с вышеуказанными причинами, а также с тем, что решение задач, стоящих перед экспертизой, объек-

тивно невозможно выполнить ввиду значительной компактности сокращенных сроков.

Подводя итог, можно отметить, что, несмотря на введение в институт качественно новых уголовно-процессуальных форм, не должны ухудшаться качественные характеристики процесса производства по уголовным делам. В частности, институт судебной экспертизы призван ускорить и «добавить объективности» процессу установления фактических данных об обстоятельствах события преступления, отсутствие которых ставит под сомнение качество проведенного расследования.

Литература

1. Малышева О.А., Гаврилов Б.Я. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы: монография. М.: Юрайт, 2018. 307 с.
2. Мишин А.В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу: учеб. пособие. Казань: Казанский федеральный университет, 2017. 94 с.

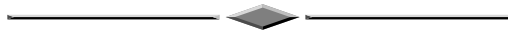
3. Назаркин Е.В. О роли судебных экспертиз в деятельности органов расследования преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Преступление, наказание, исправление. 2014. С. 1-4.

4. Очерк 10. Проблемы регулирования ускоренных форм судопроизводства. URL: <http://arbitr.ru/miscellany/U18S798E53879-Очерк-10-проблемы-регулирувания-ускоренных-форм-судопроизводства> (дата обращения: 01.09.2020).

5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. 658 с.

6. Сочивко О.И. К вопросу о назначении судебной экспертизы // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4. С. 135-136.

7. Ульянова И.Р., Горбенко Т.В. Ускоренное досудебное производство по уголовному делу: современное состояние и перспективы развития // Уголовное судопроизводство: современное состояние и перспективы развития: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции. Краснодар: КрУ МВД России, 2020.

Е.А. Тюлеева

Омская академия МВД России

Привлечение следователем сотрудника органа дознания при подготовке к допросу

Как для следователя, так и для органа дознания существуют одинаковые задачи по борьбе с преступностью, но решаются они разными способами и различными методами. Для следователя – это гласная, процессуальная работа путем проведения следственных действий, для оперативного сотрудника органов внутренних дел это, прежде всего, оперативно-разыскные мероприятия. Для успешного раскрытия преступления необходимо согласованная деятельность следователя и оперативного сотрудника, основанная на положениях УПК РФ и ведомственных нормативных актах.

Участие оперативного сотрудника в раскрытии, расследовании преступлений может носить различные виды и формы, о чем неоднократно подчеркивалась в юридической литературе [1, с. 481-485; 3, с. 540-549]. Одной из распространенных процессуальных форм взаимодействия

является привлечение органа дознания для участия в производстве следственных действий.

Допрос как следственное действие проводится по всем уголовным делам и является наиболее трудоемким как в организации, так и в тактике проведения. Помощь оперативного работника в организации допроса может способствовать не только реализации тактических замыслов следователя, но и технически облегчить проведение данного следственного действия. Подготовка к допросу связана с организацией и проведением целого ряда действий и составляет основную тактическую задачу следователя по изобличению виновного в совершении преступления. В литературе элементы подготовки допроса рассматриваются как применительно к общим положениям данного следственного действия, так и относительно отдельных видов и групп преступлений [4, с. 63-66; 2, с. 138-148]. Использование оперативно-разыскной информации при допросе может иметь различные направления – от ориентирующего характера до оценки содержащихся в ней данных. Использование следователем при допросе данных, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий, ограничено принципом нераз-

глашения информации и тем объемом сведений, которые будут до него доведены. При условии процессуальной самостоятельности следователя существует риск непреднамеренной утечки информации. Именно поэтому участие оперативного сотрудника, обладающего в полном объеме необходимой оперативной информацией при допросе, благоприятно скажется на результатах подготовки и проведения данного следственного действия.

Привлечение сотрудника органа дознания к подготовительным действиям по организации допроса основано на соблюдении как следователем, так и оперативным сотрудником условий самостоятельности при выборе способа и средства достижения цели и их компетенции в решении данных вопросов. Можно рекомендовать отдельные направления, в соответствии с которыми следователь выстраивает отношения с оперативным работником при подготовке допроса.

В первую очередь подлежат обсуждению формулировки вопросов, которые задаст следователь при проведении следственного действия. Данное положение особенно актуально в связи с требованиями ч. 2 ст. 189 УПК РФ о запрете навязывания вопросов, т.е. вопросов, которые внушают ответ.

Далее следует подумать над возможностью объяснения имеющейся у следователя информации, относящейся к обстоятельствам произошедшего события или поведения отдельных лиц, например получения сведений при проведении опроса. Возможно, для легализации сведений, полученных оперативным путем, предстоит вначале провести ряд следственных действий, истребовать материалы и т.п.

При подготовке вместе с оперативным работником следователь планирует установление обстоятельств (фактов), которые могут подтвердить содержание оперативной информации или, наоборот, опровергнуть, вплоть до принятия решения о том, что такая информация ложная.

Следует рекомендовать обсуждение содержания оперативно-тактической комбинации с участием оперативного сотрудника, направленной на применение тактических приемов, связанных с преувеличенным представлением допрашиваемого об объеме доказательств. В этом отношении для следователя будут важны сведения о поведении допрашиваемого среди своих сверстников, а если он был ранее судим, то и

в местах лишения свободы, с целью выяснить его характер, волю, степень выдержки. Такие сведения помогут в принятии тактического решения, в основе которого должна быть уверенность в том, что перед следователем находится на допросе лицо, именно совершившее преступление, естественно, при условии недопущения обмана.

Присутствие оперативного сотрудника при допросе может быть связано с оказанием психологической поддержки следователя, особенно если имеется информация о возможном противодействии допрашиваемого. Многие криминалисты говорят о восстановлении «количественного паритета», т.к. на стороне допрашиваемого зачастую выступают защитник или адвокат [5, с. 43].

Во время подготовки к допросу следователь обсуждает с оперативным работником и его возможность оказания технической помощи, например, в применении видеосъемки хода и результатов следственного действия. Для этой цели может привлекаться и специалист, однако учитывая необходимость проверки оперативным сотрудником имеющейся у него информации, его присутствие при допросе вполне оправданно.

Следует заметить, что подготовительные действия следователя не ограничиваются перечисленными направлениями. В зависимости от имеющейся на момент принятия решения о допросе следственной ситуации возможно решение и иных вопросов.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 944 с.
2. Анешева А.Т., Кузнецов А.А. Первоначальный этап расследования грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 192 с.
3. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Вольнского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2008. 943 с.
4. Криминалистическая тактика: учеб. пособие / под общ. ред. А.Г. Филиппова. М.: Юрайт, 2019. 207 с.
5. Порубов Н.И., Порубов А.Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 304 с.

А.В. Шебалин, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт
МВД России

**Карта вызова скорой медицинской
помощи как носитель значимой
для расследования умышленного
причинения тяжкого вреда здоровью
информации**

Анализ статистических данных, отражающих состояние преступности в России за 8 месяцев 2020 г., наглядно демонстрирует стабильность тенденции сокращения числа некоторых, обладающих высокой степенью общественной опасности, криминальных деяний. Так, наблюдается снижение на 4,9% количества таких преступлений против личности, как умышленные причинения тяжкого вреда здоровью. Однако изучение абсолютных статистических величин показывает, что за указанный период тяжкий вред здоровью был причинен 24,3 тыс. человек [1]. Такое большое количество пострадавших и наличие 392 нераскрытых фактов этих общественно опасных деяний заставляют говорить о необходимости вовлечения в сферу уголовного судопроизводства дополнительных носителей значимой для производства по уголовному делу информации [1].

Проведенное исследование материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и находившихся в производстве следственных подразделений УМВД России по г. Барнаулу в 2020 г. показало, что следователи в ходе предварительного расследования в абсолютном большинстве случаев не истребуют карты вызова скорой медицинской помощи (далее – карта вызова) и не используют содержащиеся в них данные, тогда как внесенные в них сведения могут оказать неоценимую помощь в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Карта вызова представляет собой документ, в котором отражается состояние пациента на время осмотра, диагностические и лечебные мероприятия; своевременность и правильность постановки диагноза и оказания медицинской помощи, состояние пациента после оказания медицинской помощи, тактика ведения пациента в условиях скорой медицинской помощи, результат вызова [4].

Форма карты вызова установлена приложением 3 к приказу Минздравсоцразвития РФ от

2 декабря 2009 г. № 942 [3]. Она представляет собой бланк, в котором содержатся графы, заполняемые авторучкой с пастой черного или синего цвета. Необходимо отметить, что карта вызова заполняется на каждый случай выезда бригады скорой медицинской помощи (далее – СМП) независимо от наличия или отсутствия пациента. Карта вызова после заполнения подписывается врачом СМП и сдается фельдшеру, принимающему вызовы. При этом делается отметка в Журнале записи вызовов скорой медицинской помощи [3]. Оформленные карты хранятся в течение одного года в справочном отделе подстанции СМП.

Изучение содержания карты вызова показывает, что в ней может содержаться следующая важная для расследования умышленного причинения тяжкого вреда здоровью информация:

1. Время передачи вызова бригаде СМП, выезда на вызов, прибытия на выезд. Эти данные позволяют уточнить время совершения преступления, что особенно важно в том случае, когда пострадавший не может указать временной период, когда в отношении него было совершено нападение.

2. Место вызова и адрес вызова, в т.ч. район, населенный пункт, улица, дом, подъезд, этаж, квартира. Такие сведения помогут получить информацию о месте совершения преступления или, по крайней мере, месте нахождения пострадавшего после его совершения.

3. Данные о лице, вызывавшем бригаду СМП, о фельдшере, принявшем вызов, о составе бригады СМП будут способствовать установлению этих лиц с целью получения от них значимой информации.

4. Сведения о больном (фамилия, имя, отчество, возраст, пол, место работы, серия и номер документа, удостоверяющего личность, место регистрации, социальный статус) предоставят информацию о пострадавшем, которая может быть использована для построения и проверки версий, выбора тактических приемов производства следственных и иных процессуальных действий.

5. Повод к вызову (например, несчастный случай) и его причина (криминальная) могут указать на изначальный характер произошедшего и его восприятие пострадавшим и окружавшими его людьми.

6. Сведения в графе «Жалобы» могут содержать информацию о произошедшем и личности виновного лица со слов пострадавшего.

7. Анамнез болезни, объективные данные, диагноз, осложнения характеризуют состояние потерпевшего на момент приезда бригады СМП, что позволит судить о посткриминальной ситуации.

В соответствии с пунктом 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством [2]. Карта вызова может быть отнесена к такому виду доказательств, как иные документы, поэтому в ходе досудебного производства по умышленному причинению тяжкого вреда здоровью следователь, учитывая это, может истребовать ее или ее копию в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

Таким образом, карта вызова скорой медицинской помощи содержит в себе важную для расследования умышленного причинения тяжкого вреда здоровью информацию, способствующую установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, и оптимизации производства по уголовным делам этого вида.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2020 года // Официальный сайт Мини-

стерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21244698/>

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении статистического инструментария станции (отделения), больницы скорой медицинской помощи (вместе с «Инструкцией по заполнению формы отраслевой статистической отчетности № 40 «Отчет станции (отделения), больницы скорой медицинской помощи», «Инструкцией по заполнению учетной формы № 109/у «Журнал записи вызовов скорой медицинской помощи», «Инструкцией по заполнению учетной формы № 110/у «Карта вызова скорой медицинской помощи», «Инструкцией по заполнению учетной формы № 114/у «Сопроводительный лист станции (отделения) скорой медицинской помощи и талон к нему», «Инструкцией по заполнению учетной формы № 115/у «Дневник работы станции скорой медицинской помощи») [Электронный ресурс]: приказ Минздравсоцразвития РФ от 2 декабря 2009 г. № 942. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Правила заполнения карты вызова СМП // Официальный сайт Государственного бюджетного учреждения Республики Саха (Якутия) «Станция скорой медицинской помощи». URL: <http://ssmp14.ru/>

*Н.В. Шепель, канд. юрид. наук
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
МВД России*

Особенности криминалистической оценки сигнального и газового оружия

Современный рынок оружия представлен разнообразием моделей, что порой затрудняет оценку степени опасности конкретных образцов оружия, а также принятие решений об изъятии подобных объектов из оборота.

Так, по статистическим данным, в январе-июле 2020 г. совершено 1189,5 тысячи преступлений, связанных с незаконным оборотом ору-

жия – 15,4 тысячи, в т.ч. с использованием сигнального, газового оружия – 2288 [1].

При решении вопросов об отнесении объектов промышленного производства к категории огнестрельного оружия основным критерием является их целевое назначение, а именно поражение цели, что закреплено в соответствующих нормативных документах [2, 4].

Следует отметить, что большинство моделей сигнального и газового оружия не соответствуют требованиям, предъявляемым Федеральным законом «Об оружии», Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации [3], а также требованиями Министерства внутренних дел Российской Федера-

ции [5], а именно: сигнальное и газовое оружие не должно без необратимых изменений конструкции обеспечивать возможность производства выстрелов металлическими снарядами, в результате которых им сообщается удельная кинетическая энергия более 0,5 Дж/мм. Сигнальное и газовое оружие – это не боевое оружие. Прямое назначение сигнального – подача сигнала, громкого выстрела. В отличие от боевого оружия, призванного обеспечить безопасность, подобные модели разработаны для создания мощного шумового эффекта. Они помогут отпугнуть собак, подать сигнал в случае опасности. Кроме того, их применяют в спортивных состязаниях. Так, например, широко известны стартовые пистолеты турецкого производства, созданные фирмой АТАК ARMS, брендов Zoraki, Stalker, Uzi, Streamer калибра 9 мм. Они к огнестрельному оружию не относятся, поскольку по своему целевому назначению являются сигнальными.

Газовые пистолеты и револьверы, достаточно широко распространенные в качестве гражданского оружия самообороны, например, пистолеты немецкого производителя ROHM GmbH RG 88, Mauser HSc mod. 90 калибра 9 мм, по своему целевому назначению являются газовыми и к огнестрельному оружию также не относятся.

В то же время при исследовании и оценке указанных видов оружия отметим, что если нет сертификатов соответствия и конструкции не отвечают требованиям законодательства об оружии, то они должны быть изъяты из оборота органами, уполномоченными на данный вид деятельности.

Указанные модели оружия не сертифицированы и не лицензированы на территории России и, соответственно, запрещены к обороту. Кроме того, конструктивные особенности большинства рассматриваемых образцов оружия позволяют производить выстрелы металлическими снарядами, имеющими удельную кинетическую энергию более 0,5 Дж/мм², но указанный факт не повод для признания указанных образцов огнестрельным оружием (не предназначены для поражения цели и в их конструкцию не внесены необратимые изменения).

Возможность производства выстрелов из рассматриваемых образцов сигнального и газового оружия металлическими снарядами также не соответствует Криминалистическим требованиям [5]. Однако следует иметь в виду, что указанная норма Криминалистических требова-

ний предусмотрена для контроля технических характеристик сигнального и газового оружия, предназначенного к обороту на территории России, поэтому вопрос о соответствии вышеуказанным требованиям оружия, находящегося в легальном обороте, решается в рамках сертификации при проведении испытаний данных видов оружия соответствующими испытательными лабораториями, аккредитованными Федеральной службой по аккредитации. Решение указанных задач на экспертов-криминалистов не возложено. Вместе с тем сотрудники указанных подразделений могут отражать факты несоответствия технических характеристик исследуемых образцов оружия как Криминалистическим требованиям, так и требованиям законодательства об оружии в целом, поскольку это в дальнейшем может послужить основанием для проведения повторных испытаний и аннулирования сертификатов соответствия.

Учитывая изложенное, при криминалистической оценке сигнального и газового оружия промышленного производства, в рамках производства баллистических экспертиз и исследований следует классифицировать указанные объекты относительно данных сертификата соответствия, технической документации предприятия – изготовителя оружия, данных, содержащихся в информационно-справочных материалах, конструктивных признаков объекта и его маркировочных обозначений, результатов сравнения исследуемых образцов оружия с образцами, содержащимися в коллекции эталонных образцов гражданского и служебного оружия ЭКЦ МВД России.

В случае если исследуемые образцы оружия по своему назначению не являются огнестрельным, но изъяты из нелегального оборота, не имеют сертификатов соответствия и обладают отдельными признаками, свойственными огнестрельному оружию (например, позволяют производить выстрелы снарядами с энергией, достаточной для причинения опасных для жизни и смертельных повреждений человеку), целесообразно отражать это в заключениях баллистических экспертиз для оценки степени опасности конкретных образцов оружия, а также принятия решений об изъятии подобных объектов из оборота.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2020 года // Официальный сайт Мини-

стерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/20901417/>

2. Методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.

3. О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 (в ред. от

29.03.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об оружии [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (в ред. от 30.01.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему: приказ МВД России от 30 июня 2017 г. № 429.

Н.В. Шкурихина, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

К вопросу о классификации типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования заведомо ложного доноса

При расследовании заведомо ложного доноса на первоначальном этапе могут складываться различные следственные ситуации. Ученые определяют криминалистическую (следственную) ситуацию как «совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определенный момент расследования преступления» [5, с. 90]. Такой взгляд на криминалистическую ситуацию отражает ее главные составляющие: информационный аспект (наличие или отсутствие фактических данных криминалистически значимой информации о расследуемом событии и его обстоятельствах); этапность возникновения и разрешения ситуаций; временную характеристику ситуаций.

По преступлениям, предусмотренным ст. 306 УК РФ, следственные ситуации первоначального этапа расследования можно классифицировать по следующим основаниям:

В зависимости от цели ложного доноса:

- заявитель хочет привлечь к ответственности конкретное лицо.

09.02.2019 примерно в 22:30 у Гуряшиной Д.В., находящейся по месту своего жительства, на почве ранее возникших в ходе ссоры со Стасовым В.В. неприязненных отношений и ревности, возник преступный умысел на заведомо ложное сообщение о совершенном в отношении неё преступлении. Осуществляя

задуманное действие, осознавая общественную опасность совершаемого ею деяния, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, Гуряшина Д.В. примерно в 01:00 10 февраля 2019 г., действуя умышленно, будучи предупрежденной об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, находясь в служебном автомобиле, сообщила участковому уполномоченному ОМВД России по Лабинскому району заведомо для нее не соответствующие действительности сведения о том, что 9 февраля 2019 г. примерно в 23:30 Стасов В.В. при помощи кухонного ножа причинил ей телесные повреждения и угрожал физической расправой, то есть о преступлении, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, которое согласно ст. 15 УК РФ относится к категории преступлений небольшой тяжести. Подписывая бланк заявления о совершении в отношении неё данного преступления, Гуряшина Д.В. достоверно знала, что указанные ею события преступления в действительности не происходили [3].

- заявителю необходимо, чтобы было возбуждено уголовное дело.

22 марта 2019 г. около 23:00 Ерыгин С.Н., находясь в состоянии алкогольного опьянения у себя дома, осознавая, что самостоятельно найти бывшую сожительницу Жирову, которая не желает поддерживать с ним отношения, не получается, с целью отыскания последней решил обратиться в МО МВД России «Акишинский» с заявлением о проникновении в его жилище и хищении сотового телефона. Реализуя свой преступный умысел, 22 марта 2019 г. около 23:20 Ерыгин С.Н., находясь в МО МВД России «Акишинский», будучи предупрежденным сотрудником полиции об уголовной

ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос о совершении преступления, действуя умышленно, из-за личной заинтересованности с целью отыскания Жировой, достоверно зная о том, что в его жилище никто не проникал и телефон находится в пользовании у Жировой, осознавая, что сообщает в правоохранительные органы заведомо ложные сведения, обратился с письменным заявлением о проникновении в его жилище и хищении сотового телефона неизвестными лицами, чем ввел в заблуждение правоохранительные органы, тем самым совершил заведомо ложный донос о совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража», то есть тайного хищения чужого имущества, совершенного с незаконным проникновением в жилище. 22 марта 2019 г. в 23:30 оперативным дежурным МО МВД России «Акишинский» заявление Ерыгина С.Н. о преступлении зарегистрировано. По данному заявлению в порядке ст. 144-145 УПК РФ была проведена проверка, по результатам которой было установлено, что сообщение Ерыгина С.Н. о совершенном преступлении ложное [2].

В зависимости от времени, когда была выявлена ложность заявления о преступлении:

- на этапе предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении.

Так, например, 23 февраля 2019 г. в 23:34 Воропаев П.А., будучи в состоянии алкогольного опьянения, находился у себя дома по адресу д. Кунгул Абанского района Красноярского края, где у него возник умысел на заведомо ложный донос о совершении преступления. В это же время Воропаев П.А. позвонил по телефону 02 в дежурную часть ОМВД России по Абанскому району и сообщил о том, что неизвестные лица совершили угон принадлежащего ему автомобиля ВАЗ-21093. На следующий день Воропаев П.А., находясь в ОМВД России по Абанскому району Абанского района Красноярского края, будучи предупрежденным об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ, собственноручно написал заявление о привлечении к уголовной ответственности неустановленных лиц, которые 23 февраля 2019 г. в период с 18 часов до 20 часов совершили угон его автомобиля ВАЗ-21093, который находился возле его дома. Заявление Воропаева П.А. было зарегистрировано в КУСП ОМВД России по Абанскому району. В тот же день, т.е. 24 февраля 2019 г., Воропаев П.А., находясь в служебном автомобиле де-

журной части ОМВД России по Абанскому району, в д. Кунгул Абанского района Красноярского края, продолжая свой преступный умысел, достоверно зная, что его автомобиль никто не угонял, понимая, что своими действиями дестабилизирует работу правоохранительных органов и нарушает нормальное функционирование следствия и дознания, дал письменное объяснение старшему дознавателю ОД ОМВД России по Абанскому району Ж. Т.Г., в котором сообщил органам, имеющим полномочия возбуждать уголовные дела, о том, что 23 февраля 2019 г. в период с 18 часов до 20 часов неизвестное лицо совершило угон принадлежащего ему автомобиля, который находился возле его дома, то есть сообщил о совершенном в отношении него преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 166 УК РФ. В ходе предварительной проверки было установлено, что в заявлении и в объяснении Воропаев П.А. указал сведения, не соответствующие действительности, а именно было установлено, что 23 февраля 2019 г. около 19:30 Воропаев П.А. на своем автомобиле ВАЗ-21093 двигался по трассе Абанского района Красноярского края, где был обнаружен сотрудниками ДПС ОМВД России по Абанскому району. Они потребовали Воропаева П.А. остановиться. Однако Воропаев П.А. требования сотрудников полиции проигнорировал и попытался скрыться, увеличив скорость. Сотрудники ДПС на служебном автомобиле начали преследование автомобиля ВАЗ-21093. На 13-м километре автодороги Абан – Держинское Воропаев П.А. не справился с управлением автомобиля и допустил съезд автомобиля с дороги, после чего скрылся от сотрудников ДПС ОМВД России по Абанскому району [1].

- на этапе расследования преступления, о котором сообщено в заведомо ложном доносе.

Симонова О.Н. совершила заведомо ложный донос о совершении преступления при следующих обстоятельствах. 23 февраля 2019 г. около 02:20 Симонова О.Н., находясь в фойе здания ОП «Шатровское» МО МВД России «Каргапольский» на ул. Ленина, д. 45 в с. Шатрово Шатровского района Курганской области, на почве личных неприязненных отношений, умышленно, с целью привлечения Борисова И.В. к уголовной ответственности за совершение преступлений, осознавая, что сообщает факты, не имевшие места в действительности, будучи предупрежденной участковым уполномоченным полиции об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ, собственно-

ручно написала заявление в ОП «Шатровское» о том, что в вечернее время 21 февраля 2019 г. Борисов И.В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, из личных неприязненных отношений на протяжении двух часов умышленно причинял ей физическую боль и психические страдания путем нанесения ударов руками по различным частям тела, а также высказывал угрозы убийством, демонстрируя нож.

По заявлению Симоновой О.Н. ОП «Шатровское» МО МВД России «Каргапольский» проведена проверка в порядке, предусмотренном ст. 144, 145 УПК РФ, по результатам которой приняты решения о возбуждении в отношении Борисова И.В. уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 117, ч. 1 ст. 119 УК РФ, соединенных в одно производство. По результатам расследования уголовного дела 27 марта 2019 г. на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием события преступления, принято решение о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении Борисова И.В. по ч. 1 ст. 117, ч. 1 ст. 119 УК РФ. Своими умышленными преступными действиями Симонова О.Н. ввела сотрудников правоохранительных органов в заблуждение, нарушив нормальное функционирование правоохранительного органа, причинив при этом Борисову И.В. моральный вред [4].

Исходя из типичной следственной ситуации, сложившейся в определенный момент расследования заведомо ложного доноса, можно говорить об алгоритме ее разрешения. Так, если о ложности заявления стало известно на этапе предварительной проверки заявления о преступлении, то следователю надлежит:

- допросить соседей, близких родственников заявителя, которым что-либо известно об обстоятельствах якобы совершенного преступления;

- путем допроса получить от заявителя подробное объяснение обо всех известных ему обстоятельствах дела;

- собрать документы – вещественные доказательства, опровергающие заявление о якобы совершенном преступлении.

Если разоблачение ложного доноса происходит в процессе расследования уголовного дела, а факты, указанные в заявлении, не подтверждаются, то следователю необходимо:

- собрать доказательства ложности заявления при помощи следственных действий, ОРМ и организационных мероприятий;

- допросить свидетелей, которым что-либо известно о произошедшем событии, с которыми заявитель делился своими планами, соображениями либо которых уговаривал дать ложные показания.

Таким образом, определив совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определенный момент расследования преступления, т.е. криминалистическую ситуацию, можно выбрать наиболее оптимальный алгоритм ее разрешения при помощи проверочных действий, а также следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Литература

1. Архив Абанского районного суда Красноярского края. Приговор № 1-53/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 1-53/2019.
2. Архив Акшинского районного суда Забайкальского края. Приговор № 1-48/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 1-48/2019.
3. Архив Лабинского районного суда Краснодарского края. Приговор № 1-30/2019 от 29 мая 2019 г. по делу № 1-30/2019.
4. Архив Шатровского районного суда Курганской области. Приговор № 1-41/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 1-41/2019.
5. Гавло В.К. О первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений: доклад итоговой науч. конф-ции юрид. факультетов. Томск, 1968. Ч. 3.

Н.В. Шухова, канд. техн. наук, доцент
Новосибирский военный институт
имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии
Российской Федерации

О частной теории криминалистики в эпоху всеобщей цифровизации

В настоящей статье обсуждаются вопросы развития современной частной теории криминалистики в условиях ускоренного внедрения цифровых технологий во все сферы общества во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 и согласно Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации».

Основы частной криминалистической теории в настоящее время активно разрабатывают В.Б. Вехов (электронная криминалистика, теория компьютероведения), Е.Р. Россинская (теория компьютерно-информационного обеспечения криминалистической деятельности), А.Б. Смушкин (электронная цифровая криминалистика) и другие авторы.

В своих публикациях А.Б. Смушкин [3, с. 117; 4, с. 104] рассматривает создание и оформление достижений криминалистики в этой сфере в рамках единой концепции частной теории криминалистики: достаточно подробно анализирует теоретические подходы Р.С. Белкина, Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина, В.П. Лаврова о частной криминалистической теории и исследует взгляды на проблемную область В.Я. Колдина, М.А. Романенко, Р.А. Дерюгина, К.Е. Домина, В.Н. Карагодина, П.С. Пастухова, И.В. Медведева, а также Н.Н. Федотова о форензике – компьютерной криминалистике, В.А. Мещерякова – о цифровой криминалистике и др. Автор, хотя не без критики, но поддерживает выводы Н.В. Шуховой и А.Л. Снигирева [5, с. 332; 6, с. 270] о структурных составляющих содержания криминалистики, актуальных при развитии компьютерно ориентированных технологий, их комплексно-интегральном характере, о значении технико-криминалистических аспектов работы с цифровыми следами и доказательствами, а также нормативно-правовой регламентации формирования доказательств.

Несмотря на предпринятые усилия, по сей день криминалистам не удалось решить проблему устранения различной терминологии (форензика, компьютерная криминалистика,

компьютерно-информационное обеспечение криминалистической деятельности, электронная криминалистика, электронная цифровая криминалистика и др.), что, по нашему мнению, не способствует развитию единой концепции частной теории криминалистики. Поэтому предлагается обратить внимание на термин «цифровая криминалистика», что обусловлено, прежде всего, согласованностью с задачей цифровизации общества и Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации».

Примерами реализации направлений Национальной программы является создание единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации [1]; вступление в силу с 1 января 2020 г. поправок в трудовое законодательство по ведению работодателями учета сведений о трудовой деятельности работников в электронной форме; принятие поправок в законодательство о нотариате и способах удаленного оказания нотариальных услуг. В рамках Национальной программы активно обсуждается внедрение новых цифровых процедур в судопроизводство. Изменяются характер взаимоотношений лиц физических, юридических и государства (портал «Госуслуги»), образ жизни человека («умный город», «умный дом», телемедицина, дистанционное образование, охрана объектов с использованием следящих систем и т.д.), современные принципы общения (социальные сети, системы обмена мгновенными сообщениями и др.), расширяются виды деятельности с использованием обширных цифровых платформ (личные кабинеты банковских услуг, онлайн-площадки интернет-магазинов, агрегаторы такси с моментальным расчетом цены поездки и пр.), принципы учетной дисциплины с использованием технологий накопления и обработки больших данных. И, как следствие, возникают ранее неизвестные обществу риски, связанные, прежде всего, с проблемами надежности технологий защиты информации, оценки степени доверия к участникам, получающим доступ к цифровым данным.

Во всех перечисленных выше примерах именно цифра является информационной основой всех процессов, а электронная составляющая – это один из доступных сегодня вариантов ее записи на носитель информации. В основе цифровой записи в настоящее время лежат электромагнитные свойства материалов, которые с развитием технологий могут быть заме-

нены на более совершенные, например, использующие квантово-волновые свойства света или возможности биоматерии. Способ записи и материал-носитель непостоянны, в то время как цифра стабильна, т.к. именно она несет в себе смысл. Теория криминалистики не должна зависеть от изменений технологии записи данных, в связи с чем говорить о цифровой криминалистике считаем более обоснованным.

Цифровизация – это совершенно иная реальность с новыми возможностями. Но не все лица используют достижения цивилизации с благими намерениями. Аналитические отчеты и статистика свидетельствуют о тревожных тенденциях, характеризующих состояние преступности в сфере компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных технологий. Число зарегистрированных преступлений в Российской Федерации только за 7 месяцев 2020 г. [2, с. 4] достигло 272,7 тысячи в данной сфере, что на 94% больше показателей аналогичного периода предыдущего года и по своему уровню приближается к годовым показателям 2019 г. (294 тысячи).

В этих условиях сегодня, как и прежде, правоохранители вынуждены «бежать по следу» правонарушителя, но только уже не в привычном материальном мире, а все более в цифровом киберпространстве, где при его посещении также формируются материальные и идеальные следы деяний конкретных лиц. Эти следы так же, как и следы в иных сферах деятельности человека, могут быть обнаружены, зафиксированы, исследованы и использованы как доказательства в суде.

Несомненно, необходимость разработки единой частной теории цифровой криминалистики актуальна и обусловлена заданной стра-

тегией цифровизации всех сторон жизни российского общества, а возможности ее создания определяются криминалистами, мыслящими в новых реалиях.

Литература

1. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-июль 2020 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: [http://МВД.РФ / Sb_2007.pdf](http://МВД.РФ/Sb_2007.pdf) (дата обращения: 19.09.2020).

3. Смушкин А.Б. О природе электронной цифровой криминалистики // Lex russica (Русский закон). 2020. № 6 (163). С. 110-121.

4. Смушкин А.Б. Цели, задачи и функции электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 103-107.

5. Шухова Н.В., Снигирев А.Л. О роли форензики в криминалистическом обеспечении расследования преступлений // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сб. ст. XX междунар. науч. конф-ции (Москва, 24-25 мая 2011 г.). М., 2011. С. 331-333.

6. Шухова Н.В. Некоторые информационные аспекты расследования нераскрытых преступлений // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: сб. мат-лов межвуз. научного семинара. М., 2008. С. 267-271.

Н.Л. Эйхвальд

Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

**К вопросу автоматизации
криминалистического учета следов
подошв обуви**

Без исключения по всем уголовным делам перед следователем стоит задача обнаружения материальных, идеальных следов произошедшего, подготавливаемого, совершаемого, совершенного преступления. Поэтому одной из важных задач криминалистики является разработка средств, методов, способов, приемов обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов преступления. В частности, важным по отдельным видам преступлений, например, врезки в нефтепровод, кражи из жилых домов и помещений, кражи транспортных средств является обнаружение следов подошв обуви.

Качественно проведенный осмотр места происшествия и фиксация данных следовотображений в совокупности с иными доказательствами способствует дальнейшему успешному установлению лиц, причастных к преступной деятельности. В связи с этим для оптимизации процесса идентификации следов подошв обуви, обнаруженных на местах происшествий, приказом МВД России [2] утверждено ведение криминалистического учета следов подошв обуви. Однако на практике сотрудники органов предварительного расследования и специалисты-криминалисты сталкиваются с проблемами работы по формированию и ведению данного криминалистического учета, которые обусловлены следующим.

Во-первых, низкий идентификационный период следов ввиду высокой степени износа подошв обуви и ее интенсивной эксплуатации. При этом мы должны понимать, что общие признаки, такие как форма, размер подошвы, форма и размер ее частей, отсутствие или наличие каблучков и подметок, рельеф подошвы, способ крепления подошвы к верхней части обуви, следы износа, трещины, заплатки и т.д. будут отображаться полноценно, но они не будут нести идентификационного характера, а вот частные признаки (признаки, приобретенные в процессе эксплуатации обуви в виде различных неровностей, отсутствия элементов рисунка подошвы, следов ремонта в виде заплат, швов, наклеек, а также расположение элементов их крепежа) [1, с. 215-216] при позднем проведе-

нии идентификации и изъятии обуви у конкретного лица будут уничтожаться, изменяться и уменьшать процент идентификации.

Во-вторых, направление на исследование соответствующих образцов для сравнительного исследования, так называемых «бутокарт» (от английского *boot* – ботинок), а именно оттисков подошв обуви лиц, представляющих оперативный интерес для проверок по учету следов подошв обуви, изъятых с нераскрытых мест преступлений. Например, правила дактилоскопирования и заполнения дактилоскопических карт, а также образец самой дактилоскопической карты подробно описаны в «Положении о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации» [3]. Понятие же «бутокарта» в нормативных актах не закреплено. Нет рекомендаций получения образцов, времени получения, а также не определен круг лиц, обязанных осуществлять «бутоскопирование».

В-третьих, ведение криминалистического учета следов подошв обуви ведется на местном и региональном уровнях. При этом ведется он вручную в форме картотеки [2, п. 6]. Однако следует учитывать, что современное общество характеризуется динамичным перемещением населения между регионами страны, что обуславливает снижение значимости рассматриваемого учета при решении задачи раскрытия преступлений.

Так, например, по уголовным делам о врезке в трубопровод часто субъектом преступления является лицо, не проживающее постоянно на территории совершения преступления (так называемый преступник-гастролер), в связи с чем возникает очередная проблема в применении учета следов подошв обуви. Поэтому на практике данный вопрос реализуется таким образом: проверяется по данному учету только установленное и задержанное лицо и изымается у него соответствующая обувь для исследований.

Однако, учитывая современный уровень развития криминалистических электронно-вычислительных средств, например, ЦИАДИС МВД, АБИС «Арсенал» и иных автоматизированных аппаратно-программных комплексов, стоящих на вооружении в правоохранительных органах, считаем, что следует говорить и о необходимости автоматизации процессов рассматриваемого вида учетов, чтобы устанавли-

вать лиц, которые совершают одни и те же преступления в разных местах, в т.ч. и регионах.

Таким образом, если говорить об автоматизации криминалистического учета следов подошв обуви, то следует понимать, что необходимо создание такой программы, которая бы позволила:

- вводить и хранить следы подошв обуви, сопроводительную информацию о данных следах;
- вводить и хранить «бутокарты» (изображения оттисков обуви), сопроводительную информацию о них;
- вводить и хранить отсканированные изображения не только самой подошвы, но и верхней части обуви;
- анализировать данные подошв обуви по всей электронной базе;
- отправлять «бутокарты» в базу данных;
- проводить поиск в режиме «след-оттиск», «след-след», «след-подошва»;
- выводить рекомендательный список.

В качестве примера отечественного аппаратно-программного комплекса ведения учета следов подошв обуви можно отметить разработанный фирмой АО «Папилон» сканер обуви, который предназначен для получения цифровых изображений подошвенной и верхней части обуви задержанных лиц в дежурных частях, следственных изоляторах и т.д., с целью дальнейшей идентификации по следам обуви с мест происшествий.

Автоматизация рабочего места специалиста позволит не только ускорить процесс формирования самого учета, но и оперативно проводить проверку объектов как на местном, так на региональном уровне.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2017. 928 с.

2. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении положения о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 688, МЧС России № 472, Министра обороны России № 1214, Минфина России № 110н, Минюста России № 235, Минтранса России № 205, СВР России № 36, ФТС России № 1785, ФСБ России № 456, ФСО России № 468, ФСКН России № 402, ФМС России № 299 от 27.09.2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М.О. Янгаева, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт
МВД России

Типы личности киберпреступника

Сегодня мы не представляем жизни без компьютеров, планшетов, смартфонов. Для граждан всего мира перечисленные девайсы характеризуются удобством использования, многофункциональностью, мобильностью. Однако многие из нас и не задумываются, что с каждым годом наиболее серьезной угрозой для

всего общества становится киберпреступность. Именно она способна оказывать неблагоприятное влияние не только на информационные отношения, происходящие в сети Интернет, но и причинять ущерб как гражданам, так и государству в целом. К сожалению, на сегодняшний день не все государства могут в должной степени создать надежную безопасную информационную инфраструктуру для своих граждан.

В отечественной практике термин «киберпреступность» тождественен понятию «компьютерная преступность». Определение «киберпреступности» трактуют по-разному. В узком смысле под ней понимают преступления, отно-

сящиеся к гл. 28 Уголовного кодекса РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», а в широком – любые преступления, совершенные с помощью электронных устройств [1, с. 82].

Мы солидарны с мнением, высказанным экспертами ООН, и считаем, что любое преступление, которое можно совершить с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети либо против компьютерной системы или сети, можно охватить термином «киберпреступность» [3].

В отечественной и зарубежной литературе утвердилось наименование компьютерного преступника «киберпреступник», или «хакер».

Большое разнообразие киберпреступлений позволяет выделить разные типы киберпреступников, их совершающих. Научная типизация киберпреступников поможет отличить новичка от профессионала.

На сегодняшний день исходя из уровня компетентности, профилизации и мотивов выделяют восемь типов киберпреступников: «новичок», «киберпанк», «внутренний нарушитель», «вор», «вирусмейкер», «пентестер», «информационный воин», «фишер».

1. **«Новичок».** Киберпреступник, который только приобретает навыки программирования, работы с компьютерными технологиями и информацией. Как правило, «новичок» – это подросток 13-18 лет, который восхищается людьми, совершающими киберпреступления, желает быть на них похожим. Он совершает преступления ради острых ощущений и хвастовства. Цель «новичка» – быть признанным и принятым «хакерским сообществом».

2. **«Киберпанк»** – субъект, владеющий знаниями в сфере компьютерных технологий и программирования, он способен написать программный код, не обращаясь к справочной литературе. Эта категория лиц получает удовольствие, когда совершает киберпреступления, такие как рассылка спама, «вандализм» веб-страниц, хищение кредитных или личных данных.

Киберпанки мотивированы возможностью привлечь внимание средств массовой информации к своим противоправным действиям. Они склонны выбирать для атак серверы известных компаний, аккаунты знаменитых людей, чтобы привлечь больше внимания к своим действиям.

3. К **«внутренним нарушителям»** относят бывших сотрудников или обиженных сотруд-

ников компаний, которые стремятся отомстить, используя свои права доступа к компьютерным или сетевым системам компании. Эти киберпреступники наиболее опасны, т.к. являются или являлись системными администраторами компаний или профессионалами в области информационных технологий. Их мотивирует месть. Они считают, что их несправедливо уволили или недооценили.

В 2011 г. членами программы CERT в Университете Карнеги-Меллона проведено исследование, было изучено 48 уголовных дел о внутренних угрозах в компаниях с целью определения признаков преступного профиля личности преступника. Согласно исследованию большинство «внутренних киберпреступников» – мужчины в возрасте около 37 лет. 86% лиц похищали данные, которые они создали или работали с ними во время трудоустройства в компании. «Внутренний нарушитель» похищает данные одной компании и передает их конкурирующей. Он мотивирован саботажем и возможностью трудоустройства в противоположной компании в качестве вознаграждения за противоправную работу [4].

4. **«Ворам»** не нужна известность. Их мотивация – увеличить сумму на своих банковских счетах любым способом.

5. **«Вирусмейкер».** К этой группе относятся молодые люди (как мужчины, так и женщины) около 20-25 лет, обладающие профессиональными навыками для написания программного кода. «Вирусмейкеры» пишут вирусные программы с противоправным умыслом.

6. **«Пентестер»** редко взламывает системы с преступным умыслом. Эти лица обладают хорошо развитыми техническими навыками и являются авторами программного обеспечения, которым пользуются «новички» и «киберпанки». Основная мотивация «пентестеров» – постоянное любопытство к компьютерным системам и потребность в интеллектуальных задачах.

«Пентестеры» в учебных целях проводят санкционированные атаки на информационную систему компании для выявления потенциальных уязвимостей. Они не используют полученную информацию для личной выгоды, а лишь указывают на ошибки в системе безопасности [2, с. 4].

7. **«Информационный воин»** – лицо, которое не только проводит атаки, но и защищает от них. Считается, что киберпреступники подобного типа хорошо подготовлены в области ки-

бербезопасности и имеют многолетний опыт. Эти субъекты мотивированы необходимостью защищать свою страну. Они работают на дорогостоящем оборудовании и программном обеспечении, специализируются на промышленном шпионаже.

8. «Фишер» сочетает в себе высокоразвитые навыки использования социальной инженерии и заинтересованность в получении финансовой выгоды. Большинство фишеров предпочитают совершать преступление в команде, а не индивидуально, чтобы охватить больше людей.

Считаем, что полученная информация о типах личности киберпреступника позволит оптимизировать процесс выявления лиц, совершивших компьютерные преступления, выдвижение версий, а также позволит выбрать субъекту, производящему расследование, тактику своих дальнейших действий с участием подозреваемого (обвиняемого).

Литература

1. Абызов Р.М. Криминалистическая характеристика типовой личности международного киберпреступника // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2 (51). С. 82-86.
2. Балакин К.А. Социальная инженерия: вчера, сегодня, завтра // Политехнический молодежный журнал. 2019. № 6. С. 1-8.
3. Доклад X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/crime91.shtml.
4. Garcia N. The use of criminal profiling in cybercrime investigation. URL: https://www.researchgate.net/publication/327187114_The_use_of_criminal_profiling_in_cybercrime_investigations.

Содержание

<i>Аскарова Б.П.</i> О взаимодействии следователя с экспертами и специалистами в области судебной баллистики	3
<i>Архипова Н.А.</i> Отдельные аспекты взаимодействия дознавателей ОВД с участковым уполномоченным полиции в ходе раскрытия и расследования преступлений	4
<i>Афзалетдинова Г.Х.</i> К вопросу о расследовании мошеннических действий, совершенных с использованием средств сотовой связи и информационно-коммуникационной сети Интернет	6
<i>Бартенев Е.А.</i> Некоторые вопросы использования специальных исследований в ходе расследования нераскрытых преступлений прошлых лет	8
<i>Бойко Ю.Л.</i> Проблемные вопросы тактики допроса подозреваемых, обвиняемых по преступлениям против личности	10
<i>Виноградов А.А.</i> Типовой портрет потерпевшего в криминалистической модели механизма угона автомобиля	12
<i>Горшкова В.С.</i> Особенности фотофиксации обстановки, следов и объектов на месте происшествия по факту суицида	14
<i>Донцов Д.Ю., Китаев Е.В.</i> Некоторые особенности криминалистического исследования следов производственных механизмов, применяемых при производстве ликеро-водочной продукции	16
<i>Иванов И.В.</i> Тактические решения изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе вербальных следственных действий с его участием	17
<i>Иванов П.И., Шитов А.С.</i> К вопросу о криминалистическом обеспечении расследования налоговых преступлений	19
<i>Исмадова Т.И.</i> Подражание школьным прописям как вид намеренного изменения почерка	22
<i>Кабанова Ж.Ю.</i> О понятии осмотра места происшествия	24
<i>Каримов В.Х.</i> Анализ состояния криминалистического обеспечения борьбы с преступностью в информационно-телекоммуникационной сфере в контексте концепции устойчивого развития	25
<i>Киселёва М.А.</i> К вопросу о криминалистической классификации преступлений в частной полноструктурной методике расследования	27
<i>Князьков А.С.</i> О соотношении криминалистической идентификации и доказывания по уголовному делу	29
<i>Кондраткова Н.В.</i> Некоторые вопросы расследования самоубийств, совершенных под влиянием «групп смерти»	31
<i>Космодемьянская Е.Е., Прейс Н.Г.</i> К вопросу об особенностях расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (по материалам следственной практики)	32
<i>Кривошеин И.Т.</i> Формула мысли	34
<i>Кругликов В.Д.</i> Особенности предмета преступного посягательства по мелкому хищению, совершенному лицом, подвергнутым административному наказанию	35

<i>Кругликова О.В.</i> Особенности тактики предъявления для опознания предметов	36
<i>Кузнецов А.А.</i> Предупреждение дачи ложных показаний свидетелей, потерпевших при допросе	38
<i>Курин А.А.</i> Проблемы информационно-аналитического обеспечения раскрытия и расследования преступлений	40
<i>Лифанова Л.Г.</i> Нормативные требования и тактические рекомендации при производстве первоначальных следственных действий.....	41
<i>Мазунин Я.М., Мазунин П.Я.</i> Оценка доказательств судом как одна из проблем при разрешении уголовных дел.....	43
<i>Мазур Е.С.</i> Тенденции криминалистического обеспечения расследования ятрогенных преступлений.....	46
<i>Мамонтов А.Г.</i> К вопросу об особенностях тактики действий участкового уполномоченного полиции при поступлении сообщения о разбойном нападении	47
<i>Маслов Н.В., Суворов А.С.</i> Некоторые медико-криминалистические особенности диагностики повреждения одежды человека, причинённые выстрелами из охотничьего оружия 12-го калибра патронами с пыжом-контейнером и без него, в уголовном судопроизводстве	49
<i>Матчанов А.А.</i> Место криминалистической характеристики в технологии расследования коррупционных преступлений	51
<i>Мигунов О.С.</i> Некоторые аспекты безопасности при проведении осмотра места происшествия	53
<i>Михалева Д.А.</i> К вопросу об обстановке совершения преступления по фактам хулиганства	55
<i>Овсянников В.В.</i> К вопросу об участии специалиста в производстве допроса	56
<i>Пилякин М.И.</i> Способы совершения торговли людьми и использования рабского труда как элементы криминалистической характеристики одноименной методики	58
<i>Позий В.С., Кулаков В.А.</i> Некоторые особенности личности потерпевшего и преступника, характерные для корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в курортных городах	60
<i>Поляков В.В.</i> О понятиях «типовые», «типичные» и «конкретные» криминалистические ситуации.....	62
<i>Пупцева А.В.</i> Проблемные вопросы, связанные с первоначальным этапом расследования изнасилования	63
<i>Репин А.В.</i> О необходимости уточнения понятийного аппарата криминалистической фотографии.....	65
<i>Решняк О.А.</i> Проблемные вопросы раскрытия и расследования новых способов мошенничества	67
<i>Семененко Г.М.</i> Проблемы раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого бесконтактно	68
<i>Скоревич А.С.</i> Устранение вызванных добросовестным заблуждением субъективных искажений в показаниях допрашиваемого.....	70
<i>Соколов А.Б.</i> Гарантирует ли установленный психологический контакт с допрашиваемым бесконфликтный характер ситуации при допросе?	72

Становая О.В. Трасологическое исследование повреждений на автотранспортных средствах, причиненных человеком, не связанных с фактом ДТП	73
Сычева А.В. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничества в сфере автострахования	75
Тебиев Р.Р. Обстановка жестокого обращения с животными как элемент криминалистической характеристики преступлений	77
Торопов С.А., Горбенко Т.В. Институт судебной экспертизы: проблемы реализации в ускоренном досудебном производстве по уголовным делам.....	79
Тюлеева Е.А. Привлечение следователем сотрудника органа дознания при подготовке к допросу.....	81
Шебалин А.В. Карта вызова скорой медицинской помощи как носитель значимой для расследования умышленного причинения тяжкого вреда здоровью информации	83
Шепель Н.В. Особенности криминалистической оценки сигнального и газового оружия.....	84
Шкурихина Н.В. К вопросу о классификации типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования заведомо ложного доноса	86
Шухова Н.В. О частной теории криминалистики в эпоху всеобщей цифровизации	89
Эйхвальд Н.Л. К вопросу автоматизации криминалистического учета следов подошв обуви	91
Янгаева М.О. Типы личности киберпреступника	92

Научное издание

Под ред. канд. юрид. наук, доцента
Кругликовой Олеси Васильевны

МАТЕРИАЛЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Редактор	Ю.С. Жолобова
Корректурa	С.В. Калининой
Компьютерная верстка	Ю.С. Жолобовой

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999 г.
Лицензия Плр № 020109 от 05.07.1999 г.

Подписано в печать 10.11.2020.
Усл. п.л. 12,3. Тираж 90 экз. Заказ № 352.
Формат 60 x 84/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Барнаульский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.
бюи.мвд.рф.